

Павла Ивановича

Мельникова.

РАСКОЛЪ ВЪ УРАЛЬСКОМЪ ВОЙСКЪ

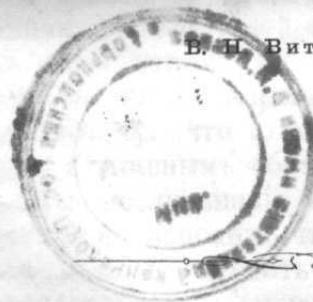
281.9 : 356

и

ОТНОШЕНИЕ КЪ НЕМУ ДУХОВНОЙ И ВОЕННОГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ

ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ XIX В.

В. Н. Витевского.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1878.

БИБЛІОТЕКА

Павла Ивановича

МЕЛЬНИКОВА,

находящаяся въ пользованіи Ни-
жегородской Ученой Архивной
Комиссіи.

ШКАФЪ

ПОЛКА

№

БІБЛІОТЕКА

ОУНІОНДАХОВНОГО КІМЕНЬХІДА

Ізвославнаго Собесѣдника" 1878 г.

КАЗАН

Ізвославнаго Собесѣдника" 1878

8784

Отъ автора.

Настоящій очеркъ служить продолженіемъ ранѣе напечатанной нами статьи: „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военногражданской власти въ половинѣ XVIII в.“⁽¹⁾. Предлагая вниманію любителей исторіи раскола настоящій очеркъ, мы считаемъ долгомъ оговориться, что они не найдутъ въ немъ широкихъ выводовъ и обобщеній, отчасти потому, что авторъ очерка — не специалистъ раскола, а главнымъ образомъ потому, что архивные документы, послуживши основаніемъ настоящаго очерка, настолько неполны, что невозможно было, на основаніи ихъ, прослѣдить со всею обстоятельностью постепенное развитіе и ослабленіе раскола въ Уральскомъ войскѣ. Большая часть документовъ, которыми мы пользовались, относится ко времени управлениія Уральскимъ войскомъ атамана А. Д. Столыпина, когда было обращено особенное вниманіе на уральскихъ раскольниковъ. Кромѣ документовъ, мы старались воспользоваться всѣмъ, что когда-либо сообщалось о расколѣ въ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ, а

(1) См. Православн. Собесѣда. 1877 г., июль и сентябрь.

также рассказами стариковъ и преданіями, сохранившимися на Уралѣ. Но, безъ сомнѣнія, настоящій очеркъ не чуждъ пробѣловъ и, можетъ быть, очень важныхъ, такъ какъ немало, вѣроятно, сохранилось интересныхъ и цѣнныхъ документовъ по истории уральского раскола въ архивахъ Уральскаго войска и въ архивѣ канцеляріи Оренбургскаго генераль-губернатора,— документовъ, которыми намъ не удалось воспользоваться. Для обстоятельного рѣшенія вопроса объ уральскомъ расколѣ, по нашему мнѣнію, необходимо внимательно просмотрѣть названные архивы, и пожить сколько-нибудь въ предѣлахъ Уральской области, заручившись довѣріемъ самихъ казаковъ. Очевидно, что все это требуетъ особыхъ средствъ и значительного времени. Не располагая ни тѣмъ, ни другимъ, мы рѣшаемся передать печати и то *немногое*, что успѣли собрать изъ преданій, частной переписки съ некоторыми уральцами, изъ печатныхъ и письменныхъ источниковъ и документовъ, а также и изъ личныхъ наблюдений, во время четырехлѣтней службы въ Уральскѣ.

Общий взглядъ на состояніе и значеніе раскола въ Уральскомъ войскѣ.—Причины его развитія и живучести на Уралѣ.—Сношения уральскихъ раскольниковъ съ Дубовскими и Иргизскими скитами.—Влияніе Иргизскихъ монастырей на Уральское войско, и возникновеніе въ Уральскѣ Успенской раскольнической часовни.

Старина всегда была дорога и привлекательна для Уральскаго войска, потому что представление о старинѣ напоминало ему золотой вѣкъ казачества, казачью вольности, свободу и народоправство. Совершившееся на глазахъ казаковъ постепенное ограниченіе ихъ правъ и привилегій, отнятіе у нихъ автономіи, по-

раждали и закаляли въ уральскихъ казакахъ нетерпимость ко всякаго рода *новшествамъ*: каждую новую мѣру, каждое распоряженіе духовной и военногражданской власти уральцы встрѣчали съ недовѣріемъ и, при первой возможности, старались противодѣйствовать имъ.

Протестуя противъ централизационныхъ стремлений Военной Коллегіи, противъ очередной службы, наѣзда слѣдователей, сыщиковъ, противъ духовныхъ и другихъ переписей,—уральскіе казаки смѣло и энергично заявляли: „*терпѣть сего не можемъ, понеже дѣло новое, незаобычайное; не было сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ—не бывать и у насъ!*“! Но этотъ протестъ, не всегда достигая цѣли, увлекалъ иногда защитниковъ старины слишкомъ далеко: попирая права части и долга, они поднимали руки на своихъ же братьевъ—казаковъ и своихъ ближайшихъ начальниковъ, звѣрски умерщвляя ихъ. Въ январѣ 1772 года, казаки, опьяненные ненавистью къ старшинской партии, перебили до 60 человѣкъ старшинъ и казаковъ; изрубили генераль-маюра Фонь-Траубенберга и своего войскового атамана Петра Тамбовцева; послѣдняго уже изрубленного вытащили за волосы на дворъ, и здѣсь еще у живаго разрѣзали грудь и вырывали сердце ⁽¹⁾.

Стараясь отстоять стариину съ ея порядками и формами общиннаго устройства, казаки почти всегда становились подъ знамя религіи: предъ самимъ убийствомъ Тамбовцева и другихъ, они собираются въ Кирсановскую церковь ⁽²⁾ и служить молебень о дарованіи имъ побѣды надъ врагомъ ихъ; то же они

⁽¹⁾ См. Член. Общ. Истор. и Древн. Россійск. 1859 г., кн. III, стр. 112 и далѣе.

⁽²⁾ Церковь во имя св. Алексѣя, митр. московскаго, теперь уже отдельно несуществующая, а вошедшая, какъ придѣль, въ составъ Казанской единовѣрческой церкви, Смотр. въ Оренб. Епарх. Вѣд. за 1878 г. напечатанную мною статью: «Первая церковь въ Уральскомъ войскѣ».

дѣлаютъ, въ маѣ 1772 г., предъ выступленіемъ въ походъ противъ трехтысячнаго отряда генерала Фреймана, отправленнаго изъ Оренбурга для ихъ усмиренія (¹). Впрочемъ нельзѧ сказать, чтобы Уральское войско отличалось религіозною нетерпимостію. Въ старицу, когда Яикъ переполнялся всякаго рода бѣглыми, войско позволяло всѣмъ, приходившимъ къ нему жить добровольно, исповѣдывать свою вѣру: татары безпрепятственно чтили Магомета, калмыки молились своему богу Бурхану и т. п., и только плѣнныхъ казаки старались обращать въ христіанство. Мы раньше замѣтили (²) также, что уральскіе казаки, находясь на службѣ, посѣщали православные храмы, а нѣкоторые брили бороды и усы, курили и нюхали табакъ и не имѣли никакихъ сношений съ раскольниками. Но когда наступало время возвращенія на родной Уралъ, казаки снова отпускали бороды, если брили ихъ, а кто куриль или нюхалъ табакъ, тѣ бросали трубки и табакерки на Общемъ Сырту, на границѣ своей земли, въ межевыя ямы, и съ стоической твердостью оставляли долговременную привычку къ наркотическому удовольствію. Въ этихъ же межевыхъ ямахъ попадается немало осколковъ стеклянной посуды,—это признаки проводовъ на службу и прощаній на рубежѣ родной земли. Что касается молодаго, подростающаго поколѣнія, то случаи куренія между нимъ весьма нерѣдки и на самомъ Уралѣ, особенно между служащими и учащимися, хотя бы они были австрійскаго толка или безпоповщинской секты. Не смотря на это, расколъ упорно держится въ Уральскомъ войскѣ. Причины этой живучести и прочности раскола скрываются, помимо исключительного предпочтенія религіознымъ преданіямъ старины, въ общественномъ

(¹) Объ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ приготовляемой мною къ печати монографіи: «Яицкое войско до Пугачева».

(²) См. въ Правосл. Собесѣд. 1877 г., въ юльской книжкѣ статью: «Расколъ въ Уральскомъ войскѣ».

строѣ войска, въ его усилії, во что бы то ни стало, поддержать прежнее устройство общины, прежніе порядки и обычаи страны, прежній духъ казачества. Защищая неприкосновенность старыхъ обрядовъ, ратуя за двуперстный крестъ и бороду, казаки тѣмъ самыемъ отстаивали и свои права и привилегіи, свободу и вольности, право располагать собою и жить по своему усмотрѣнію. Это желаніе обособиться и быть у себя полновластными и независимыми хозяевами и дѣлало старину и старую вѣру привлекательными въ глазахъ уральцевъ. Когда Москва узнала поближе Яицкихъ казаковъ и начала постепенно осаждать ихъ своими преобразованіями; когда казаки поняли, къ чему были направлены эти новыя реформы, — расколъ, какъ протестъ противъ реформъ военногражданскихъ, началъ усиливаться. Между тѣмъ корыстное отношеніе къ расколу казачьихъ чиновниковъ, не всегда умѣстное преслѣдованіе раскольниковъ со стороны духовной и военной власти, и строгія мѣры сыщиковъ и слѣдователей еще болѣе подогревали ненависть къ Москвѣ и тѣснѣ сплачивали казаковъ, способствуя росту, крѣпости и распространенію раскола въ войсковыхъ предѣлахъ. Мы уже знаемъ, что протестъ казаковъ противъ реформъ военногражданскихъ и злоупотребленія властей закончился бунтомъ въ самомъ Уральскѣ и непосредственнымъ участіемъ казаковъ въ Пугачевщинѣ. Кровавыя январскія событія 1772 г., низведшія въ могилу Тамбовцева, Траубенберга и другихъ, а затѣмъ Пугачевскій бунтъ отвлекли на нѣкоторое время вниманіе казаковъ отъ вопросовъ религіозно-обрядовыхъ; но съ усмиреніемъ мятежа, когда рѣка Яикъ была переименована въ Уралъ, а Яицкие казаки — въ Уральскихъ⁽¹⁾, — вопросы, касавшіеся старой вѣры, старыхъ

⁽¹⁾ Указъ Императрицы Екатерины II, данный въ Царскомъ селѣ 15 января 1773 г. Въ Ур. в. арх., № 72, 1 и 2.

обрядовъ и старопечатныхъ книгъ, снова сдѣлались любимыми вопросами поборниковъ казачьей вольности. Расколоучители встрепенулись и, успокоившись насчетъ своей безопасности, начали, подобно своимъ предшественникамъ, „разъвать свой тлетворный и душепагубный куколъ въ чистую пшеницу“. Они спѣшить устраивать въ войсковыхъ предѣлахъ молитвенные дома, часовни и скиты, которые дѣлаются главными притонами раскола на цѣлое столѣтіе.

Междѣ тѣмъ недостатокъ богословско-догматического и миссионерского образованія у войскового духовенства, совершенное невѣжество пасомыхъ и малочисленность храмовъ, какъ нельзя лучше, способствовали дѣлу рѣшительныхъ, находчивыхъ и всегда энергичныхъ расколоучителей.

Во всѣмъ Уральскомъ войскѣ, занимающемъ площадь почти въ семь миллионовъ десятинъ земли, до начала второй четверти текущаго столѣтія было только восемь храмовъ, за исключеніемъ Сакмарскаго, а именно: є въ Уральскѣ⁽¹⁾, въ Гурьевѣ, Илецкомъ городкѣ и въ Калмыковской крѣпости⁽²⁾—по одному. Если принять во вниманіе, что храмы Илецкій⁽³⁾ и Калмыковскій возникли уже въ первой четверти настоящаго столѣтія⁽⁴⁾, а въ самомъ Уральскѣ изъ пяти храмовъ два совершиенно сгорѣли⁽⁵⁾ еще въ

(1) Михайло-Архангельскій соборъ, церковь св. апостоловъ Петра и Павла, Казанская, св. Алексѣя, митрополита московскаго, и Преображенская.

(2) Съ образованіемъ въ 1869 г. Уральской области, Калмыковская крѣпость переименована въ уѣздный городокъ.

(3) Во имя Введенія во храмъ Божія Матери.

(4) Первая—въ 1814 г., а вторая—Калмыковская церковь, во имя св. Флора и Лавра, въ 1821 году.

(5) Эти два храма были—Преображенскій и св. Алексѣя, митрополита московскаго, о которыхъ сохранились самыя смутныя воспоминанія на Уралѣ. Объ этихъ храмахъ, равно какъ и о другихъ церквиахъ Уральской области, будетъ напечатана иною особая статья въ издан. Оренбургскаго Статистич. Комитета за текущій годъ.

1751 году, въ Шилихинъ пожаръ, и послѣ не были возобновляемы, остальные же, по случаю сильныхъ пожаровъ 1722, 1751, 1807 и 1821 годовъ, постоянно перестраивались и поправлялись,—если припомнить, что Гурьевъ городокъ до 1753 г. находился въ вѣдѣніи Астраханской губерніи, съ присоединенiemъ же его къ Уральскому войску, городъ до того оказался ветхъ, что нужно было перестраивать его весь ⁽¹⁾, а старый храмъ, во имя Спаса Нерукотвореннаго, замѣнить новымъ ⁽²⁾, — если принять все это въ соображеніе: то оказывается, что Уральское войско до начала текущаго столѣтія оставалось почти безъ церквей, тѣмъ болѣе, что неоднократно горѣвшія уральскія городскія церкви поправлялись весьма медленно. Профессоръ Палласъ, посѣтившій Яицкій городокъ почти чрезъ 20 лѣтъ послѣ извѣстнаго Шилихина пожара ⁽³⁾, испепелившаго почти весь городъ, замѣчаетъ, что „тѣ каменные церкви, которая послѣ бывшаго за двадцать лѣтъ пожара начаты строить, еще нынѣ ⁽⁴⁾ несовершены“; причину этого Палласъ видѣтъ въ холодности казаковъ къ церкви, въ ихъ склонности къ расколу. Понятно, что почти совершенное отсутствие храмовъ въ Уральскомъ войскѣ представляло чрезвычайны затрудненія и для истинныхъ, православныхъ сыновъ Церкви, которые, незамѣтно охладѣвая къ храму Божію, иногда, по необходимости, обращались къ раскольническимъ попамъ и скитскимъ монахамъ, чтобы послѣдніе окрестили новорожденнаго младенца или прочитали скитское покаяніе умирав-

⁽¹⁾ Топogr. Оренб. губ. ч. II, стр. 24. Смотр. отзывы о Гурьевѣ капитана Залѣскаго.

⁽²⁾ Прежня каменная церковь находилась надъ Спасскими воротами и имѣла два придела: во имя св. Афанасія и Кирилла Александрійскихъ и св. Алексія Божія человѣка. Неплюевъ приказалъ ее разобрать и построить новую деревянную, посвятивъ имени св. Николая, чудотворца Мурликійскаго.

⁽³⁾ Шилихинъ пожаръ былъ въ 1751 году.

⁽⁴⁾ Палласъ былъ въ Яицкомъ городокѣ въ юлѣ 1769 года.

шему члену ихъ семейства, — все же это лучше, думали они, чѣмъ оставлять новорожденного безъ крещенія или опустить въ могилу близкаго и дорогаго человѣка безъ всякой молитвы.

Между тѣмъ, недостатка въ раскольническихъ скитахъ и старцахъ не было. Въ половинѣ XVIII в., на Яикѣ, существовала уже особая часовня, въ которой совершалось богослуженіе раскольническими попами Сергиемъ и Аврамиемъ, а „*между казачими домами были устроены скиты*“; въ этихъ скитахъ и кельяхъ, расположенныхъ внизъ по Яику, находилось всѣхъ раскольничихъ старцевъ и старицъ *болѣе двухъ сотъ* человѣкъ, въ томъ числѣ *до сорока* постриженныхъ старцевъ⁽¹⁾. Въ самомъ Яицкомъ городкѣ, какъ мы уже знаемъ⁽²⁾, находилась раскольническая слобода, или Шацкий монастырь, уничтоженный въ 1741-мъ году. Закрытие этого монастыря и преслѣдованія раскольниковъ, со стороны Военной Коллегии, повели къ тому, что они разсѣялись по всѣмъ наиболѣе безопаснѣмъ мѣстамъ войсковыхъ земель, чтобы укрыться отъ надзора полиціи; особенно любимыми мѣстами ихъ сдѣлались нѣкоторые изъ острововъ р. Яика, склоны Общаго Сырта и р. Узени. Когда въ Оренбургскомъ краѣ вспыхнулъ башкирскій бунтъ Батырши Алѣева, а на Западѣ начиндалась семилѣтняя война; правительство вынуждено было оставить раскольниковъ въ спокойствии, чтобы воспользоваться силами Яицкаго войска. Раскольники успокоились и продолжали свое дѣло съ прежней энергией. Земля Уральскаго войска, попрежнему, сдѣлалась пристанищемъ бродягъ разнаго рода; это былъ алтарь, за уголъ котораго спѣшилъ ухватиться преступникъ, чтобы избѣжать кары закона или спастись

⁽¹⁾ См. въ Тург. обл. арх. указы 1752 г., кн. 25, и указы 1753 г., кн. 26.

⁽²⁾ Прав. Собесѣди 1877 г., юль и сентябрь мѣсяцы^(*)

отъ угрожавшей ему смерти. Большая часть бѣглыхъ находила пріютъ въ казачьихъ форпостахъ и хуторахъ: бродяги нужны были казакамъ какъ рабочія руки. Но между бѣглыми на Уралѣ были и такие, которые селились гдѣ - нибудь въ уединенныхъ мѣстахъ и вели отшельническую пустынную жизнь; въ числѣ ихъ бывали и каторжники съ Сибирскихъ рудниковъ, которые, скрываясь отъ преслѣдованій начальства, посвящали остатокъ своей жизни уединенію и суровому подвижничеству, желая загладить мрачное прошлое. Сюда же стремились и проповѣдники раскола, которые строили дома, кельи и мольбни для своей обители въ какомъ - нибудь захолустьѣ, въ лѣсной глухи, въ горахъ, пещерахъ и на островахъ. Такъ возникали въ Уральскомъ войскѣ новые скиты, куда текла мірская копѣйка и не только на содержаніе скитской братіи, но и на образованіе особой суммы, доходившей иногда до почтенныхъ размѣровъ и служившей цѣлямъ расколоучителей. Въ этихъ скитахъ, какъ увидимъ, находили пріютъ подозрительные, праздношатающіеся и беспаспортные люди, если только они давали обѣтъ принадлежать къ извѣстной сектѣ.

Уральскіе раскольники и ихъ скиты издавна находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Вѣтковскими раскольниками и Волжскими скитами Дубовскихъ раскольниковъ. Изъ показаній старца Варео-ломея видно, что у Волжскихъ, или Дубовскихъ казаковъ скиты существовали раньше, чѣмъ у Яицкихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Дубовки, вверхъ по Волгѣ, въ Олеиней Балкѣ находился скитъ, въ которомъ жили 12 старцевъ, въ томъ числѣ расколоучитель іеромонахъ Сергій и старецъ Александръ, бывшие первоначально въ Вѣткѣ; сюда же явился и бѣглый попъ изъ Иловлинской станицы Донского войска Тимоѳей, постриженный Сергиемъ, подъ именемъ Тихона, и удалившійся потомъ на Вѣтку, а оттуда въ 1751 г. Тихонъ прибылъ на Яикъ и замѣнилъ здѣсь

Аврамія, который отправился къ Вѣтковцамъ. Атаманъ Волжскихъ казаковъ, Макарь Персидскій отличался личнымъ покровительствомъ расколу: скитъ въ Оленьей Балкѣ былъ устроенъ по его позволенію; Персидскій помогалъ скитскимъ старцамъ деньгами и хлѣбомъ; сынъ его Андрей лично посѣщалъ скитъ и присутствовалъ при постриженіи Иловлинскаго попа Тимоѳея; писарь Персидскаго, Дмитрій Савельевъ, не разъ приглашалъ къ себѣ скитскихъ старцевъ для совершенія богослуженія въ своемъ домѣ (¹), — и все это атаманъ Макарь Персидскій зналъ и смотрѣль на дѣло раскольниковъ сочувственно, хотя и не принималъ въ немъ непосредственнаго участія. Въ саду атамана Персидскаго жилъ его зять, донской казакъ Минѣй Сергеевъ, дававшій у себя пріютъ многимъ раскольникамъ. Близъ загороднаго дома Персидскаго, въ Дубовкѣ, на самомъ берегу Волги, жили расколоучители Никаноръ и Игнатій; близъ хутора старшины Захара Ситникова, на р. Малой Бердѣ, подвижался на пользу раскола грамотный старецъ Феофанъ; при домѣ дубовскаго казака Алексея Мельникова былъ скитъ, въ которомъ находилось довольно много безпоповцевъ-бѣльцевъ, мужескаго и женскаго пола, а у Фомы Спиридонова жили бѣглые съ Дону, въ томъ числѣ писарь изъ Качалинской станицы Матвѣй. Атаманъ Персидскій и старшины Волжскаго войска знали объ этихъ раскольникахъ и послѣдніе отъ нихъ не скрывались. Покровительствуемые Персидскимъ, раскольники открыто проповѣдывали, что „нынѣ православной вѣры никогда не будетъ“; что, кроме такого единенія, въ какомъ живутъ они, истиннаго пути сыскать невозможно и т. п. Поступавшіе въ ихъ скитъ и секту должны были торжественно проклинать „все настоящее въ Россійскихъ церквахъ правовѣріе“ (²). — Вотъ эти-то скиты и были первоначально любимыми

(¹) Кн. Секретн. пов. № 6, стр. 32. Слич. въ Ур. в. арх. № 41.

(²) См. тамъ же.

мѣстами, въ которыхъ Яицкіе казаки искали себѣ истовыхъ поповъ⁽¹⁾, душеспасенія и разрѣшенія вопросовъ вѣры. Но особенно высокую репутацію въ глазахъ Уральского войска получаютъ Иргизскіе монастыри, возникшіе во второй половинѣ XVIII вѣка.

По рѣкамъ Большому и Малому Иргизу, какъ извѣстно, издавна селились бѣглые, преступники и раскольники; со второй же половины XVIII вѣка наплывъ сюда бѣглыхъ усилился еще болѣе. Въ началѣ декабря⁽²⁾ 1762 года, Екатерина II издала извѣстный манифестъ, а 14 декабря того же года послѣдовалъ сенатскій указъ, въ силу котораго всѣ бѣжавшіе въ разное время за границу и въ Польшу раскольники получили право, или скорѣе—приглашеніе, на возвращеніе въ Россію; имъ прощены были всѣ ихъ вины и дозволено, по ихъ обыкновенію, носить бороды и не носить платье нѣмецкаго покроя. Указавъ разныя мѣстности для поселенія выходцевъ, правительство обѣщало имъ льготы отъ всякихъ податей на шесть лѣтъ, со времени поселенія ихъ на избранныхъ мѣстахъ⁽³⁾. Вслѣдствіе этого, многіе изъ укрывавшихся за границей пожелали возвратиться въ Россію. Въ числѣ мѣсть, избранныхъ для поселенія, между прочимъ, указаны были правительствомъ и рѣки Большой и Малый Иргизъ, которыя сдѣлались любимымъ притономъ выходцевъ, особенно облюбовали они Большой Иргизъ. Осѣвшиесь здѣсь на постоянное жительство, пришельцы заводятъ скиты и столь извѣстные потомъ Иргизскіе монастыри⁽⁴⁾. Множество

⁽¹⁾ Такъ, напримѣрь, іеромонахъ Сергій, настоятель Олење-Балкинскаго скита, перешелъ къ Яицкимъ казакамъ и умеръ на Яицѣ; постриженный имъ попъ Тимоѳей—тоже былъ попомъ у Яицкаго войска, начиная съ 1754 г., и другіе.

⁽²⁾ Именно 4 декабря. П. С. З., т. XVI, № 44,720.

⁽³⁾ П. С. З., т. XVI, № 44,725. Слвч. т. XXI, № 43,581.

⁽⁴⁾ Смотр. въ Прав. Собесѣди. (1837 г. т. II) «Историч. свѣдѣнія объ иргизскихъ мнимо-старообрядческихъ монастыряхъ, до обращенія ихъ къ единовѣрію».

возникшихъ здѣсь хуторовъ, слободъ и сель⁽¹⁾, особенно же села *Мечетное* и *Балаково*, сдѣлались впослѣдствіи важнѣйшими пунктами отпуска пшеницы. Всѣ эти поселенія раскольниковъ тяготѣли къ Иргизскимъ монастырямъ „какъ планеты къ солнцу“⁽²⁾; сюда же устремились и взоры Донскихъ, Волжскихъ и Уральскихъ казаковъ, зараженныхъ расколомъ. Съ одной стороны, это сближеніе казаковъ съ Иргизскими поселенцами было выгодно для первыхъ. Иргизскіе раскольники научили казаковъ хлѣбопашству и разведенію превосходной пшеницы: подъ вліяніемъ этихъ сношеній, Уральские казаки, заселяя рѣки Чижи (1790 г.) и Чаганъ (съ 1780 г.), водворили и тамъ земледѣліе; но въ тоже время они укрѣпляли въ нихъ начала раскола.

Иргизскіе монастыри сдѣлались какъ-бы разсадникомъ и митрополіей раскольническихъ скитовъ въ Уральскомъ войскѣ: они давали направленіе ихъ дѣятельности и доставляли имъ своихъ поповъ со всѣми необходимыми принадлежностями для совершенія богослуженій. Чиновники и простые казаки, съ женами и дѣтьми, ежегодно цѣльными обозами отправлялись изъ Уральска на богомолье въ Иргизскіе монастыри ко времени Успенскаго поста, запасшись въ дорогу на случай безопасности ружьями, порохомъ и свинцемъ. Здѣсь богомольцы, во время поста, говѣли, испорѣдывались и причащались у Иргизскихъ іеромонаховъ и—снова отправлялись домой, прилично наградивъ своихъ отцевъ духовныхъ. Эта религіозная потребность уральскихъ старообрядцевъ исполнялась и послѣ, когда *въ самомъ Уральскѣ*, по просьбѣ чиновниковъ, была устроена *благословенная*⁽³⁾ раскольни-

⁽¹⁾ Криволучье, Каменку, Балаково и Мечетное, теперешній Николаевскъ, уѣздный городъ Самарской губерніи. Село «Мечетное» здѣсь не-вѣрою названо «Менетнай».

⁽²⁾ Уральск. в. вѣд. 1872 г., № 40.

⁽³⁾ Что это за «благословенная» часовня, объ этомъ узнаемъ далѣше.

ческая часовня, и когда у казаковъ явились свои излюбленные, истовые попы. Словомъ, сношения уральскихъ казаковъ съ Иргизскими раскольниками продолжались вплоть до обращенія Иргизскихъ монастырей въ единовѣріе, т. е. до 1837 года (*).

Въ концѣ осмидесятыхъ годовъ прошлого вѣка, Уральское войско, руководимое Иргизскими раскольниками и ближайшими своими начальниками, испросило позволеніе на постройку новой церкви въ г. Уральскѣ, въ честь Успенія Божія Матери. Церковь была заложена на мѣстѣ теперешней Успенской церкви и устроена на подобіе большой часовни, съ шатровою крышей, освѣнной осмиконечнымъ крестомъ, вопреки наказу казанского епископа Луки: „шатровыхъ церквей отнюдь не строить“ (†). Въ 1780 году постройка этой церкви совершенно была окончена (‡), нужно было только освятить ее; но этому воспротивились влиятельныя аристократическія фамиліи въ войскѣ. Дѣло въ томъ, что въ это время отъ Иргизскихъ монастырей особенно началъ сильно заражаться расколомъ высшій слой Уральского войска; самъ войсковой атаманъ Даниилъ Дмитріевичъ Донковъ былъ на сторонѣ раскольниковъ. Происходя изъ Донского войска, Даниилъ Дмитріевичъ, въ царствованіе Екатерины II, былъ сосланъ въ Сакмарскій городокъ за возмущеніе, произведенное имъ на Дону, и отличался упорной склонностью къ старинѣ и ея обрядовой жизни. Не смотря на свое сочувствіе къ расколу, ссыльный донской казакъ скоро обратилъ на себя вниманіе Оренбургскаго губернатора Игельстрома и, благодаря ему, въ 1776 году былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ Уральского войска, въ чинѣ премьеръ-маіора, а

(*) Ур. в. вѣд. 1872 г., № 40. Слич. Пр. Собесѣдн. 1858 г., т. I.

(†) Благословенная грамата казанского епископа Луки, отъ 29 янв. 1747 г. Слич. Ур. в. вѣд. 1874 г., № 20.

(‡) Въ Ур. в. арх. письмо Столыпина къ Оберъ-прокурору свят. Синода, отъ 29 ноября 1858 г.

въ 1790 г. получилъ чинъ подполковника и былъ утвержденъ войсковымъ атаманомъ; въ 1795 году г. Донсковъ награжденъ чиномъ бригадира, въ 1797 г. сдѣлался генералъ-майоромъ и умеръ въ 1798 году. Когда постройка церкви была кончена, бригадиръ Михайловъ, Акутины, Назаровы, Бородины (¹) и другіе представители Уральской аристократіи уговорили нѣкоторыхъ казаковъ принять бѣглаго попа, который совершалъ бы богослуженіе въ новой часовнѣ, получая дары отъ Иргизскихъ монаховъ, самая же часовня осталась бы неосвященной. Примѣръ начальниковъ и вообще влиятельныхъ казаковъ увлекъ за собою почти все войско (²). Около Успенской часовни было выстроено много келій, принадлежащихъ часовнѣ; въ этихъ келіяхъ помѣщались временно и пожизненно убогіе, которые всѣ составляли прозелитовъ старообрядчества. Часовенскій городокъ былъ похожъ на монастырь, только безъ монаховъ; онъ сдѣлался скоро центромъ, къ которому тяготѣли уральские старообрядцы; уральская аристократія безъ исключенія принадлежала къ приходу Успенской часовни. Вслѣдствіе громаднаго числа своихъ прихожанъ, Успенская часовня имѣла богатыя средства; у нея всегда были готовы деньги на черный день, — на случай, когда начнутся преслѣдованія ея прихожанъ. — Вообще, открытие Успенской часовни немало благопріятствовало усиленію раскола въ Уральскомъ войску. Генералъ Столыпинъ, въ своемъ письмѣ къ Оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, между прочимъ, замѣчаетъ объ этой часовнѣ: „*До 1780 года почти все Уральское войско принадлежало къ церкви единовѣрческой;* въ этомъ году поступило разрешеніе принимать бѣглыхъ поповъ

(¹) Въ архивѣ Михайло-Архангельского собора сохранились помянники, изъ которыхъ видно, что эти фамиліи принадлежали прежде къ Михайло-Архангельскому собору.

(²) Письмо Столыпина, отъ 29 ноября 1858 г., къ Оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

и построить часовню, въ которую *перешло почти все войско*. Вотъ ясное доказательство вреда, причиненного въ Россіи позволеніемъ допускать бѣглыхъ понаръ!—Странно, что и понынѣ нѣкоторые предлагаютъ эту мѣру”⁽¹⁾?

Оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода, графъ Алекс. Петровичъ Толстой, въ отвѣтъ на это письмо, спрашивалъ Столыпина: „какъ объяснить выраженіе: „до 1780 года все Уральское войско принадлежало къ церкви единовѣрческой“?—Тогда какъ:

1) Единовѣрческая церковь на правилахъ, предложенныхъ самими старообрядцами, искавшими соединенія, разсмотрѣнныхъ митрополитомъ Платономъ и Высочайше утвержденныхъ, учреждена въ 1800 году.

2) До положительного же учрежденія единовѣрческой церкви, хотя и были случаи присоединенія раскольниковъ съ тѣми же льготами, которыми нынѣ пользуются единовѣрцы; но всѣ эти случаи были позднѣе 1780 г. и не въ уральскомъ войскѣ. Такъ: а) свободы Знаменская и Злынка въ бывшей Словенской епархіи обращены увѣщаніями преосвященнаго Никифора Феотоки послѣ его Окружнаго посланія, писаннаго въ Полтавѣ 25 марта 1780 года. б) Обращеніе знаменитаго инока стародубскаго раскольническаго монастыря Никодима произошло около 1784 года. в) Знаменитый иргизскій инокъ Сергій обратился около 1790 года. г) Указъ Екатерины II, коимъ дозволялось стародубскимъ раскольникамъ, изъявившимъ желаніе имѣть правильное священство и подчиниться власти церковной, соблюдать обрядъ и чинъ по своему обычаю, данъ 27 августа 1785 года. д) Освященіе 12 единовѣрческихъ церквей въ слободахъ стародубскихъ совершено между 1788 и 1795 годами.

⁽¹⁾ Письмо отъ 17 юла 1838 г., въ Ур. в. архивѣ.

3) Раскольникъ Пугачевъ нашелъ себѣ сообщниковъ въ Уральскомъ (яицкомъ) войскѣ между 1772 и 1774 годами. Хотя въ то время и была въ Яицкомъ городкѣ церковь, но нѣть извѣстій, чтобы она была единовѣрческая. Обыкновенно думаютъ, что въ годину Пугачевскую, если и были между уральцами православные, то составляли меньшую часть. Не слѣдуетъ ли читать вмѣсто 1780 года—1810 года,—время, въ которое очень умножился въ Россіи расколъ поповщинской секты, вслѣдствіе чрезмѣрной терпимости ко всяkimъ ерѣсямъ и расколамъ первой половины царствованія Александра I? (¹).

Столыпинъ на это отвѣчалъ: „дѣйствительно, въ эту фразу вкрадась ошибка, но не въ тօдѣ, а въ словѣ „единовѣрческой“. Слѣдуетъ ли его замѣнить—„православной“?—Это вопросъ, который трудно разрѣшить; доказано какъ по свидѣтельству лицъ, оставшихся въ живыхъ, такъ и по документамъ, что до 1800 года существовали въ Уральской церкви: Михаила архангела, Алексея митрополита, Казанская и Петропавловская, и эти церкви хотя были православныя, но очень можетъ быть, что, по недостатку контроля въ войскѣ, въ нихъ богослуженіе производилось по старопечатнымъ книгамъ, ибо, напримѣръ, въ Михаило-архангельскомъ соборѣ имѣлись и эти и книги новой печати, которыхъ лежали безъ употребленія до постройки православнаго Александро-невскаго собора (²), куда онъ и были сданы. Расколъ въ войскѣ начался раньше 1780 года, а въ 1810 году расколъ усилился еще больше чрезъ то, что правительство утвердило чаровнико (³), которая до этого времени

(¹) Въ Уральск. в. арх. Письмо отъ 6 ноября 1858 года.

(²) Освященнаго въ 1850 году.

(³) Успенскую. Смич. выше первое письмо Столыпина, гдѣ онъ говоритъ, что разрѣшеніе на принятие бѣглыхъ поповъ въ устройство Успенской часовни было дано въ 1780 г., чтѣ теперь самъ же отрицааетъ.

ществовала въ войскѣ лишь по недостатку контроля и чрезъ поощрение мѣстнаго начальства. Что касается Пугачева, я замѣчу, что онъ вовсе не былъ раскольникъ, каковымъ его представляется Пушкинъ, по недостатку собранныхъ имъ материаловъ; онъ былъ просто *мощенникъ*, который съ раскольниками былъ раскольникъ, а съ православными—православный; доказательства тому ясныя: 1) въ городахъ и селеніяхъ, имъ захваченныхъ, его обыкновенно встрѣчало духовенство съ образами, хоругвями и крестомъ, къ которому онъ прикладывался; 2) его вѣнчали на Устинъ, въ Уральскѣ, въ Михайло-архангельскомъ соборѣ православный священникъ Живетинъ. *Если бы казаки въ то время были раскольники, кто бы принудилъ Пугачева въ средѣ ихъ вѣнчаться въ церкви?*— Слѣдовательно, Пугачевъ набралъ первую шайку не изъ раскольниковъ, а изъ недовольныхъ, въ числѣ которыхъ, можетъ быть, было немногого и раскольниковъ.

Изъ этой переписки, между прочимъ, видно, что уральский расколъ составлялъ немаловажную проблему вообще въ исторіи раскола въ Россіи: даже въ пятидесятыхъ годахъ о немъ не имѣли положительныхъ свѣдѣній ни въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ, ни въ средѣ уральской администраціи. Мы уже знаемъ, что расколъ въ уральскомъ войскѣ начался еще въ XVII вѣкѣ, а въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія здѣсь, какъ мы видѣли изъ показаній старца Вареоломея, существовали правильно организованные раскольническіе скиты и молельни, вызвавшія преслѣдованія со стороны Военной Коллегіи (¹). Служба въ уральскихъ церквяхъ всегда совершилась по старопечатнымъ книгамъ, и войсковое духовенство не сочло даже нужнымъ скрыть этого, когда было спрошено о томъ казанскимъ епископомъ Лукою (²).

(¹) См. Прав. Собесѣдн. 1877 г., сентябрь.

(²) Тамъ же.

Такимъ образомъ, если считать отличительными признаками единовѣрія старопечатныя книги и двуперстное сложеніе, то можно сказать, что оно существовало въ уральскомъ войскѣ задолго до офиціального разрешенія его правительствомъ: здѣсь приверженцы старой вѣры, не опасаясь преслѣдованій, могли свободно креститься двуперстно, имѣть старопечатныя книги и слушать отправляемую по нимъ службу. — Православныхъ, въ смыслѣ строго-обрядового, на Уралѣ тогда не было, а были только единовѣрцы и раскольники; первые ходили въ свои церкви, а послѣдніе удовлетворяли религіозной потребности въ раскольническихъ скитахъ и молельняхъ. Подъ вліяніемъ иргизскихъ монастырей, большая часть единовѣрцевъ, т. е. прихожанъ уральскихъ городскихъ церквей, также перешла въ расколъ и устроила особую раскольническую часовню — Успенскую, преобразованную вслѣдствіи, какъ увидимъ, въ Успенскую единовѣрческую церковь, существующую доселе на мѣстѣ прежней часовни.

Мѣста общественной молитвы и богослуженій въ Уральскомъ войскѣ. — Замѣчательные раскольнические скиты. — Значеніе скитовъ въ расколѣ и ихъ вліяніе на Уральское войско.

Въ настоящее время во всемъ Уральскомъ войскѣ считается 28 церквей; но большая часть ихъ, какъ увидимъ дальше, возникла уже во второй и третьей четверти текущаго столѣтія, благодаря дѣятельности наказныхъ атамановъ В. О. Покатилова и А. Д. Столыпина. До 1837 года въ Уральскомъ войскѣ было только семь храмовъ: 4 въ Уральскѣ⁽¹⁾, одинъ въ Илекѣ, въ Гурьевѣ 1 и въ Калмыковѣ 1; форпост-

⁽¹⁾ Михайло-Архангельский соборъ, церкви: Петроцавловская, Казанская единовѣрческая и Казанская — православная, при военныхъ казармахъ, возникшая въ 1831 г.

ныхъ церквей вовсе не было: первая форпостная церковь была построена лишь въ 1837 г. въ Сахарномъ форпостѣ, во имя Введенія во храмъ Божія Матери. До 1830 года атаманами Уральского войска были лица изъ казачьяго сословія; вполнѣ раздѣляя раскольническія убѣжденія казаковъ, они никакъ не заботились объ устройствѣ церквей въ войскѣ. Недостатокъ храмовъ восполнялся обилемъ моленныхъ домовъ, часовенъ и раскольническихъ скитовъ, находившихся во множествѣ въ предѣлахъ Уральского войска.

Начало возникновенія скитовъ въ Уральскомъ войскѣ относится къ концу первой половины XVIII в., когда было воздвигнуто гоненіе на раскольниковъ со стороны Военной Коллегіи.—Въ 1741 г., какъ мы уже знаемъ, былъ уничтоженъ Шацкій монастырь, находившійся въ самомъ Уральскомъ. Раскольники, скрываясь отъ преслѣдованія ссыкныхъ командъ, разсѣялись по склонамъ Общаго Сырта и по малоизвѣстнымъ островамъ р. Урала. Въ половинѣ XVIII в., какъ показалъ старецъ Варѳоломей, по нижнему течению Урала считалось уже *болѣе двухъ сотъ скитскихъ жильцевъ*, въ томъ числѣ однихъ *постриженныхъ* старцевъ было *до сорока* чел. Въ какихъ именно мѣстахъ обитали эти старцы, или где были ихъ скиты, изъ показаний Варѳоломея не видно. Въ концѣ XVIII и въ XIX в. мы встречаемъ въ Уральскомъ войскѣ слѣдующіе замѣчательные скиты: Гниловскій, Бородинскій, Бударинскій, Митрясовскій, Сергіевскій и Садовской. Всѣ эти скиты, кроме Бударинскаго и Садовскаго, были уничтожены въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, благодаря настоянію А. Д. Столыпина. *Гниловскій скитъ* находился близъ *Гниловскаго умѣта*, отъ котораго онъ и получилъ свое название; это—женскій скитъ; основательницей его, по преданію, была скитница Софья, происходившая изъ иногороднаго сословія. *Бородинскій женскій скитъ* получилъ свое название отъ *Бородинскаго форпоста*, около котораго онъ былъ расположены; онъ также

известенъ былъ подъ именемъ *Кошевскою*. Въ шестидесятыхъ годахъ, въ Гниловскомъ скиту считалось 13, а въ Бородинскомъ 14 скитницъ.

Въ предѣлахъ Илецкихъ казаковъ на *Митрясовскомъ островѣ*⁽¹⁾, въ луговой сторонѣ Урала, находился *Митрясовский скитъ*. Вначалѣ онъ былъ заселенъ *поморцами* и вообще раскольниками безпоповщинской секты, а потомъ тамъ проживалъ всякий сбродъ, всякий проходимецъ обоего пола, чтѣ и подало поводъ къ его уничтоженію. Между обитателями этого скита пользовались особенной известностью въ войсکѣ: монахъ изъ казаковъ, по фамиліи Березовскій; бѣжавшій съ Иргиза монахъ Гавріиль и Зосима, известный въ монашествѣ подъ именемъ Герасима⁽²⁾.

Когда возникли вышеозначенные три скита, положительныхъ указаний на то мы не имѣемъ; но несомнѣнно, что они появились не позже конца прошлаго вѣка.

Бударинский мужской скитъ, находящійся близъ *Бударинской станицы*, существуютъ и до сихъ поръ. Время основанія этого скита съ точностью также не известно; но, основываясь на церковной летописи Бударинской единовѣрческой церкви, можно думать, что онъ возникъ давно,—по крайней мѣрѣ, не позже первой четверти настоящаго столѣтія. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Бударинскомъ скиту была основана и застроена церковь, которая освящена въ 1869 году, во имя Св. и Чудотворца Николая⁽³⁾, свя-

⁽¹⁾ Митрясовскій островъ омывается съ одной стороны р. Ураломъ, а съ прочихъ—луговыми ериками, полными воды въ весенное время и впадающими въ Ураль.

⁽²⁾ Зосима и Гавріиль, по уничтоженію Митрясовскаго скита, переведены были въ Сергіевскій скитъ, где и окончили дни своей жизни; а Березовскій поселился въ Мухрановской форпостѣ, откуда онъ былъ родомъ.

⁽³⁾ Въ статьѣ: «Первая церковь въ Уральскомъ войсѣ», напечатанной въ Оренб. епарх. вѣдѣ за 1878 г. *Никольская Бударинская церковь* названа мною ошибочно — *Знаменской*, т. е. въ честь Знаменія Божія Матери.

ищенникомъ Александромъ Паленовымъ, настоятелемъ Уральской Никольской церкви. Бударинская Никольская церковь была открыта на особыхъ правахъ такъ называемыхъ „благословенныхъ“, или дозволенныхъ, церквей, какъ Ильинская — въ Илекѣ и Никольская — въ Уральскѣ, о чмъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Въ настоящее время при Бударинской церкви причта нѣть, а всѣмъ заправляетъ, по заявлѣнію протоиерея Назарова, лжеепископъ Викторъ изъ уральскихъ казаковъ, рукоположенный въ Москвѣ въ 1876 году.

Но особенную извѣстность въ Уральскомъ войскѣ получили скиты: Сергіевскій — мужской и Садовскіе — женскіе скиты; первый изъ нихъ упраздненъ въ одно время съ Гниловскимъ и Бородинскимъ, а послѣдніе существуютъ и доселѣ.

Сергіевский скитъ, служившій болѣе полвѣка главнымъ притономъ раскола и его приверженцевъ въ Уральскомъ войскѣ, возникъ въ концѣ XVIII вѣка. Основателемъ *Сергіевскаго* скита былъ иргизскій инокъ *Сергій*, происходившій, какъ и знаменитый основатель иргизскихъ монастырей, изъ купеческаго званія и родившійся въ Москвѣ, въ концѣ царствованія Анны Іоанновны, именно въ 1739 году. Сергій назывался въ міру Семеномъ; въ началѣ второй половины XVIII в. онъ удалился на Иргизъ, гдѣ принялъ монашество, подъ именемъ Сергія, и поступилъ въ число братии Верхнеуспенского монастыря⁽¹⁾. Имѣя 54 года отъ рода, онъ удалился изъ монастыря въ холмистую

⁽¹⁾ Г. Савичевъ говорить, что Сергій былъ постриженъ въ Верхнеуспенскомъ монастырѣ священникомъ Исаакомъ въ 1758 году (см. Урал. В. Вѣд. 1856 г., № 42); но едвали это справедливо, такъ какъ Верхнеуспенскій скитъ-монастырь возникъ только послѣ 1762 г. (См. Пр. Собес. 1857 г., стр. 383). Не смѣшалъ ли г. Савичевъ основателя Сергіевскаго скита съ Сергіемъ, основателемъ иргизскихъ монастырей, который былъ сыномъ московскаго купца Петра Юршева, въ міру назывался Симономъ и былъ постриженъ въ одномъ изъ скитовъ, находившихся въ дѣсахъ Московской губерніи.

мѣстность Общаго Сырта, и здѣсь, безъ всякаго спро-
са и разрѣшенія властей, основалъ въ 1793 году осо-
бый скитъ, который отъ имени основателя и полу-
чилъ название *Сергіевскаго*.

Мѣстность, гдѣ построенъ былъ Сергиемъ скитъ,
находится во 110 верстахъ отъ Уральска, въ 6 вер-
стахъ отъ Соболевскаго умѣта и въ трехъ верстахъ
отъ рѣки Чагана ⁽¹⁾; скитъ былъ расположень въ кра-
сивомъ и густомъ колкѣ ⁽²⁾, при одномъ роднико.

Объ основаніи и устройствѣ Сергіевскаго скита
прежде всѣхъ узнало уральское войсковое начальство;
но оно держало себя такъ, какъ будто ничего не видѣло.
Основаніе старообрядческаго монастыря было въ его
глазахъ едва не святымъ дѣломъ, и потому оно не мѣ-
шало его строенію; притомъ же, на сторонѣ рас-
кольниковъ, какъ мы знаемъ, была почти вся ураль-
ская аристократія и самъ войсковой атаманъ, Д. Дон-
сковъ, известный ревнитель и защитникъ старообряд-
ства. Уфимскій намѣстникъ ⁽³⁾, а потомъ Оренбург-

⁽¹⁾ Правый притокъ р. Урала.

⁽²⁾ Лѣсъ, растущій на лѣбольшемъ пространствѣ.

⁽³⁾ Въ 1780 году было образовано Уфимское намѣстничество въ
составѣ двухъ областей: Уфимской и Оренбургской. Въ первую вошли
уѣзды: Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій, Бугурслапскій, Белебеевскій,
Стерлитамакскій и Челябинскій, при чемъ слободы: Бугульма и Бугурсланъ,
чувашское селеніе Белебей и крѣпость Челябинская возведены на
степень уѣздныхъ городовъ. Оренбургскую область составили уѣзды: Орен-
бургскій, Верхнеуральскій, Бузулукскій и Сергіевскій; уѣздные города въ
трехъ послѣднихъ образованы изъ крѣпостей: Верхнеуральской и Бузу-
лукской и пригорода Сергіевска. Съ образованіемъ Уфимского на-
мѣстничества, города: Уральскъ и Гурьевъ отдѣлены къ Астра-
ханской губерніи, въ вѣдѣніи которой и находились до 1803 г.,
а въ этомъ году снова были подчинены оренбургскому губерна-
тору. Указомъ 2 декабря 1796 г. уфимское намѣстничество снова
переименовано въ Оренбургскую губернію; центръ управлѣнія перенесенъ
изъ Уфы въ Оренбургъ; города Сергіевскъ и Белебей сдѣланы заштатны-
ми. Въ 1800 г. Уфа сдѣлана губернскимъ городомъ, а Белебей изъ за-
штатнаго—снова уѣзднымъ городомъ Уфимской губерніи. См. Матер. по
стат., геогр. и проч., издав. Ор. губ. стат. ком. 1877, вып. 1, стр.
32, 34. Ур. Вѣд. 1869 г., № 33. Въ Ур. вѣд. № 68.

скій военный губернаторъ баронъ Игельстромъ, въ вѣдѣніи котораго находилось Уральское войско, также смотрѣль на дѣло старообрядцевъ сквозь пальцы. Но не такъ взглянули на это Астраханское и Саратовское губернское правлѣніе. Заподозривъ Сергія въ пристанодержательствѣ разныхъ бѣглыхъ людей, они просили Уральскую войсковую канцелярію разслѣдовать дѣло. Вследствіе этого, Уральская канцелярія командировала въ Сергіевский скитъ есаула Логинова, который долженъ быть произвести въ немъ обыскъ. Логиновъ напечъ въ скиту пять человѣкъ изъ отставныхъ уральскихъ казаковъ, семь человѣкъ разнаго званія „российскихъ людей“, жившихъ по письменнымъ видамъ, и одного мальчика-уральца, обучавшагося въ скиту грамотѣ.—*всего же 13 человекъ.* Несомнѣнно, что число скитскихъ обитателей въ дѣйствительности было гораздо больше; но мы уже знаемъ, что Уральская канцелярія, во главѣ съ своимъ атаманомъ, состояла изъ раскольниковъ, командированный ею слѣдователь Логиновъ тоже былъ раскольникъ, а потому и самый розыскъ въ Сергіевскомъ скиту былъ, вѣроятно, произведенъ лишь для того, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе правительства.

Въ это время находился въ Уральскѣ генералъ лейтенантъ Медерь, которому Высочайше было поручено составить новый штатъ и проектъ обѣ управлениіи Уральского войска. Медерь обратилъ серьезное вниманіе на скитъ Сергія, и крайне остался недоволенъ розыскомъ Логинова, настоявъ на томъ, чтобы Логиновъ вторично произвелъ обыскъ въ скиту. Логиновъ снова явился въ скитъ и нашелъ здѣсь *еще десять человекъ,* которые жили безъ письменныхъ видовъ въ разныхъ землянкахъ, устроенныхъ въ окрестностяхъ Сергіевскаго скита; всѣ пойманные Логиновымъ оказались бродягами, и были отправлены въ Уральскъ. Генералъ Медерь самъ допрашивалъ этихъ бродягъ, дѣлая подъ ихъ показаніями свои замѣчанія, и подъ допросными пунктами написалъ собственноручно слѣдующее

заключеніе: „Разсуждая о существѣ предъидущихъ вопросовъ, должно удивляться, что Уральское начальство, въ продолженіе столькихъ прошедшихъ лѣтъ, терпѣло таковыхъ бродягъ и крайне подозрительныхъ людей въ ближнихъ своихъ предпалахъ, не зная и не освѣдомляясь, кто они таковы. Въ войсковой канцеляріи есть уже примѣры, что въ близости сихъ должно святыхъ отцевъ (а можетъ быть, и между ними самими) укрывались явные и судомъ обличенные разбойники и воры; а потому и обители сихъ пустынниковъ, не будучи ограждены полицейскимъ надзоромъ, должныствовали бы возбудить полное вниманіе и неослабное бдѣніе начальства на всякое уединенное жилище“⁽¹⁾.

Вскорѣ и самъ Сергій былъ вызванъ въ Уральскъ; на допросахъ онъ показалъ, что дѣйствительный тайный советникъ П. С. Руничъ⁽²⁾, въ бытность свою въ Уральскѣ, вы требовалъ его (Сергія) къ себѣ и, послѣ собесѣданія съ нимъ, далъ ему видъ на свободное проживаніе; но самаго вида, полученнаго отъ Рунича, Сергій не могъ представить, заявивъ, что онъ потерялъ его, вмѣстѣ съ очками и 5 р. денегъ, во время пребыванія на Иргизѣ. Послѣ допроса Сергій былъ обязанъ подписать—не держать и не принимать въ свой скитъ бродягъ и вообще людей безпаспортныхъ. Однакожъ, не смотря на подпиську своего строителя, Сергіевскій скитъ, попрежнему, дагалъ у себя пріютъ странникамъ и богомольцамъ, не спрашивая у нихъ паспортовъ, поилъ и кормилъ ихъ; впрочемъ, здоровые странники не могли оставаться въ скиту болѣе трехъ дней. Но вспослѣдствіи, когда не стало Сергія, скитъ, вопреки подпискѣ и осторожности своего основателя, сталъ безъ разбора и ограниченія принимать бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей всякаго званія. Монахи

(1) Уральск. Вѣд. 1876 г. № 42.

(2) П. С. Руничъ прѣжде въ Уральскѣ, по волѣ императора Навда, для ознакомленія съ уральскими старообрядцами.

устроили даже подземелье, въ которомъ не только легко было укрыться отъ сыщиковъ и слѣдователей; но бѣглые всегда могли выйти изъ этого подземелья въ безопасное мѣсто, далеко въ скита.

Въ октябрѣ 1827 года, Оренбургскій военный губернаторъ Эссенъ⁽¹⁾ писалъ въ Уральскую войско-вую канцелярію, что изъ донесенія Саратовскаго губернатора къ управляющему Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ видно, что „въ Сыртовскомъ Сергиевскомъ монастырѣ есть подземный ходъ, и служба въ монастырѣ производится съ колокольнымъ звономъ“. Основываясь на Высочайшихъ указахъ, состоявшихся въ февралѣ 1803 г. и въ маѣ 1820 г., Эссенъ предписалъ Уральской канцеляріи: „колокола во всѣхъ скитахъ снять, а подземный ходъ въ Сергиевскомъ скиту освидѣтельствовать и узнать, для чего онъ устроенъ и существуетъ, уничтожить его и обязать, кого слѣдуетъ, подпiskой, чтобы ни подземелья, ни колоколовъ впредь не заводить, а снятые колокола отдать въ пользу церкви“.

Уральская канцелярія, получивъ это предписаніе, въ тотъ же день командировала въ Сергиевскій скитъ совѣтника, подполковника Мизинова, и прокурора VII класса Анадольского, въ сопровожденіи небольшой команды изъ казаковъ. Слѣдователи, дѣйствительно, нашли въ скиту „ходъ-подземелье“, которое имѣло около 20 сажень въ длину, съ тремя внутренними его рукавами. На допросахъ скитскіе монахи заявили, что это подземелье вырото бывшимъ настоятелемъ монастыря Сергиемъ, и употребляется ими для занятія „по званію ихъ уединенныхъ трудовъ“. Послѣ тщательнаго осмотра подземелья, слѣдователи, не найдя особыхъ, заслуживающихъ вниманія, признаковъ, приказали выходъ подземелья завалить, и взяли съ на-

⁽¹⁾ Генералъ отъ инфanterіи Эссенъ занималъ должность Оренбургскаго военнаго губернатора съ 1817—1830 г., а затѣмъ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ генерал-губернаторомъ.

стоятеля подпиську, чтобы впредь, ни подъ какимъ предлогомъ, этотъ подземный ходъ не былъ возобновляемъ; колокола, въ числѣ шести, были сняты и отправлены въ Уральскъ къ благочинному Ioасафу Корчагину. Настоятелемъ Сергіевскаго скита бъ это время былъ Иринархъ, изъ отставныхъ Илецкихъ казаковъ, известный въ миру подъ именемъ Ивана Иванова; монаховъ въ скиту было 35 человѣкъ, въ возрастѣ отъ 45 до 90 лѣтъ; бѣльцевъ—6 человѣкъ, отъ 15 до 40 лѣтъ включительно ⁽¹⁾.—Нѣкоторые увѣряютъ, что и подъ самой часовней было устроено подземелье, въ которомъ можно было скрыться, не выходя изъ часовни ⁽²⁾. При такихъ предосторожностяхъ скитскихъ монаховъ, конечно, нелегко было полиціи найти бѣглыхъ, скрывавшихся у Сергіевской братіи.

Существенная часть устава Сергіевскаго скита заключалась въ томъ, что время дѣлилось на трудъ и молитву, въ которыхъ игуменъ всегда принималъ личное участіе, руководя тѣмъ и другимъ. Скитская братія занималась огородничествомъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ и хлѣбопашествомъ. Въ числѣ Сергіевской братіи были монахи (изъ иногородныхъ) ⁽³⁾, которые исключительно занимались разведеніемъ фруктовыхъ деревьевъ и пчель. Съ единственной Прюбдинской почвой, которой до этого еще не касался плугъ земледѣльца, монахи получали обильное вознагражденіе за свой трудъ, въ видѣ испеницы самого лучшаго качества. Въ этомъ отношеніи Сергій, основатель скита, едвали не былъ первымъ начинателемъ и примѣромъ между уральскими казаками. Служилые казаки и чиновники, бывавшіе въ разныхъ мѣстахъ Россіи, стали, начиная съ конца XVIII в., покупать понемногу крестьянъ, и такъ какъ въ Уральскомъ войскѣ помощничихъ и вообще земель частной собственности

⁽¹⁾ Выписка изъ Ур. войск. архива.

⁽²⁾ Ур. Вѣд. 1876, № 42.

⁽³⁾ Такъ называютъ казаки всѣхъ, кто не казакъ.

не было и нѣть; то чиновники изъ казаковъ начали заводить хутора на плодородной землѣ, по рѣчкамъ Таштѣ, Иртеку и другимъ, протекающимъ между Ураломъ и Чаганомъ, и селить при нихъ купленныхъ, а иногда и бѣглыхъ, крестьянъ, подъ именемъ своихъ дворовыхъ людей (¹). Нѣсколько раньше этого, на тѣхъ же мѣстахъ заведены были хоторскія поселенія, изъ которыхъ образовались потомъ значительные умѣты и общественные хутора (²).

Имѣя собственныя средства, монахи Сергіевскаго скита не нуждались въ мірскомъ подаяніи; но все-таки, не смотря на это, они не отказывались принимать и добровольныя приношенія мірянъ. Примѣръ этой небольшой духовной общинѣ, между прочимъ, можетъ служить доказательствомъ того, какъ полезна была примѣсь русскаго промышленнаго элемента къ вольнымъ и беспечнымъ казакамъ. Внѣ монастырскихъ стѣнъ мы замѣчаемъ подобные же результаты, если только иногородные ремесленники и вообще предпріимчивые люди поступали въ казаки, сливаясь съ ними въ общихъ интересахъ и служебныхъ обязанностяхъ.

Основатель Сергіевскаго скита, ионкъ Сергій все время значился въ числѣ податныхъ города Вольска, куда и вносилъ положенныя государственныя подати. Въ 1817 году Сергія не стало: онъ умеръ, имѣя 78 лѣтъ отъ роду, и былъ погребенъ на мѣстѣ основаннаго имъ скита. По смерти Сергія, управлявшаго скитомъ 24 года, монахи избирали настоятелей сами изъ своей же среды, а постриженіе принимали отъ священниковъ, прѣѣзжавшихъ къ нимъ изъ Москвы, Стародубья и изъ Иргизскихъ монастырей.

Считаемъ нелипшимъ замѣтить, что иногда въ Сергіевскій скитъ удалялись и храбрые защитники

(¹) Уральск. Вѣд. 1872, № 44.

(²) Тамъ же, № 40.

отечества, чтобы здѣсь приготовить себя къ будущей жизни. Такъ, напримѣръ, въ Сергіевскомъ скиту, постригся въ монахи уральскій герой въ войнѣ 1813—1814 г., подполковникъ В. И. Буренинъ. — Поселившись въ Сергіевскомъ скиту, онъ вель самыи строгій образъ жизни, граничившій съ аскетизмомъ: истязалъ себя постомъ и крайними лишеніями, почти постоянно пребывая въ молитвѣ; тамъ онъ померъ и тамъ покоятся прахъ этого храбраго воина.

Въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, Сергіевскій скитъ сталъ упадать; отъ нерадѣнія и несогласія иноковъ хозяйство разстроилось; нравы пошатнулись; богомольцы охладѣли къ этой обители, и, наконецъ, въ шестидесятыхъ годахъ Сергіевскій скитъ совершенно былъ уничтоженъ. Послѣ упраздненія скита, деревянная старая часовня продавалась съ аукціона; но долго никто не хотѣлъ ее купить, считая покупку ея за что-то въ родѣ святотатства. Наконецъ нашлась смѣлая вдова, старообрядка Макарова, которая купила часовню на сломъ, желая построить новый женскій скитъ-монастырь на рѣкѣ Деркулѣ⁽¹⁾ и поставить въ немъ Сергіевскую часовню; но желаніе Макаровой не осуществилось, отчасти по скопости жертвователей на постройку нового монастыря, а главнымъ образомъ по нерасположенію къ его устройству войскового начальства, довольноаго и Садовскими женскими скитами, о которыхъ—рѣчь впереди.

Въ настоящее время на мѣстѣ бывшаго Сергіевскаго скита замѣтны только нѣкоторые слѣды его существованія: заваленные ходы, бывшіе подъ горой, ямы на мѣстѣ бывшихъ строеній да небольшой садикъ, состоящій изъ 15—20 яблонъ, купленный казакомъ Соболевской станицы Агтѣемъ Логиновымъ, который въ лѣтнєе время живетъ въ лачужкѣ, устроенной въ саду. Такъ кончилъ свое существование зна-

1) № 2781 дн. 8 звѣзда⁽¹⁾

(1) Притокъ р. Чагана.

0) № 2781 дн. 8 звѣзда⁽²⁾

менитый Сергиевский скитъ, служившій долгое время гнѣздомъ Уральского раскола!

Въ первой четверти настоящаго столѣтія, вблизи самаго Уральска, возникаетъ другой замѣчательный раскольническій скитъ-монастырь, известный между уральцами подъ именемъ *Садовскаго*.

Въ шести или семи верстахъ отъ города Уральска, по направлѣнію къ сѣверу, находится такъ называемый „*Садовской полуостровъ*“, одинъ изъ лучшихъ разисовъ Пріуральской городской территории. Это— круглая, зеленая котловина, расположенная между степными кряжами и озеромъ, обтекающимъ ее въ видѣ подковы. Соединяясь въ весенне полноводье съ р. Чаганомъ, это озеро получаетъ запасъ воды на цѣлый годъ. Живописное мѣстоположеніе полуострова, среди безпріютныхъ степей, было издавна пріманкою для богатыхъ городскихъ жителей, которые пожелали здѣсь развести сады. Еще въ концѣ XVIII вѣка, здѣсь возникли сады аристократическихъ фамилій въ Уральскомъ войскѣ: Мизиновыхъ, Бородиныхъ, Назаровыхъ, Донсковыхъ, Меркуревыхъ и другихъ. Въ настоящее время нѣкоторые изъ иногородныхъ чиновниковъ начинаютъ здѣсь дачи, на лѣтнее время ⁽¹⁾). Самый кряжъ, на окраинѣ котораго расположень Садовской полуостровъ, также представляетъ собою видъ большаго полуострова: съ южной стороны течетъ р. Чаганъ, съ западной—притокъ Чагана Деркуль, а съ восточной—озеро, обтекающее Садовской полуостровъ и соединяющееся въ половодье, какъ мы замѣтили, съ р. Чаганомъ.

Садовской полуостровъ не ускользнулъ и отъ вниманія старообрядцевъ, искавшихъ уединенія; они облюбовали одно мѣсто внутри этого полуострова, отличающейся густой древесной заростью, и начали за-

⁽¹⁾ Авторъ настоящаго очерка въ 1872 году самъ жилъ въ этихъ садахъ, а потому хорошо и знать эту мѣстность, какъ очевидецъ.

селять его. Въ какомъ именно году положено основаніе этой обители, положительныхъ указаний на то мы не имѣемъ; намъ известно только преданіе, которое гласить, что первоначальное основаніе Садовскаго скита принадлежитъ уральскимъ „барынямъ“, и относится къ тому времени, когда „французъ пошелъ войной на Россію“, и когда ихъ мужья отправились защищать отечество „отъ Бонапарта“. Проводивъ своихъ мужей на защиту отечества, уральскія аристократки, говорить преданіе, удалились въ „Сады“ ⁽¹⁾ молиться Богу за спасеніе жизни своихъ мужей и за избавленіе Россіи отъ грознаго „Бонапарта“ ⁽²⁾. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что въ это время на Садовскомъ полуостровѣ уже жило нѣсколько старушекъ-раскольницъ въ особыхъ кельяхъ; къ нимъ-то, вѣроятно, и явились вліятельныя уральскія матроны и, посвятивъ себя, на время отсутствія своихъ мужей, уединенію, тѣмъ самыемъ помогли окончательному сформированию женскаго Садовскаго скита, который существуетъ и досель. По всей вѣроятности, тѣ изъ нихъ, мужья которыхъ были убиты или умерли, больше уже и не возвращались въ міръ, оставивши коротать горестные дни свои въ скиту.

Первоначально Садовской женскій скитъ былъ расположенъ въ самомъ концѣ полуострова; но монахини много терпѣли убыtkовъ, во время весенн资料的, а однажды полой водой едва не затопило все кельи. Войсковой атаманъ Д. М. Бородинъ, узнавъ объ этомъ, отрядилъ къ сестрамъ цѣлый конвой казаковъ, которые и перевезли монахинь ⁽³⁾, со всѣми ихъ

⁽¹⁾ Болѣе употребительное название Садовскаго полуострова.

⁽²⁾ См. Уральск. Вѣд. 1868 г., № 33. Слич. Ур. В. В. 1874 г. № 35.

⁽³⁾ Въ Уральскѣ и теперь существуетъ обычай перевозить небольшія постройки, напримѣръ, лавки, лабазы и т. п., не разбирая. Нельзя неудивляться въ этомъ случаѣ ловкости и находчивости казаковъ, какъ они «недвижимое превращаютъ въ движимое».

кельями и часовнею, на настояще болѣе безопасное мѣсто. Такая заботливость Д. М. Бородина о Садовскихъ скитницахъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что онъ открыто не отличался покровительствомъ сторообрѣдцамъ, подобно Д. Д. Донскому, хотя и не притеснялъ ихъ.

Первою настоятельницей этого скита была Феофанія, называвшаяся въ міру Феклой; она умерла въ 1831 году не менѣе 50 лѣтъ отъ роду. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, эта, почти сорокалѣтняя, женщина отличалась еще красивой наружностью и строгимъ выраженіемъ лица. Она была дочь уральскаго казака Дмитрія Подгорнова, а по-мужу — Бѣллева. Спустя годъ послѣ брака, мужъ ея заболѣлъ какои-то неизлѣчимою болѣзнью и чрезъ семь лѣтъ померъ. Многіе добивались руки молодой и красивой вдовы, но Фекла Бѣллева, склонивъ мужа, рѣшилась больше не выходить замужъ; она постриглась въ Садовскомъ скиту въ инокини и сдѣлалась первою игуменьей этого скита. Между казаками обѣ ней сохранилось слѣдующее легендарное преданіе:

Однажды являются къ Феофаніи два человѣка — чернецъ и мрянинъ, и сообщаютъ ей, что, на полпути отъ Уральска къ Садовскому скиту, въ курганѣ, на которомъ стоялъ тогда крестъ⁽¹⁾, зарыть большой кладъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, явившіеся незнакомцы предложили Феофаніи свои услуги вырыть этотъ кладъ, въ ея присутствіи и въ ея пользу. Феофанія согласилась, — и ночью таинственный кладъ былъ вырытъ, при чемъ игуменѣ досталось 40 тысячъ рублей; по рассказамъ однихъ, загадочные незнакомцы, вырывши кладъ, отказались отъ денегъ и отдали ихъ всѣ Феофаніи.

⁽¹⁾ Теперь на этомъ курганѣ находятся два креста. Самый курганъ, или маръ, изрытъ во многихъ мѣстахъ искателями кладовъ. Аѣтомъ 1874 года около крестовъ вырыто было двѣ ямы, соединенные внизу между собою каналомъ.

офианії, а другі передаютъ, что найденная сумма была раздѣлена между всѣми по-ровнѹ. Какъ бы то ни было, только Феофанія, дѣйствительно, имѣла у себя порядочныя деньги, на которых она и построила въ скиту особую часовню, украсивъ ее множествомъ иконъ и изящнымъ иконостасомъ; строителемъ этого иконостаса былъ самарскій мѣщанинъ Семенъ Глушенковъ, приписавшійся потомъ въ Уральское войско. Особенно замѣчательнъ былъ въ часовнѣ большой осмиконечный, въ серебряной оправѣ, крестъ, находившійся на верху иконостаса; этотъ крестъ принесенъ въ даръ часовнѣ есауломъ Уральского войска, Осипомъ Савичевымъ. Внукъ жертвователя, Н. О. Савичевъ передаетъ⁽¹⁾, что серебро, употребленное на оправу креста, досталось его дѣду въ отечественную войну. Послѣ переправы французской арміи черезъ Березину, преслѣдовавшіе ее казаки превратили свои пики въ крюки, и начали багрить со дна рѣки французскую добычу. Въ числѣ выловленныхъ вещей оказались и серебряные образные оклады, смятые въ комъя. При раздувании добычи, Осипъ Савичевъ получилъ часть такого серебра и, по возвращеніи на родину, подарили его въ скитъ Феофанії; изъ этого-то серебра и сдѣланъ былъ крестъ, украсившій собою иконостасъ часовни Садовскаго скита⁽²⁾.

Пососѣству съ Садовскимъ скитомъ Феофанії, скоро образовалась другая женская обитель, находившаяся подъ управлениемъ особой игумены. Съ перенесеніемъ Феофаніева скита на новое, болѣе безопасное, мѣсто Садовскаго полуострова, на прежнемъ его мѣстѣ возникъ мужской скитъ, настоятелямъ котораго былъ казакъ Филаретъ Таликовъ. Но этотъ скитъ просуществовалъ недолго: послѣ первой холеры, быв-

⁽¹⁾ Уральск. Вѣд. 1874 г., № 35.

⁽²⁾ Тамъ же.

шей въ Уральскѣ въ 1830 году, Филаретовскій скитъ уничтожился самъ собою, за смертю его престарѣлыхъ обитателей.

Въ Садовскихъ скитахъ, кромѣ монахинь, жили и бѣлицы, а вблизи юефаниева скита находилась цѣлая слободка, заселенная попреимуществу женщиными-раскольницами, которыхъ вслѣдствіи переселили на р. Деркуль, притокъ Чагана, и назвали новую слободку „Выселки“. Жители Выселокъ состоять изъ уральскихъ казаковъ и причислены къ приходу Уральской Предтеченской церкви, отстоящей отъ Выселокъ верстъ на 12 или на 10. Все населеніе Выселокъ заражено расколомъ, и до сихъ поръ болѣе тяготѣеть къ Садовскимъ скитамъ, чѣмъ къ своей приходской церкви.

Двадцатые и тридцатые годы были временемъ цвѣтущааго состоянія Садовскихъ скитовъ. Богатыя уральскія барыни нѣрѣдко дѣлали значительныя по жертвованія въ эти скиты; сюда же несли свою лепту и небогатые богомольцы. Въ послѣднее время средства Садовскихъ скитовъ значительно оскудѣли. Въ 1871 году въ юефаниевой обители случился пожарь, который нанесъ большой убытокъ ея обитательницамъ; часовня скитская сгорѣла. Теперь монахини построили новые дома, просторные и удобные, а вместо часовни, которую возобновить не дозволили, устроены моленный домъ, такъ-что Садовской скитъ въ настоящемъ его видѣ скорѣе походить на слободку, чѣмъ на монастырь. Садовскіе жители, какъ лица войскового со словія (хотя между ними есть и иногородные), пользуются водами и лугами по рѣкѣ Чагану. Скитъ окружены садами, которые, впрочемъ, принадлежать частнымъ лицамъ. Населеніе Садовскаго полуострова значится въ посемейныхъ спискахъ у атамана 2 уральской станицы, и ежегодно повѣряется. По официальнымъ источникамъ, въ настоящее время на Садовскомъ полуостровѣ значится одинъ женскій скитъ, въ которомъ считается 43 монахини, 15 бѣлицъ и 7 послуш-

ницъ, въ томъ числѣ иногородныхъ: 3 монахини и одна послушница. Въ посемейныхъ спискахъ Садовскихъ жителей значатся и малолѣтнія дѣти обоего пола. Между тѣмъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, известно, что Садовской скитъ, попрежнему, дѣлится на двѣ обители: въ одной изъ нихъ около 50 старицъ, во главѣ съ игуменьей Порфирией, а въ другой — 12 старицъ, состоящихъ подъ руководствомъ игумены Ифери. Первая изъ обителей не принимаетъ никакихъ поповъ, а вторая имѣеть австрійского попа, который, по слухамъ, скрывается въ Уральскѣ, преимущественно у казака Тамбовцева и иногороднаго торговца въ Уральскѣ Симакова.

Скиты Уральского войска были самыми любимыми мѣстами общественной молитвы казаковъ и христианцами раскола со всѣми его атрибутами. Форпостное и городское казачество стремилось сюда, какъ бы въ святое мѣсто, за требописавленіями и за разными совѣтами въ дѣлахъ вѣры; казаки и казачки несли и везли сюда большія пожертвованія деньгами и натурай, а некоторые спѣшили и сами поступить въ число скитской братіи. Люди, измученные совѣстю за содеянныя согрешенія, находили въ скитахъ отраду и успокоеніе,—здесь имъ, какъ и на Иргизѣ, говорили: „*Безъ грѣха нѣть покаянія. а безъ покаянія нѣть спасенія*; блудъ—не грѣхъ, а падение; но и святые отцы падали, а Богу всетаки угодили. Много въ царствѣ небесномъ и разбойниковъ, и пьяницъ, и блудниковъ, только нѣть тамъ еретиковъ: можно дѣлать всяkie грѣхи, но необходимо каяться, а главное—хранить истинную старую вѣру“, и т. п.—все въ томъ же духѣ, на извѣстную и любимую тему раскольниковъ: „*не согрѣша, не умолишъ*“. Такія разсужденія скитскихъ старцевъ и старицъ обаятельно дѣйствовали на разнужданную волю сокрушавшихся грѣшниковъ и, убаюкивая ихъ совѣсть, не только мирили ихъ съ дурнымъ и мрачнымъ образомъ жизни, а какъ бы поощряли къ новымъ порокамъ, чтобы сильнѣе и дѣй-

ствительнѣе было покаяніе; но каждый грѣшникъ на передъ долженъ быть знать, что покаяніе его не будетъ услышано Богомъ, если онъ измѣнить „старой вѣрѣ — вѣрѣ истовой, до-Никоніанской“. — Понятно послѣ этого, какъ дороги были скиты въ глазахъ людей съ необузданной волей и, въ тоже время, приходившихъ въ ужасъ отъ одного воображенія адскихъ мукъ. Скитскіе обитатели хорошо понимали это, и не могли не дорожить своимъ положеніемъ, при которомъ, не особенно трудясь, можно было и вкусно поѣсть, и спокойно отдохнуть, и позволить себѣ и другимъ непозволенное, — и всетаки пользоваться вліяніемъ на другихъ, а главное — спасти свою душу отъ страшныхъ мукъ ада.

Скиты служили также и главными пригонами бѣглыхъ поповъ и лжеепископовъ, которые безъ за- зреінія совѣсти эксплуатировали казаковъ и ихъ семейства, въ свою пользу. Здѣсь находили пріютъ и разные святоши и юродивые, служившіе самымъ безнравственнымъ образомъ цѣлямъ раскола и нечистымъ предпріятіямъ скитской братіи, обворовывая и обманывая простодушныхъ богомольцевъ⁽¹⁾. Бѣглые попы и лжеепископы, съ любовью принимаемые въ скитахъ, обдѣльвали, при помощи скитской братіи и сестеръ,

(1) Между такими юродивыми особенно былъ извѣстенъ *Семушки*, который долгое время притворялся нѣмымъ и ходилъ зимою босикомъ. До своего юродства, Семушки замѣшанъ былъ въ общество дѣлатель фальшивыхъ эссыгнажій — малаканъ Саратовской губерніи, жившихъ въ сосѣдствѣ съ внутренней уральской линіей (на Узеняхъ). Оттуда Семушки былъ привезенъ слѣдователемъ по дѣлу малаканъ, чиновникомъ Акутинымъ, въ Уральскъ, где, переставъ говорить, и началъ юродствовать. Послѣ онъ бросилъ свое юродство и за что-то попалъ въ острогъ, откуда былъ выпущенъ на поруки. Въ послѣднее время, проживая въ Садовскомъ скиту, Семушки вѣль жизнью разгульную, занимался старымъ ремесломъ — дѣлалъ фальшивые деньги и умеръ, послѣ сильного перегула, въ наполненной до страшного угара комнатѣ. Это видно изъ дѣла весело жившаго и угорѣвшаго (только не до смерти) съ нимъ горниста-урядника Василія Борисова, — дѣла, производившаго послѣ смерти Семушки. Говорятъ, что Семушки былъ замѣчательный каллиграфъ.

разных темные дела, позволяя и даже освящая незаконное сожительство, совершая браки между кровными родственниками, посвящая простых казаков въ діаконы, попы и даже (какъ увидимъ) въ архіереи, при чёмъ иногда случалось, что ставленники лишились своего кошелька, а ставленной граматы не получали.

Въ Уральскихъ скитахъ нерѣдко происходили и диспуты, кончавшиеся нерѣдко взаимной перебранкой и дракой диспудировавшихъ сторонъ. Предметомъ диспутовъ бывали не только вопросы вѣры, а и чисто житейскіе интересы. Въ скиты собирались по временнымъ поборники казачьей независимости и самоуправліенія, съ цѣллю обсужденія различныхъ вопросовъ общинного управления. Здѣсь, какъ и въ старинныхъ казачьихъ кругахъ, зараждались и созревали тѣ религіозно-гражданскія тенденціи раскола, которыя, фанатизируя и освящая любовь казаковъ къ независимости, не разъ доводили ихъ до открытаго протеста властямъ и правительстеннымъ распоряженіямъ. Всѣ военногражданскія реформы, почему-либо казавшіяся казакамъ нарушеніемъ ихъ привилегій, почти всегда сопровождались на Уралѣ волненіями, слѣдствиемъ, арестами, допросомъ, наказаніемъ и ссылкою виновныхъ въ Сибирь или въ исправительныя роты. Расколъ и его приверженцы всегда шли обѣ руку съ этими протестами поборниковъ казачьей независимости, питали и лелеяли ихъ, какъ надежный оплотъ старины, ея обычаевъ и порядковъ; а такъ какъ главными хранилищами раскола были скиты, то неудивительно, если, помимо религіозно-обрядового строя, они получили въ войсکѣ и политическое значеніе. Главные поборники казачьяго самоуправліенія были и самыми ревностными раскольниками; побывавъ на эшафотѣ у позорнаго столба и въ каторгѣ, они возвращались на родной Уралъ и поступали въ скиты, где проводили остатки своей жизни. Умирая, они говорили въ назиданіе потомкамъ: „Берегите истинную, ста-

рую впру; стойте грудью, открыто, за кормильца напшего Яикушку. Пострадайте за впру, а докажите начальству, что вы не ясачные татары, не пахатные солдаты, а вольные люди, славные Яицкие казаки. Намъ хотѣли обрить бороды, записать въ легіонъ, хотѣли насъ сдѣлать солдатами, да не смогли: наша взяла; стойте же и вы: *вспхъ не перестрѣляютъ, вспхъ не переказываютъ!* — Напутствуемые такими-то нравоученіями скитскихъ подвижниковъ и престарѣлыхъ казаковъ, вступаютъ Уральские казаки въ XIX вѣкъ, и, какъ увидимъ, эти традиціи, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, не прошли безслѣдно въ исторіи Уральского войска и въ текущемъ столѣтіи.

III.

Уральское войско въ первой четверти настоящаго столѣтія, по отношенію къ военно-гражданскимъ реформамъ — Протесты казаковъ. — Кочкинъ пиръ. — Новые мундиры. — Успенская раскольническая часовня въ Уральскѣ и ея значеніе въ войскѣ. — Начетчикъ Тарасовъ. — Раскольническій попъ Василій.

Послѣдняя четверть XVIII вѣка проходитъ на Уралѣ спокойно. Уральские казаки какъ бы отдыхаютъ отъ страшной беззурядицы, внесенной къ нимъ Пугачевщиной, и спѣшатъ поправить разстроенное и запущенное во время бунта хозяйство. Правительство, требуя казаковъ на внѣшнюю службу⁽¹⁾, оставило ихъ до времени безъ всякихъ нововведеній и реформъ, почему-либо несогласныхъ съ стариной и казачьей независимостью. Въ царствование императора Павла I, Уральскому войску были дарованы даже нѣкоторыя преимущества по службѣ. Высочай-

(1) Съ 1783—1798 г. изъ Уральского войска было командировано болѣе 4000 чел. въ разныя мѣста: въ Италию, на Кавказъ и др. мѣстности. Ур. в. арх. № 8, л. 4.

шимъ приказомъ 1798 года, въ составъ войскъ, поль-
зовавшихся преимуществами гвардіи, назначена и
одна сотня лейбъ-казаковъ изъ уральцевъ, которая
должна была находиться на службѣ въ Петербургѣ
въ продолженіе трехъ лѣтъ, слѣдующіе же три года
оставаться въ войскѣ на льготѣ. Собственно чинов-
ный классъ Уральского войска также получилъ важ-
ное преимущество: всѣ войсковые чины были уравне-
ны въ рангахъ съ армейскими ⁽¹⁾. Слѣдствіемъ этого
было уравненіе личныхъ правъ служащихъ по вой-
сковому вѣдомству съ правами ирохъ военнослужа-
щихъ въ имперіи ⁽²⁾. Однакожъ, не смотря на эти
преимущества и на благія мѣры Потемкина, въ вѣ-
дѣніи котораго Уральское войско находилось 10 лѣтъ
(съ 1776 — 1786 г.), внутренній строй Уральского
войска былъ неудовлетворителенъ, и положеніе каза-
ковъ незавидное. Со времени уничтоженія войсковыхъ
круговъ (1775 г.), не было издано никакихъ общихъ
положеній объ управлениі войскомъ; точныхъ и опре-
дѣленныхъ границъ власти атамана и войсковой кан-
целяріи не существовало. Вотъ что, между прочимъ,
докладывали Государю, въ 1803 г., министръ вну-
треннихъ дѣлъ и министръ военносухопутныхъ силъ:
„Неудобства съ настоящимъ положеніемъ войска Ураль-
ского сопряженныя, многія въ немъ злоупотребленія,
неправильность въ упражненіяхъ власти исполнитель-
ной, въ одномъ лицѣ атамана соединенной, безотчет-
ное почти употребленіе общественныхъ доходовъ, без-
дѣствие полиціи, пристрастное отправление правосу-
дія, учиненіе слабыхъ и послабленіе виновныхъ: всѣ
сіи обстоятельства, разными донесеніями обнаружен-
ные и до Высочайшаго свѣдѣнія доведенные, были
признаны достаточными побужденіями дать войску

⁽¹⁾ П. С. З. т. XXV, № 18, 653. Слич. «Уральское казачье вой-
сково». Рябчина. 1866 г. Сиб., ч. 1, стр. 64 и 65.

⁽²⁾ П. С. З. т. XXV, № 18, 927.

сему, по части управлениј его, лучшее образование¹ (¹).

Такимъ образомъ, начало настоящаго столѣтія было для Уральского войска и началомъ преобразованій, главными противниками которыхъ явились раскольники и ихъ дѣти, бывшія на службѣ.

25 февраля 1802 г. на имя Сената послѣдовалъ именной указъ (²), которымъ повелѣвалось разсмотреть существующія положенія въ Уральскомъ войскѣ и составить проектъ новаго управлениј по военной и гражданской части. Генералъ-лейтенантъ Медерь получилъ приказаніе отправиться въ Уральскъ, чтобы на мѣстѣ разсмотрѣть обстоятельства дѣла и представить свои соображенія касательно переустройства войска. Медерь болѣе года жилъ въ Уральскѣ и, собравъ необходимыя свѣдѣнія, составилъ довольно подробный проектъ, который и былъ имъ представленъ на разсмотрѣніе министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ. Проектъ былъ одобренъ, а въ декабрѣ 1803 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго положенія объ управлениі Уральскимъ войскомъ и повелѣніе Медеру привести его въ исполненіе (³).

Мы не будемъ входить въ подробности этого проекта (⁴), замѣтимъ только, что новое положеніе въ войскѣ было встрѣчено непріязненно. Казаки все еще не теряли надежды, что имъ возвратятъ самоуправление; съ обнародованіемъ же новаго положенія они увидѣли, что ихъ надежды не могутъ осуществиться. Уральское войско до этого не иначе отправляло службу, какъ посредствомъ *найма* охотниковъ. Это чисто народное учрежденіе, принадлежащее исключительно

(¹) Рябининъ, ч. I, стр. 65.

(²) П. С. З., т. XXVII, № 20,456.

(³) Тамъ же №№ 21,001 и 21,102.

(⁴) Существенная часть этого проекта изложена у Рябинина, ч. II, стр. 66—68.

Уральскому войску, состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ призыва на службу, всѣ служащіе казаки собираются вмѣстѣ и нанимаютъ желающихъ идти въ командировку. Въ это же время опредѣляется цѣна наемки, сообразно разстоянію и продолжительности похода, и потомъ требуемая сумма раскладывается поровну на число всѣхъ служащихъ казаковъ. Собранныя суммы передается войсковому начальству, которое уже само дѣлить ее между охотниками, или даетъ каждому подмогу отъ войска. Въ случаѣ двухъ и болѣе нарядовъ на службу, получившіе подмогу не исключаются изъ числа охотниковъ для второй и третьей командировки. Наемка принята только между простыми казаками и урядниками; офицеры же отправляются службу поочереди. Такой способъ отбыванія воинской повинности всегда имѣлъ важное и весьма выгодное значеніе въ глазахъ Уральского войска: желавшій оставаться въ семье и продолжать хозяйственныя занятія, благодаря наемкѣ, могъ не идти на службу, а бѣднякъ, изъявившій желаніе наняться за другаго, получалъ возможность поправить свои материальныя средства, такъ какъ цѣны наемки бываютъ очень высоки. Представляя такія выгоды для казаковъ, наемка повела къ тому, что съ теченіемъ времени образовался значительный классъ неслужилыхъ казаковъ, которые, оставаясь дома и пользуясь всѣми угодьями, богатѣли, на счетъ другихъ, и встали какъ бы въ господствующее отношеніе къ несущимъ службу по найму.

Императрица Екатерина II первая рѣшилась наложить руку на этотъ освященный вѣками обычай Уральского войска; но казаки уперлись и отстояли свое право наемки. Внукъ Екатерины, Императоръ Александръ I снова вздумалъ отмѣнить въ войскѣ наемку, ввести штаты и одѣть казаковъ въ форменные мундиры; но казаки, какъ и раньше, не хотѣли принимать ни штатовъ, ни очередной службы, ни однообразной формы.

Въ введеніи очередной службы и штатовъ казаки видѣли первый шагъ къ ограниченію ихъ старинныхъ вольностей, ихъ независимости, — шагъ къ регуляризациі, которая для уральскаго казака, по его убѣждѣнію, горше, чѣмъ для крестьянаго была барщина⁽¹⁾. Слово „штатъ“ сдѣжалось для казаковъ словомъ *ужаса*. Уральскій казакъ Ключенковъ такъ выразился объ этомъ: „Скажи казаку: ступай въ огонь! перекрестится казакъ и пойдетъ въ огонь; скажи казаку: прими штаты! перекрестится казакъ и скажетъ: „приму смерть, а штата не приму“⁽²⁾!

Когда генералъ-лейтенантъ Медерь пріѣхалъ въ Уральскъ, къ нему явились депутаты отъ войска и стали просить объ отмѣнѣ штата и мундировъ. Напрасно Медерь старался разъяснить казакамъ, что это дѣлается по Высочайшей волѣ; казаки стояли на своемъ: „Бери бѣлый Царь хоть всѣхъ настъ на свою службу“, — говорили они, — „всѣ пойдемъ съ охотой, а *очереди, штатовъ и формы намъ не надо*; пусть останется все постарому“!

Нѣкоторые изъ казаковъ думали было „*задарить начальство*“, чтобы только избѣжать ненавистнаго имъ штата; но казакъ Еѳимъ Павловъ, ставшій во главѣ недовольныхъ, замѣтилъ на это: „подарками тутъ ничего не возмешь!—отцы наши, дѣды и правдѣды, дѣйствительно, отдавались деньгами, но тогда времена были такія: тогда и *начальство наше одно съ нами было*, а теперь, братцы, времена не тѣ!—теперь *антихристъ и нашихъ начальниковъ отмѣтилъ своей тамгой* — темлякомъ и шпагой. Нѣть,

⁽¹⁾ Ур. в. арх. № 45.

⁽²⁾ Петръ Ивановъ Ключенковъ за упорство, при введеніи штатовъ, былъ сосланъ въ Иркутскъ, где прожилъ 30 лѣтъ, какъ поселенецъ, занимаясь мелочной торговлей и сапожнымъ мастерствомъ. На 49-мъ году жизни онъ былъ возвращенъ на родину и поселился въ поморскомъ скиту, близъ Бородинскаго форпоста. Ур. в. арх. № 45 и № 49.

братцы, вашъ совѣтъ не годится! Мой совѣтъ—стоять грудью; всю бѣду, весь отвѣтъ приму на себя: первый пойду на эшафотъ, первый положу голову на плаху, а ужъ дѣткамъ и внукамъ оставлю памятникъ” (¹)!

Казаки раздѣлились на двѣ партіи: *согласныхъ* и *несогласныхъ* (съ видами правительства); послѣднихъ было несравненно больше. Въ отмѣченное время народонаселеніе Уральска было самое густое, вдвое больше противъ настоящаго. Ядро служилыхъ казаковъ было въ Уральскѣ; по линіи ихъ было мало, но и тамъ были *согласные* и *несогласные* (²). Когда было отстроено зданіе новой канцеляріи, атаманъ Д. М. Бородинъ приказалъ казакамъ одѣться въ парадное платье, взять оружіе и явиться къ старой канцеляріи, чтобы отсюда взять знамена и отправиться къ Казанской церкви, тѣ казаки должны были выслушать молебень, и потомъ съ особеннымъ торжествомъ перенести знамена въ новоотстроенную канцелярію. Казаки не повинуются: „*непойдемъ къ молебну!*” это похоже на солдатскій парадъ; *перенесемъ знамена* просто, какъ въ старые годы переносили”. — Впрочемъ, наплось нѣсколько человѣкъ, которые послушались атамана: принарядились,—и съ церемоніей перенесли знамена изъ старой въ новую канцелярію; но тѣмъ самымъ навлекли на себя неудовольствіе со стороны значительного большинства, нежелавшаго исполнить волю атамана (³). Волненіе постепенно усиливалось и скоро охватило почти все войско. Поборники старины тихонько стали собираться въ скитахъ для совѣщаній; скитская братія благословляла ихъ на борьбу съ нарушителями старины, и тѣмъ придавала новую силу и большую энергию протестующимъ казакамъ.

(¹) Ур. в. арх. № 42, стр. 47.

(²) Тамъ же, № 48, л. I на оборотѣ.

(³) Тамъ же.

камъ. Заволновалась и молодежь, подстрекаемая стариками и старицами: молодой казакъ Осипъ Ивановъ Есыревъ, собравъ до ста казаковъ, отправился, во главѣ ихъ, въ столицу, чтобы принести жалобу Государю на атамана Бородина, который будто самовольно принялъ штатъ и хочетъ навязать его войску.

Партия Есырева, вооруженная показачи, свободно проходила чрезъ города и села. Казаки имѣли при себѣ знамя и везде встречали самый радушный приемъ. Атаманъ Бородинъ сначала ничего не зналъ о продѣлкѣ Есырева; наконецъ, какимъ-то образомъ вѣсть о томъ дошла и до него. Бородинъ немедленно снесся съ губернаторами тѣхъ городовъ, чрезъ которые должны были проходить казаки; вскорѣ послѣ того на одной станціи накрыли вольныхъ служакъ, перевязали и вернули на Ураль. Благодаря тому, что начальство объяснило поступокъ Есырева его молодостию и увлечениемъ, все казаки, находившіеся въ его командѣ, равно какъ и самъ Есыревъ, были прощены⁽¹⁾. Но арестъ и прощеніе этой партии казаковъ не успокоило и не испугало *несогласныхъ*: они выбрали изъ своей среды пятерыхъ ловкихъ казаковъ и отправили ихъ въ Петербургъ; выборные были названы (отъ глагола *уходитъ*) *уходцами*⁽²⁾. Новые депутаты отправились изъ Уральска въ разное время и по разнымъ дорогамъ, съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ погони за ними, хотя бы одному удалось прийти въ Петербургъ и принести жалобу Государю. Но бѣда случилась съ уходцами не въ дорогѣ, а въ столицѣ: они всеѣ благополучно прибыли въ Петербургъ, гдѣ ихъ тотчасъ же арестовали и заключили въ Петропавловскую крѣпость. *Несогласные*, узнавъ объ этомъ, не переставали стоять, на своемъ: „не нужно

(1) Ур. войск. арх., № 49.

(2) Въ архивныхъ бумагахъ Уральского войска нерѣдко встречается следующее гавтологическое выражение: „шли *уходомъ*“.

намъ очереди! не примемъ штатъ и форму^{“”}! отвѣчали казаки на всѣ увѣщанія и предложенія Медера. Хозяйство у казаковъ остановилось. Настало время весеннаго рыболовства. *Согласные* отправились на плавню, а *несогласные* не поплыли; они ежедневно собирались въ круги и разсуждали только о томъ, какъ бы отстоять старину.

Медеръ, опасаясь открытаго сопротивленія, просьль Оренбургскаго военнаго губернатора, на случай безопасности, прислать въ Уральскъ регулярныя войска. Оренбургскій губернаторъ князь Волконскій, въ февралѣ 1804 г., самъ отправился въ Уральскъ, во главѣ двухъ баталіоновъ пѣхоты, при нѣсколькихъ орудіяхъ, и полка оренбургскихъ казаковъ. Узнавъ о приближеніи князя, *несогласные* вышли встрѣтить его за городъ и поднесли ему хлѣбъ-солъ; но Волконскій не принялъ и сказалъ казакамъ: „до тѣхъ поръ не приму отъ васъ хлѣба-соли, пока вы не примите новаго положенія“. — Всѣдѣ за тѣмъ князь приказалъ войскамъ направиться въ городъ и разойтись по обывательскимъ квартирамъ, а *несогласнымъ* сказаль, чтобы они разошлись по своимъ домамъ. Казаки отвѣтили, что они въ дома не пойдутъ, что дома ихъ заполнены солдатами. Такъ и сдѣлали. Вечеръ и всю ночь, *несогласные* оставались за городомъ. Утромъ, часовъ въ 10, пріѣзжаетъ атаманъ Бородинъ и начинаетъ уговаривать казаковъ, чтобы они разошлись; но *несогласные* твердятъ одно: „не пойдемъ! — куда намъ идти? — дома наши заполнены“. — Другіе кричали: „уходцевъ нашихъ выдай“! — „Уходцы ваши будутъ освобождены“, отвѣчаетъ атаманъ. — „Выдай теперь! пускай князь объявить намъ здѣсь царское рѣшеніе, тогда посмотримъ, куда идти — въ дома ли родительскіе или ужъ придется бѣжать, куда глаза глядятъ!“ — Бородинъ уѣхалъ въ городъ. Не смотря на зимнее время и сильные морозы, казаки трое сутокъ оставались за городомъ. Впрочемъ, находились и такие, которые ночью ползкомъ уходили въ городъ, такъ

какъ открыто этого нельзя было сдѣлать: *несогласные грозили измѣнникамъ смертю.*

Вечеромъ на третій день является за городъ Волконскій съ толпою башкиръ и ротой солдатъ, а остальные солдаты кинулись по домамъ несогласныхъ, забрали ихъ оружіе и снесли въ цейгаузъ, оцѣпленный сильнымъ карауломъ.—Подѣхавъ къ казакамъ, Волконскій спросилъ: „повинуетесь ли волѣ начальства“?—„Рады повиноваться, да прежде хотимъ знать, ваша свѣтлость, въ какую силу повиноваться“, отвѣтили казаки.

Тогда Волконскій приказалъ маюру Кочкину съ башкирами хватать недовольныхъ. Толпа башкиръ съ нагайками, палками и съ чѣмъ попало бросилась на казаковъ. Прежде другихъ схватили Еёима Павлова, раздѣли и хотѣли бить нагайками, но не успѣли еще и рукъ поднять, какъ стоявшіе около Павлова казаки сами побросали съ себя одежду, растянулись на снѣгу и закричали: „ужь есть когда Павлова бить, то и насъ — бить!“ — На другомъ концѣ толпы схватили казака Федосеева, упорствовавшаго болѣе другихъ, — и здѣсь повторилась также сцена: бывшіе тутъ казаки, раздѣвшись, повалились на снѣгъ и кричали: „его бить — и насъ бить!“ — Что тутъ было дѣлать? — Волконскій горячился, Кочкинъ — тоже, башкиры остерьенились, казаки тоже ожесточились до самопожертвованія. Кочкинъ приказываетъ бить всѣхъ, кто только изъ казаковъ попадется подъ руку, а казаки всѣ лезли туда, гдѣ больше и жарче были: всѣ старались доказать, что они не выдадутъ другъ друга. Сдѣлалось страшное побоище: ни у одного казака не осталось живаго мѣста на тѣлѣ. Эта страшная экзекуція извѣстна у казаковъ подъ именемъ *Кочкина пира* (¹).

(¹) Рябининъ говоритьъ, что при этомъ были пущены въ ходъ штыки, и было убито несолько человѣкъ, послѣ чего толпа разбрѣжалась;

Вслѣдъ за тѣмъ назначено было слѣдствіе, и за экзекуціей, состоявшейся по личному распоряженію Волконскаго, послѣдовала новая экзекуція, по решѣнію слѣдственной комиссіи: однихъ, которые были увлечены примѣромъ, высѣкли и оставили въ общинѣ, а зачинщиковъ наказали щипцрутенами и сослали на поселеніе въ Сибирь (¹). Оружіе было отобрано отъ всего войска и выдавалось, по мѣрѣ надобности (²). Войска были размѣщены въ городѣ со всѣми предосторожностями, на случай восстанія; новое положеніе стали вводить силою.

Но черезъ два года послѣ Кочкина пира главное изъ обстоятельствъ, породившихъ волненіе, именно отмѣна наемки, было устранино и наемъ охотниковъ дозволенъ снова (³); волненіе стихло и введеніе новаго положенія съ этихъ поръ не встрѣчало болѣе открытаго сопротивленія, въ такой рѣзкой формѣ.

Отмѣнивъ очередную службу, правительство приказываетъ казакамъ снарядить особый полкъ въ Грузію *по найму* и одѣть волонтеровъ въ однообразную форму. *Несогласные* заявляютъ, что имъ нанимать не на что, такъ какъ, по слухамъ замѣшательствъ въ войскѣ, они запустили свое хозяйство и въ рыболовствѣ не участвовали; относительно же формы замѣтили: „въ чёмъ ходили наши праотцы, въ томъ и мы будемъ ходить; въ томъ и дѣтушки нашихъ желаемъ видѣть“ (⁴)!— Одновременно съ этимъ въ Петербургѣ взволновалась лейбъ-гвардія уральская сотня. По воз-
~~вѣнно~~
но мы ничего подобного не слыхали отъ казаковъ и не встрѣчали въ архивныхъ бумагахъ Уральского войска.

(¹) Въ числѣ зачинщиковъ были сосланы братья Павловы, двое Ключенковыхъ и др.

(²) Напр. во время карауловъ и командировокъ на виѣшнюю службу.

(³) Высочайший рескриптъ на имя Оренб. военн. губернатора, князя Волконскаго, отъ 4 декабря 1806 года.

(⁴) Ур. войск., арх., № 42.

вращеніи ея изъ Шведскаго похода, казаковъ-гвардейцевъ хотѣли одѣть въ новую форму: вмѣсто длиннополаго зипуна или кафтаны малиноваго цвета, имъ хотѣли дать мундиръ, на подобіе теперѣшнихъ синихъ кафтановъ. Гвардейцы-казаки всѣ единогласно заявили, что они новыхъ кафтановъ не примутъ. Начальникъ сотни, не смотря на это, на другой же день пригласилъ къ себѣ портного и, по снятымъ мѣркамъ, заказалъ для образца новые мундиры. Черезъ недѣлю портной принесъ новые мундиры; сотенный командръ призвалъ къ себѣ 12 казаковъ; силой обрядилъ ихъ въ новую форму, вывелъ предъ фронтъ и спросилъ: „Хорошо ли, братцы? Казаки молчатъ. „Видите, какими молодцами высматриваются ваши товарищи въ новыхъ мундирахъ!“ замѣтилъ командръ сотни. Казаки вглядываются и отвѣчаютъ: „въ этой одеждѣ, ваше благородіе, хорошо ходить въ заходку, а воину она не годится — не съ руки!“ Командръ отправляется домой, а 12 обряженныхъ казаковъ снимаютъ съ себя мундиры, несутъ ихъ къ вахмистру, кидаютъ ему чрезъ порогъ и говорятъ: „ты ихъ шилъ, ты и носи, а намъ не надо“ (¹)!

Командръ лейбъ-казачьей сотни, не зная, что дѣлать, отправился къ командовавшему тогда гвардейской кавалеріей графу В. В. Орлову-Денисову. Графъ приказалъ собрать сотню во фронтъ, и чрезъ нѣсколько времени прибылъ на смотръ; но ни увѣщанія, ни угрозы графа не подействовали на казаковъ. Когда имъ объявили, что перемѣна платья дѣлается по недостатку денегъ въ казнѣ, казаки отвѣчали, что они лучше согласятся обмундировать себя

(¹) Ур. в. арх. № 48. Въ Уральскихъ Вѣд. (1871 г., № 38) говорится, что новые мундиры заказаны были только двоимъ; но что они не хотѣли надѣть ихъ, если не согласится на то вся сотня; сотня не согласилась и, отправившись къ командрю, перебросила мундиры чрезъ заборъ во дворъ командря. — Для насъ странно, къ чѣму было отправляться всей сотни, чтобы перебросить чрезъ заборъ два кафтана?

на свой счетъ, а новыхъ мундировъ не желають принимать. Орловъ-Денисовъ, не смотря на свою любовь къ уральцамъ, вынужденъ былъ донести объ ихъ упорствѣ Великому Князю Константину Цавловичу, какъ главному командиру гвардейского корпуса. Его Высочество приказалъ вывести казаковъ на Волково поле, куда скоро явился и самъ. Когда Великий Князь спросилъ казаковъ, почему они не хотятъ исполнить воли Государя, казаки отвѣчали, съ обычной уклончивостью: „волѣ Государя мы не противимся, а новыхъ мундировъ не примѣмъ!“ Великий Князь уступилъ желанию казаковъ; но за упорство приказалъ одного изъ десяти наказать. Когда потребовали нѣсколько человѣкъ для наказанія, остальные всѣ полегли на землю и просили, чтобы ихъ всѣхъ наказывали, такъ-какъ они всѣ виновны. Къ этому примѣшался еще вопросъ о жалованье: сотнѣ слѣдовало отправиться въ Уральскъ, но она, нуждалась въ деньгахъ, ждала отпуска изъ коммисариата и зажилась въ столицѣ. Орловъ-Денисовъ доложилъ обо всемъ Великому Князю, а послѣдній донесъ Государю, который приказалъ 12 чел. отдать въ солдаты, а прочихъ отослать въ войска, находившіяся въ войнѣ противъ шведовъ.

Въ 1809 г. война кончилась Фридрихсгамскимъ миромъ, по которому Россія пріобрѣла Финляндію до р. Торнео; уральцы съ Кульневымъ сходили на шведскій берегъ, отличились, были награждены медалями и возвращены на родину. О судьбѣ 12 чел., отдавшихъ въ солдаты, намъ почти ничего неизвѣстно; знаемъ только, что въ числѣ ихъ находился закаленный въ бояхъ природный уральскій казакъ Азовсковъ, возвращенный въ войско, по Высочайшей волѣ, въ 1815 году. Разъ императоръ Александръ I, осматривая войска, замѣтилъ и Азовскова, бывшаго ужеunter-офицеромъ и имѣвшаго георгіевскій крестъ и нѣсколько медалей. Обратившись къ командиру полка, Государь сказалъ: „пора дать покой этому молодцу!“—

Командиръ отвѣтилъ: „Ваше Величество! онъ изъ не-
счастныхъ уральскихъ казаковъ, отданныхъ въ сол-
даты за проступки“. — „А, это — бунтовщикъ!“ замѣ-
тилъ Государь и поѣхалъ дальше. Когда же на во-
просъ Государя, какъ держитъ себя видѣнныи имъ
унтеръ-офицеръ, командръ отозвался съ похвалой;
то Государь, возвратившись къ фронту, подѣхалъ
къ Азовскому и сказалъ: „твой командръ говоритъ,
что ты теперь исправился, — хочешь быть офице-
ромъ?“ — „Ваше Величество, — отвѣчалъ Азовсковъ, —
исправляться мнѣ было не въ чемъ, — я всегда былъ
и есть твой вѣрный слуга, а офицеромъ быть не же-
лаю!“, „Отпустить его на родину!“ сказалъ Государь,
обратившись къ командиру. Азовсковъ тотчасъ же
былъ отправленъ въ Петербургъ, а оттуда — въ
Уральскъ ⁽¹⁾.

Не успѣли казаки отдохнуть и оправиться отъ бывшихъ волненій, какъ ихъ посѣтило страшное горе: 11 юля 1807 г. въ Уральскѣ случился сильный пожаръ, который уничтожилъ почти весь городъ: изъ 3584 домовъ сгорѣло до-тла 2120; кромѣ того, жертвою огня сдѣлались 8 человѣкъ казаковъ и 2 храма (²). Въ 1810 г. казаки должны были испытать новое несчастіе: въ предѣлахъ Оренбургской губерніи открылся неурожай и конский падежъ.

Во второмъ десятилѣтіи Уральское войско начало было отдыхать, какъ вдругъ наступила страшная година для всей Россіи—двѣнадцатый годъ. Не говоря о страшной дороговизнѣ на предметы первой необходимости, уральцы особенно пріуныли оттого, что распространились слухи о томъ, будто Наполеонъ неизменно покорить всю Россію и всѣхъ будетъ „приводить въ свою вѣру“. Многіе удалились въ скиты и посвятили себя иноческой жизни.

⁽¹⁾ Уральск. вѣд. 1874 г., № 38.

(²) Тамъ же, № 34, 1874 г.

Послѣ 1814 г., когда русскими былъ взятъ Парижъ, все вошло въ свои берега и на быстромъ Уралѣ. Нѣкоторые изъ уральскихъ казаковъ-аристократовъ, побывавъ на службѣ въ обѣихъ столицахъ и не малое число ихъ, возвратясь изъ-за границы, принесли съ собою болѣе смягченные нравы и нѣкоторую наклонность къ комфорту. Это выражалось богатою сервировкою столовъ, меблировкою комнатъ и вообще убранствомъ домовъ, щегольскими красивыми экипажами и лошадьми. Уральские аристократы заимствовали въ цивилизованныхъ странахъ только внѣшность,— это роковое свойство всѣхъ нашихъ старинныхъ баръ; простые же казаки были недоступны этому влиянию, и съ неудовольствиемъ посматривали на своихъ чиновниковъ, считая ихъ „дѣтьми антихриста“, который „пустилъ свою прелесть по всему миру“.

Въ простыхъ казакахъ, попрежнему, продолжали существовать духъ независимости и любовь къ старинѣ. Въ 1821 г. Уральскъ снова выгорѣлъ почти весь, а въ 1825 году вѣтно было Уральскому войску набрать 104 казака и выкомандировать въ Москву (¹), на сѣнью больныхъ и неспособныхъ казаковъ; но уральцы отказались исполнить волю начальства, считая его требованіе новостью. Атаманъ Назаровъ, въ сопровожденіи штабъ и оберь-офицеровъ, выѣзжалъ на площадь, где собирались казаки, и начинаетъ ихъ уговаривать. Казаки упорствуютъ, а казакъ Карпъ Лагашкинъ наговорилъ даже атаману дерзостей (²). Назаровъ, замѣтивъ, что Лагашкинъ измѣнился отъ запальчивости даже въ лицѣ, сказалъ, что онъ объ этомъ поговорить съ казаками, которые постарше

(¹) Уральцы стали ходить въ Москву съ 1818 г. до 1837 г. Но до 1837 г. не ходили въ Москву уральцы и оренбургскіе казаки, почему полкъ и получилъ название *сводного казачьего полка отдельного оренбургскаго корпуса*. Впослѣдствіи командировка этого полка въ Москву была уничтожена. См. Приказъ по военн. вѣдомству 20 мая 1864 г.

(²) Ур. в. арх., № 51.

его⁽¹⁾. — Лагашкинъ дерзко отвѣтилъ: „что, развѣ молодые не такъ служать, какъ старые?—Толпа заголосила: „что говорить Лагашкинъ, на то и мы согласны; что за нимъ, то—и за нами!“—Казаки соглашались дать лучше цѣлый полкъ, чѣмъ *сто четыре* казака. Когда Назаровъ спросилъ Лагашкина: „чей ты?“ Лагашкинъ отвѣчалъ: „развѣ ты не знаешь меня? Есть когда не знаешь, справлясь по бумагамъ“.—Всѣхъ мятежниковъ было до 50 человѣкъ, въ томъ числѣ отецъ Лагашкина, казаки: Пётръ Семенычевъ, Иванъ Фроловъ, Семенъ Ботовъ, Андрей Голубовъ, Тимоѳей Александровъ, Семенъ Синильниковъ, Яковъ Думчевъ и другіе. Казакъ Иванъ Фроловъ, выслушавъ увѣщанія полковника Поликарпова, замѣтилъ: „что вы нась уговариваете?!—Дядя вашъ, Давидъ Мартемьяновичъ⁽²⁾, въ прежнее замѣшательство тоже уговаривалъ и хотѣлъ надѣть на нась по штату кафтаны, но мы не согласились; хотя и потеряли тогда нѣсколько казаковъ, а все-таки свое отстояли,—тоже будетъ, видно, и теперь!“ Нѣсколько человѣкъ было арестовано и посажено подъ караулъ. Когда стали допрашивать Михаила Лагашкина, зачѣмъ онъ разстраиваетъ сына и племянника и волнуетъ казаковъ; то Лагашкинъ отвѣчалъ: „я—отставной казакъ, а они—служащие, ихъ дѣло, а не мое; для чего мнѣ навязываться съ своими совѣтами!“ Казаки Семенъ Синильниковъ и Яковъ Думчевъ явились въ присутствіе войсковой канцелярии и требовали, чтобы арестованные были освобождены, такъ какъ они посланы были въ канцелярию, по приговору всего войска. Присутствующіе въ канцелярии позвали Семена Ботова и спросили, исполнилъ ли онъ приказаніе начальства относитель но наемки 104 чел.; Ботовъ отвѣчалъ: „нѣть, не исполнить и исполнять не хочу, а послѣдую миру. Изъ

Москвы прѣхали казаки Андрей Голубовъ и Тимоѳей Александровъ, которые говорять, что въ Москвѣ о неспособныхъ никакого распоряженія не слышно, и что всѣ казаки продолжаютъ службу должностнымъ порядкомъ".—Иванъ Фроловъ на вопросъ корпуснаго альютанта, штабсъ-капитана Березовскаго, кончена-ли наемка 104 чел., отвѣчалъ: „не кончена, да и не кончится, потому что *начальство требуетъ незаконнаго*“.—Въ концѣ юля того же (1825) года состоялась конфирмаций, въ силу которой служащихъ казаковъ прогнали сквозь строй чрезъ 1000 человѣкъ по три раза, а отставныхъ чрезъ 500 чел. по разу; Петра Семенычева и Карпа Лагашкина отдали въ солдаты, а прочихъ оставили въ войскѣ.

Такимъ образомъ, вся первая четверть настоящаго столѣтія прошла на Уралѣ въ постоянной борьбѣ казаковъ съ властями, старавшимися служить видамъ правительства. Мы видѣли, что перемѣна названія казаковъ изъ Яицкихъ въ Уральскихъ не измѣнила ихъ прежней закваски: „*служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять*“. Кочкинъ пиръ и протестъ гвардейцевъ-казаковъ противъ формы могутъ служить достаточнымъ тому доказательствомъ. Въ этой борьбѣ казаковъ съ властями главными коноводами были казаки-раскольники, которые старались придать своему протесту характеръ борьбы за старую вѣру и старинные обычай. На мѣстѣ Кочкина пира скоро появились два черные осмиконечные креста, сохранившіеся досель. Мы уже знаемъ, что Яицкіе казаки, протестуя противъ властей, всегда становились подъ знамя вѣры: предъ самыми убийствомъ своего атамана Тамбовцева, генерала Траубенберга и другихъ они служать молебень и съ колокольнымъ звономъ, съ хоругвями и крестами, въ сопровожденіи облаченаго въ ризы духовенства, идутъ вооруженные противъ своихъ властей; въ Яицкомъ городкѣ совершаются молебствія и въ то время, какъ казаки, въ числѣ

3000 чел., выступаютъ противъ генерала Фреймана и завязываютъ съ нимъ бой на рѣкѣ Ембулатовкѣ. Тоже дѣлается и теперь: потомки Яицкихъ казаковъ—Уральцы, во все время борьбы съ властями, постоянно собираются въ Успенской часовнѣ и молятся здѣсь „о дарованіи победы надъ врагомъ“; скитская братия усиливаетъ свои молитвы, увеличивается число поклоновъ и налагается на себя добровольный постъ. Успенская часовня сдѣлалась въ это время самымъ любимымъ мѣстомъ общественной молитвы и богослужений протестующихъ, или *несогласныхъ* казаковъ, которые постоянно находились въ Уральскѣ и внимательно слѣдили за дѣйствіями властей.

Въ ноябрѣ 1826 года Оренбургскій военный губернаторъ Эссенъ, вслѣдствіе предписанія министра внутреннихъ дѣлъ, поручилъ уральскому прокурору собрать свѣдѣнія „подъ рукой безъ всякой огласки“ о старообрядческихъ молельняхъ, часовняхъ и другихъ приютахъ раскола, находящихся въ Уральскѣ. Въ отвѣтъ на это предписаніе, прокуроръ Анадольскій доносъ Эссену слѣдующее: „часовня въ Уральскѣ одна (Успенская) и выстроена болѣе 20 лѣтъ тому назадъ; священниковъ при ней двое. Священники для этой часовни выписываются изъ иргизскихъ монастырей и другихъ мѣсть, безъ посвященія епархиальныхъ архіереевъ, а чрезъ старѣйшихъ тѣхъ монастырей чиноначальниковъ такое достоинство получаютъ; а по прихотямъ здѣшняго начальства часто смѣняются, особенно отъ именуемаго „хозяина“ той часовни, т. е. ктитора, каковую обязанность отправляетъ нынѣ отставной есаулъ и оренбургскій первой гильдіи купецъ, *Ларіонъ Мизиновъ*, который какъ приходами, такъ и расходами завѣдываетъ одинъ непосредственно. Въ часовнѣ украшеній не имѣется, потому что капиталисты мало на то жертвуютъ, ибо всякий изъ нихъ имѣть въ домѣ своею отдельную молельню, подъ

названиемъ „образной комнаты“ ⁽¹⁾). Въ часовни при-
четъ неопределительный, изъ однихъ дьячковъ ка-
зачьаго сословія состоящій. На молитву въ часовню
значительные чиновники весьма мало и очень рѣдко
приходятъ, а по большей части молятся въ домахъ,
гдѣ всѣ требы совершаются, даже пріобщаются за-
пасными дарами, доставляемыми изъ иргизскихъ мо-
настырей. Около часовни значительныхъ чиновниковъ,
по волѣ здѣшнаго начальства, погребаютъ безвоз-
бранно ⁽²⁾). При отправлении требъ духовныхъ на до-
махъ, обходятся безъ посредства священника; такіе
попы: Севелій Сумкінъ, Михайло Пятовъ и Петръ
Севрюгинъ. Первый изъ нихъ отправляетъ служеніе
у бывшаго войскового атамана Петра Назарова, а
прочие у себя на домахъ и у главныхъ начальниковъ.
Дѣйствія самозванныхъ поповъ суть: крещеніе дѣтей,
исповѣдь и пріобщеніе. Главный изъ нихъ пропо-
вѣдникъ и учитель раскола Яковъ Тарасовъ, который
преподає наставленія и советы по части раскола,
*Нерѣдко въ домахъ управляютъ моленемъ девицы или
бабы.* Если кто изъ чиновниковъ повѣнчается въ
единовѣрческой церкви изъ брачныхъ видовъ; то по-
слѣ этого *секретно* обращаются въ часовню и полу-
чаютъ тамъ благословеніе на бракъ.

⁽¹⁾ Такія образныя комнаты и теперь можно встрѣтить въ любомъ казачьемъ домѣ, особенно во фортамъ. Образная отличается отъ другихъ комнатъ чистотой и опрятностью; въ ней находится большой со стеклами шкафъ, въ которомъ сверху до низу размѣщены иконы, а прѣль цими повѣшена лампада. Казачья семья собирается сюда на молитву и только въ случаѣ тѣсноты помѣщенія, рѣшается жить въ образной; въ противномъ же случаѣ, образная комната исключительно служить мѣстомъ молитвы. Полы въ образной, по большей части, крашеные.

⁽²⁾ Здѣсь, напримѣръ, покоятся врахъ Артемій Севрюгина, бывшаго начальника лейб-гвардіи уральской сотни, пользовавшагося милостивымъ вниманіемъ Императора Павла I, который называлъ его „Севрюговъ“. Надъ могилой Севрюгина находится желѣзный памятникъ съ чугунною плитою. Здѣсь же погребены: Дмитрій Мазиновъ и его сынъ Иванъ, погибши
застрѣлившійся на охотѣ въ 1827 г.; гранитный памятникъ надъ могилой послѣдняго невредимъ доселе. Ур. в. вѣд. 1874 г., № 32.

чаютъ въ ней исправу, т. е. молитву очищенія отъ церковнаго брака. Также если бы дѣти были окрещены въ церкви, то опять перекрещиваются въ часовнѣ”⁽¹⁾.

Это донесеніе Анадольскаго Эссену достаточно знакомить нась съ тѣмъ, какое значение пріобрѣла Успенская часовня, имѣвшая постоянныя сношенія съ иргизскими монастырями, въ глазахъ уральскихъ раскольниковъ вообще и, въ частности, въ глазахъ уральской аристократіи. 11 апрѣля 1827 г. Анадольский сдѣлалъ официальный запросъ благочинному уральскихъ церквей Іоасафу Корчагину: „бываютъ ли на исповѣди и у св. причастія присутствующе въ Уральской войсковой канцеляріи и городской полиції? — Благочинный далъ отрицательный отвѣтъ.

Итакъ оказывается, что люди, которые должны бы идти впереди неразвитыхъ и безграмотныхъ казаковъ, сами были заражены расколомъ и предразсудками, или же относились къ дѣламъ вѣры индифферентно; даже сама полиція, во главѣ съ своими присутствующими, находилась на сторонѣ раскола. Понятно послѣ этого, какое широкое распространеніе долженъ быть получить расколъ въ Уральскомъ войскѣ при указанныхъ условіяхъ; тѣмъ болѣе, что недостатка въ влиятельныхъ расколоучителяхъ среди казаковъ не было: ихъ доставляли и Иргизские монастыри, и Уральские скиты, особенно Сергіевскій скитъ. Самымъ большимъ вліяніемъ среди уральскихъ раскольниковъ пользовался Яковъ Михайловичъ Тарасовъ, упоминаемый Анадольскимъ въ его донесеніи Эссену. Въ религіозномъ отношеніи Тарасовъ былъ загадочнымъ человѣкомъ: молиться онъ никуда не ходилъ и на домаѣ ни у кого не молебствовалъ; отличаясь безпристрастнымъ отношеніемъ къ вопросамъ вѣры, въ жизни онъ всегда держался строгихъ пра-

зашастье анидровъ, наисвѣтѣ выглоши ввояшаетъ за пѣдомъ лѣва (1)

(1) Выписка изъ дѣлъ Уральск. войск. архива.

(VI лѣтъ ав.)

виль благоразумія; по отзывамъ лично знавшихъ его людей, онъ скорѣе походилъ на философа-начетчика, чѣмъ на сектатора-раскольника. Вотъ какъ, между прочимъ, характеризуетъ Тарасова одинъ изъ уральцевъ въ частномъ письмѣ ко мнѣ, съ 16 декабря 1877 года:

„Яковъ Михайловичъ Тарасовъ обладалъ большою начитанностью изъ св. писания; въ бесѣдахъ былъ тихъ: не спорилъ, а убѣждалъ; иногда говорилъ не въ пользу раскольниковъ, но они, хотя мало убѣждались, снисходили ему и уважали его за умъ,— такъ Тарасовъ былъ симпатиченъ!— Къ нему обращались за разными советами и богатые, и бѣдные, а болѣе всего—къ его компетентности въ разборѣ родословныхъ, при начинавшихся сватовствахъ; онъ же бывалъ и миротворцемъ въ семейныхъ распрахъ; у него была школа для обучавшихся читать и писать. Въ 1848 году мнѣ привелось слышать разговоръ Тарасова съ начетчиками стариками о вѣрѣ. Кромѣ книжного знанія, Яковъ Михайловичъ отличался бойкой діалектикой, но безъ софистическихъ уловокъ. Все, что онъ говорилъ, было твердо, ясно. Онъ, сколько я помню, училъ болѣе другихъ примѣнять писаніе къ жизни на основную тему: „*впра безъ дѣлъ мертваго есть*“.— За всѣмъ тѣмъ Тарасовъ не могъ быть неподозрительнымъ для людей, официаль но преслѣдовавшихъ расколъ. Онъ умеръ въ пятидесятыхъ годахъ въ глубокой старости и бѣдности“⁽¹⁾.

Но были люди и другаго рода, которые, не смотря на свое невѣжество, едвали не больше Тарасова вліяли на раскольниковъ. Тарасовъ, какъ видно, будиль чувства и мысль старообрядцевъ, напирая болѣе на духъ христіанскаго ученія, на необходимость для спасенія добрыхъ дѣлъ, а были такие руководители, которые въ дѣлахъ вѣры обращались исключительно

(1) Какъ смотрѣли на Тарасова простые казаки, увидимъ дальше (въ га. IV).

къ своему властолюбію и, при случаѣ, къ уловкамъ разнаго рода, позволятельнымъ и непозволительнымъ. Тарасовъ не ради корыстолюбія бесѣдовалъ о вѣрѣ и училъ дѣтей грамотѣ, а потому умеръ въ бѣдности, хотя, при своемъ громадномъ влияніи на другихъ, онъ могъ бы нажить большія средства; но „*какъ польза человѣку, аще мѣрѣ весь пріобрѣшетъ, душу же свою отщепитъ?*“ повторялъ нерѣдко Яковъ Михайловичъ, когда заходила у него съ другими рѣчь о средствахъ къ жизни и о богатствѣ. Не таковъ былъ часовенскій попъ Василій.

Попъ Василій происходилъ изъ Мордвы. Гдѣ онъ находился прежде, намъ неизвѣстно; знаемъ, впрочемъ, что раньше онъ гдѣ-то былъ священникомъ и, лишившись мѣста, тѣмъ самымъ пригодился раскольникамъ, искашившимъ себѣ въ это время попа. Они охотно его приняли, исправили и сдѣлали, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, своимъ попомъ въ Успенской часовнѣ. Василій, по отзывамъ знатившихъ его, былъ невѣжественъ и грубъ; но это-то и послужило ему въ пользу, какъ лучшее средство властствовать надъ умами своихъ прихожанъ: *его боялись и потому исполняли всѣ его приказанія.* Скромные попы не имѣли такого успѣха среди уральскихъ старообрядцевъ, какъ *суро-ый и бранчивый мордвинъ Василій:* къ скромнымъ попамъ уральскіе раскольники всегда относились критически и нерѣдко контролировали ихъ дѣйствія, чего не осмѣливались дѣлать предъ Василіемъ, повинуясь ему всегда и во всемъ безусловно. Василій, какъ увидимъ, на долго оставилъ по себѣ память въ Уральскомъ войскѣ: его именемъ благословляли потомъ стариковъ, для совершенія требъ; имя его писали въ разрѣшительной молитвѣ, которую влагали въ руки умершихъ раскольниковъ.

IV.

Причины, благоприятствовавшие усилению раскола въ Уральскомъ войскѣ, въ первой четверти настоящаго столѣтія. — Послѣдніе казачьи атаманы и ихъ отношение къ расколу. — Холера 1830 и 1831 г. въ Уральскомъ войскѣ. — Раскольнические амулеты и Успенская часовня въ холерный годъ. — Сношения съ Иргизскими монастырями Уральского войска въ тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка. — Обращеніе Иргизскихъ монастырей въ единовѣріе. — Графъ Перовскій и наказный атаманъ Покатиловъ, ихъ отношение къ уральскому расколу. — Хивинский походъ 1839 г. и предсказанія о немъ раскольниковъ. Увеличеніе числа храмовъ въ Уральскомъ войскѣ и обращеніе Успенской часовни въ единовѣрческую церковь.

Расколъ въ Уральскомъ войскѣ особенно усилился въ царствование Императора Александра I. Заботы правительства о введеніи нового военногражданского устройства въ Уральскомъ войскѣ отвлекли его внимание отъ раскольниковъ, а смѣлые протесты казаковъ противъ нового положенія требовали строгой осторожности по отношенію къ расколу въ войскѣ и его претдѣлахъ. Всльдъ за тѣмъ открылась отечественная война, когда вовсе было уже не до раскольниковъ. Между тѣмъ, казаки, отставная прежній строй своей общины, сближались все болѣе и болѣе съ ревнителями старины и старой вѣры, действуя съ ними заодно. Мы видѣли, что въ это время возникаютъ на Уралѣ Садовскіе скиты, Бударинскій скитъ; а Сергіевскій скитъ и Успенская часовня въ Уральскѣ дѣлаются главными притонами раскола во всемъ войскѣ. Не мало содѣйствовало усиленію раскола среди казаковъ и то обстоятельство, что, въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ настоящаго столѣтія, ихъ атаманами были тоже природные казаки: Д. М. Бородинъ и П. М. Назаровъ, изъ которыхъ первый отличался религиознымъ индифферентизмомъ, а второй самъ былъ ревностнымъ раскольникомъ. Въ 1824 г., въ проѣздѣ Императора Александра I чрезъ Оренбургъ, атаманъ Назаровъ былъ вызванъ туда, для чего долженъ былъ,

„против души и совести“, сбрить свою большую бороду. Вскорѣ послѣ этого, онъ былъ отставленъ отъ должности атамана, и жилъ въ Уральскѣ частнымъ человѣкомъ, пользуясь большимъ вліяніемъ на казаковъ и оставаясь, попрежнему, въ расколѣ; раскольническій пошъ Савелій Сумкинъ (¹) отправлялъ у него на дому богослуженіе и совершалъ разныя требы (²).

Мѣсто Назарова занялъ снова Д. М. Бородинъ, бывшій до него атаманомъ и проживавшій въ это время въ своей деревнѣ, теперешнемъ Бородинскомъ форпостѣ. Второе вступленіе Бородина въ атамансое достоинство сопровождалось большимъ торжествомъ, какъ передаютъ живые очевидцы и свидѣтели этого обстоятельства. Д. М. Бородинъ былъ любимцемъ казаковъ, которые, какъ-бы желая указать на его силу и значеніе въ войсکѣ, обыкновенно выражались: „атаманъ Бородинъ — въ войску одинъ“. Деятельность этого атамана была въ свое время одною изъ разумныхъ и, какъ говорится, была по душѣ казакамъ, хотя были недовольные и имъ, составлявшіе какъ бы исключение. Это былъ послѣдній войсковой атаманъ изъ казачьаго сословія; со смертю его, въ атаманы назначались лица иного роду. Чтобы понять нерасположеніе казаковъ къ преемникамъ Бородина, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о частной жизни этого любимца Уральскаго войска и объ отношеніи его къ казакамъ.

Отличаясь индифферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры, Бородинъ нерѣдко покровительствовалъ раскольникамъ и скитской братіи, хотя открыто и не стоялъ за расколъ, за что ему позволялось многое. Будучи уже 65 лѣтъ отъ роду, онъ оставилъ свою жену и

(¹) См. донесеніе прокурора Акадольскаго военному губернатору, Эссену, въ Запискахъ озерка, стр. 56.

(²) 26 марта 1822 г. былъ изданъ указъ, которымъ разрешалось всѣмъ старообрядцамъ держать у себя бѣглыхъ позовъ, если только посадніе до своего побѣга не совершили уголовнаго преступленія.

сопедся съ М. Е. К., очень красивой женщійной изъ порядочной фамиліи. Жена атамана, оставленная мутжемъ, помѣстилась въ отдельномъ флигелѣ, окруживъ себя монахинями—раскольницами и разными странницами, которая чрезъ свою госпожу старались вліять и на ея мужа. Между тѣмъ ея супругъ вель са-мый открытый и, подъ часъ, не безукоризненный образъ жизни: давалъ у себя въ домѣ балы, обѣды, посѣщалъ другихъ. Домъ его былъ лучшимъ въ Уральскѣ по величинѣ, архитектурѣ и убранству. Бородинъ жилъ какъ владѣтельный герцогъ, не отказывал себѣ ни въ чемъ. Въ ясные лѣтніе вечера, его нерѣдко можно было видѣть на балконѣ, который выходилъ на улицу и былъ накрытъ маркизами и обставлѣнъ цветами. Сюда подавали чай; хозяйничала фаворитка атамана М. Е. К.; тутъ же присутствовали нѣкоторые изъ родныхъ атамана и его наперстницы, нисколько не стѣсняясь предосудительнымъ поведеніемъ радушныхъ хозяевъ. Около дома почти всегда собиралась большая толпа народа, привлекаемая пѣсельниками, которыя, помѣстившись подъ балкономъ, потѣщали господѣ и публику. Но было нѣчто и посущественнѣе, что влекло народъ къ атаманскому дому: во время каждого подобнаго чаепитія, уральская Помпадуръ, одѣтая въ парчу, золото и дорогое каменья (¹), изъ своихъ рукъ бросала народу цѣлые корзины конфектъ и любовалась толпою мальчишекъ, торопившихся собирать лакомства. За конфектами съ балкона летѣли мѣдныя и мелкія серебряныя монеты, въ подбираніи которыхъ принимали дѣятельное участіе и взрослые.

Не смотря на то, что Бородинъ слишкомъ былъ ревнивъ къ своей власти, лица, пользовавшіяся благо-

(¹) Въ то время, между уральскими женщинами, были въ большемъ употреблении сороки (родъ кокошиника), изъ которыхъ вѣкоторые вѣсли около 10 фунтовъ въ стоимости тысячи рублей; а парчевые рукава съ широкими золотыми галунами можно встрѣтить и теперь на богатой уралѣ, которой не коснулась цивилизациѣ.

склонностью его наперстницы, всегда получали лучшія мѣста. Ревнители раскола также не упускали случая, когда и гдѣ было возможно и нужно, пользоваться вліяніемъ на атамана и его наперстницы. Вообще конецъ двадцатыхъ годовъ былъ самымъ веселымъ временемъ на Уралѣ. Спокойны и довольны были казаки-раскольники и единовѣрцы, зная, что Давидъ Мартемьяновичъ не дастъ ихъ въ обиду другимъ; аресты, Кочкинъ-пиръ, опустошительные пожары 1807 и 1821 г., неурожай хлѣбовъ въ 1810 и 1821 г. и конские падежи,—все забылось. Уральцы, какъ бы опьяненные счастливыми днями, забылись до того, что и не замѣтили, какъ къ нимъ пожаловала страшная и еще небывавшая у нихъ гостья—холера, появившаяся въ Уральскѣ въ началѣ августа 1830 года. Городъ былъ озѣплъ. Весельчаки забились по угламъ и дрожали отъ страха смерти. Всѣ пріуныли и не знали, что дѣлать. Не было ни одной улицы, гдѣ бы въ нѣсколькихъ домахъ не слышно было стона больныхъ и вопля родныхъ о похищенныхъ смертію; на рѣдкой улицѣ не встрѣчался гробъ, а по Большой улицѣ гроба несли вереницами. Паника достигла высшей степени. Нѣкоторые дома, опустошенные холерой, были закрыты, а у другихъ не отворялись ставни потому, что обитатели ихъ не хотѣли ни видѣть, ни слышать, что происходило въ ихъ дома. Церкви стали переполняться народомъ, откуда нерѣдко выводили заболевшихъ, а нѣкоторые сами выходили, шатаясь на ногахъ. За всенощной, наканунѣ Успенія, въ Михайлo-Архангельскомъ соборѣ вдругъ заболѣло трое причетниковъ—и къ утру ихъ не стало. Смертность усилилась до того, что мѣста, отведенного за девять лѣтъ до этого подъ кладбище, не достало; отвели новое, гдѣ тѣла бросали уже въ общую яму, не заботясь класть головой на востокъ; яму закрывали и заливали извѣстью. Носились слухи, что второпяхъ похоронили нѣсколько человекъ живыми, которые, по заявлению кладбищенского сторожа, кричали въ могилахъ; ихъ отрывали,

но находили уже мертвыми. Въ теченіе мѣсяца (¹) всего въ войскѣ умерло 1909 чел., 915 м. и 994 ж. пола (²). Холера похитила многихъ храбрыхъ воиновъ, сослуживцевъ Потемкина и Суворова (³); не пощадила она любимца Уральского войска—атамана Д. М. Бородина, который скончался 15 августа; въ тотъ же день умерла и его жена. Никто не хотѣлъ читать псалтирь надъ тѣломъ атамана, и только силой заставляли приходить для этого молодыхъ причетниковъ. Атласные сарафаны съ дорогими позументами и серебряными пуговицами, принадлежавшія атаманшѣ, женская рубахи съ парчевыми рукавами, атласная одѣяла, тонкое бѣлье и другія вещи Бородиныхъ въ предврашеніе заразы, были сожжены, за городомъ (⁴).

Спустя пять дней по смерти Бородина, изъ Оренбурга пріѣхалъ въ Уральскъ артиллерійский полковникъ Покатиловъ, который энергически принялъся за дѣло поданія помощи страдающимъ отъ холеры: онъ снабдилъ временные больницы всѣмъ нужнымъ, поощрялъ лѣчившихъ и ухаживавшихъ за больными; учредилъ комитетъ попеченія о больныхъ и во главѣ его сталъ самъ. Въ 1831 году холера снова повторилась въ Уральскѣ; но умершихъ было уже менѣе 1830 г. на 849 чел. обоего пола (⁵).

Раскольники, во время холеры, пустили въ ходъ разные амулеты, состоявшіе изъ маленькихъ записо-

(¹) Съ 7 августа по 6 сентября.

(²) Ур. в. вѣд. 1877 г., № 13.

(³) Напр. есаулы: Дурмановъ и А. Бородинъ участвовали при долговременной осадѣ Очакова Потемкинъ, переходили съ Суворовыми Альны и участвовали въ войнѣ 1813 и 1814 г.

(⁴) Ур. в. вѣд. 1877 г., № 10, Д. М. Бородинъ умеръ 70 л. отъ роду. Портретъ его, хранившійся въ Уральской войсковой гимназіи, писанъ В. А. Троцкінскимъ въ 1826 г., когда Бородину было 65 лѣтъ.—У Рябивина годъ смерти Бородина показанъ невѣрно, именно 1829, когда Бородинъ былъ еще живъ (ч. I, 75).

(⁵) Ур. в. вѣд. 1877 г., № 45. Изъ этого отвѣтъ

чекъ, зашитыхъ въ тряпичку; амулеты эти носили на крестѣ; ихъ также приклеивали на косякахъ дверей и оконъ; они заключали въ себѣ слѣдующія слова: „Христосъ съ нами уставися вчера, и днесъ, и во вѣки“. Рядомъ съ записочками на косякахъ обозначались легтемъ кресты. Дѣти, вѣроятно, изъ подражанія старикамъ, пестрили свое тѣло, особенно лобъ, легтиарными крестиками ⁽¹⁾. Многимъ изъ этихъ несчастныхъ дѣтей пришлось осиротѣть; но общее бѣдствіе, постигшее уральцевъ, напомнило взрослымъ христианскія обязанности: всѣ сироты были разобраны въ дѣти оставшимися въ живыхъ, а нѣкоторымъ было оказано отъ казны особое пособіе, безъ различія вѣроисповѣданій ⁽²⁾.

Успенская часовня, имѣвшая прихожанъ во всѣхъ концахъ Уральского войска, была поставлена въ крайнее затрудненіе, во время холеры: служившіе при ней попы не могли успѣвать повсюду, чтобы напутствовать и погребать часовенскихъ прихожанъ. Вследствіе этого, они самовольно благословили нѣсколько стариковъ и разослали ихъ по войсковымъ предѣламъ, уполномочивъ совершать церковныя требы и другія священническія обязанности. Такіе старики, по большей части, выбирались изъ скитской братіи, гдѣ въ нихъ недостатка не было. Сергіевский скитъ, несмотря на подпиську основателя не принимать беспаспортныхъ, попрежнему, давалъ у себя пріютъ разнымъ бѣглымъ и разстиженнымъ попамъ, нисколько не опасаясь полиціи и ея „приступающихъ членовъ“, которые сами были раскольники. Въ это время разыскивался въ Сергіевскомъ скиту бѣглый разстиженный попъ Аѳанасій Макаровъ. Оренбургскій

⁽¹⁾ Ур. в. вѣд. 1877 г., № 15.

⁽²⁾ Тамъ же № 12.

губернаторъ, графъ Сухтеленъ⁽¹⁾ писалъ по этому случаю полковнику Покатилову, временно исправлявшему должность войскового атамана: „Умоляю уральскихъ чиновниковъ способствовать мнѣ въ поимкѣ преступника и разстриги Макарова, недостойнаго участія добродушныхъ и нравственныхъ людей, каковыми я признаю вообще уральцевъ. При семъ нужнымъ считаю присовокупить, что я всегда желаю избегать всякаго нарушения обрядовъ вѣры и старинныхъ обычаевъ, коихъ, можетъ быть, они уже преизмѣрно придерживаются, но терпѣть укрывательство бѣглыхъ невозможно“⁽²⁾. Не смотря, однако же, на мольбы начальника края, „добродушные и нравственные“ уральцы не оправдали его надеждъ: Макаровъ не былъ выданъ.

Сношения уральскихъ казаковъ съ иргизскими монастырями продолжались и въ это время; уральцы доставляли иргизской братии цѣлые воза всякой рыбы и ея продуктовъ: икру, вязигу, клей, балыки; а сами, какъ бы въ отдарье, получали изъ монастырей дары для причастья, муро, книги, поповъ и т. п. Связь иргизскихъ монастырей съ уральскими казаками тѣмъ была прочнѣе, что въ числѣ иргизской братии были монахи изъ коренныхъ уральцевъ, какъ это видно изъ списковъ монастырскихъ жителей⁽³⁾. Иргизские монастыри и сами дорожили прочной связью съ Уральскимъ войскомъ, которое доставляло значительныя материальныя средства для монастырей и деньгами, и натурой, а изъ-за материальныхъ выгодъ

⁽¹⁾ Генераль-адъютантъ, гр. Сухтеленъ былъ преемникомъ Эссена, назначенного въ 1830 г. С.-петербургскимъ губернаторомъ. Сухтеленъ умеръ въ Оренбургѣ въ 1833 году.

⁽²⁾ Ур. в. вѣд. 1876 г. № 42.

⁽³⁾ Рукопись преосвященнаго Іакова, хранящаяся въ нижегородской семинарской библиотекѣ (№ 3774), стр. 282—294. Слич. Прав. Собес. 1857, стр. 376 и 522.

иргизская братія на все была готова: за деньги монахи заочно отпѣвали умершихъ, иногда человѣкъ по 50 вдругъ, за цѣлый годъ и болѣе, давали желающимъ причастіе въ руки и оставляли его въ ихъ до-
махъ во время разѣздовъ по войсковымъ предѣ-
ламъ; очистительную и сороковую молитву родиль-
ницѣ читали въ монастыряхъ заочно надъ платкомъ
или полотенцемъ, которое, по прїѣзду домой, слѣдо-
вало только потрясти надъ родильницею и новорож-
деннымъ младенцемъ. Замѣчательнъ въ этомъ отно-
шениіи слѣдующій случай, занесенный въ рукопись
преосвященнаго Іакова: „Расколъ бѣлопоповской сек-
ты по саратовской епархіи“ (¹). Въ 1834 году, въ
Уральскѣ умеръ одинъ весьма богатый чиновникъ,
который хотя и держался раскола, но брилъ бороду.
Такъ какъ онъ умеръ скоропостижно, то раскольни-
ческимъ попамъ было запрещено отпѣвать его. Не-
счастная вдова, пораженная неожиданною кончиною
мужа, отправилась въ иргизскій Преображенскій мо-
настырь и просила настоятеля заочно отпѣть умер-
шаго мужа; но настоятель рѣшительно заявилъ, что
этого никакъ нельзя сдѣлать, потому что покойный
брилъ бороду. Находившая чиновница хорошо, видно,
понимала религіозныя убѣжденія и стойкость иргиз-
скихъ монаховъ: она предложила настоятелю боль-
шую сумму; деньги подействовали скорѣе всякихъ
прособъ и слезъ неутѣшной вдовы: *скоропостижно
умершій былъ отпѣтишъ соборнъ*, а чтобы не подать
повода къ соблазну, на погребеніи были помянуты
имена многихъ другихъ умершихъ (²). Не смотря на
такое лицемѣrie и корыстолюбіе иргизской братіи,
уральские казаки постоянно обращались въ иргизскіе
монастыри съ своими духовными нуждами; а ревност-
ные помощники въ распространеніи раскола получали

(¹) Прав. Собесѣди. 1837 г., стр. 376, замѣчаніе.

(²) См. въ рук. л. 283. Слич. Пр. Собесѣди. 1857 г., стр. 565.

отеюда иконы, книжки, крестики, просфоры и т. п., и дорожили этими вещами, какъ православные бого-мольцы дорожать тѣми же предметами, получеными ими изъ Киева и Іерусалима. Въ холерный годъ иргизская братія значительно пополнила свои средства, отиѣвая заочно сотни умершихъ холерой уральскихъ казаковъ, которые были зарыты безъ всячаго напутствія и отпѣванія.

Начиная съ 1829 года, правительство стремится къ обращенію иргизскихъ монастырей въ единовѣріе: 27 июля 1829 г. былъ обращенъ въ единовѣрческій Нижневоскресенскій монастырь; обращеніе другихъ монастырей не обошлось безъ открытаго протеста иргизской братіи и безъ сильныхъ мѣръ со стороны правительства. Въ мартѣ 1837 г. былъ обращенъ Средненикольскій монастырь, преобразованный въ 1843 г., по Высочайшей волѣ, въ женскую единовѣрческую обитель⁽¹⁾. Въ 1841 г. обращены въ единовѣрческіе монастыри Воскресенскій и Преображенскій, а чрезъ два года упразднена и Покровская женская обитель, часовня которой была употреблена на постройку церкви въ г. Николаевскѣй, во имя св. Иоанна Предтечи⁽²⁾.

Съ уничтоженіемъ иргизскихъ монастырей, какъ притоновъ раскола, многіе монахи и монахини, не желавши принять единовѣріе, удалились въ уральскіе раскольничіи скиты, гдѣ ихъ приняли съ распространѣемъ руками, какъ гонимыхъ за вѣру; но со смертью атамана Д. М. Бородина и оренбургскаго военнаго губернатора Сухтелена, не желавшаго затрагивать уральскихъ раскольниковъ, обстоятельства измѣнились и здѣсь: на расколъ обратили вниманіе и на Уралъ.

⁽¹⁾ Прав. Собесѣди. 1858 г., стр. 254.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 257. Подробности объ обращеніи иргизскихъ монастырей въ единовѣріе смотр. въ Прав. Собесѣди. 1858 г., 234—264.

По смерти Сухтелена, оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ генераль-адъютантъ, впослѣствіи графъ, Василій Алексѣевичъ Перовскій, одинъ изъ достопамятныхъ дѣятелей Николаевскаго царствованія. Графъ Перовскій родился около 1795 г.; слѣдовательно, при назначеніи въ Оренбургъ, ему было не болѣе 38 лѣтъ. По воспитанію и образованію онъ принадлежалъ къ Александровскому времени. Обладая общими свойствами лучшихъ Александровскихъ людей; онъ имѣлъ и много своеобразнаго, принадлежащаго лишь ему одному. При необыкновенныхъ дарованіяхъ и сильномъ умѣ, Перовскій отливался чѣльнымъ, самостоятельнымъ характеромъ, чѣмъ напоминаетъ собою людей прошлаго вѣка. Характеръ этого человѣка сложился подъ вліяніемъ той необыкновенной школы всякихъ лишеній, которая выпала на его долю: участвуя въ знаменитой Бородинской битвѣ, онъ попадъ въ плѣнъ къ французамъ (¹); въ февраль 1814 г. онъ очутился въ Орлеанѣ и бѣжалъ изъ плѣна въ Россію.

Въ качествѣ адъютанта знаменитаго графа П. В. Кутузова, онъ сопровождалъ вмѣстѣ съ нимъ, великаго князя Николая Павловича въ его образовательныхъ путешествіяхъ по Россіи и Европѣ; въ это путешествіе и началось сближеніе Перовскаго съ будущимъ Государемъ. Въ роковое время 14 декабря 1825 года, Перовскій явился однимъ изъ самыхъ преданныхъ новому Государю лицъ. Заодно съ нѣкоторыми другими лицами, окружавшими Государя, Перовскій былъ предметомъ дерзкихъ выходокъ со стороны народной толпы, собравшейся на Исаакіевской площади и подъучаемой мятежниками: ему нанесли ударъ въ спину полѣномъ. Въ 1828 г. онъ изслѣдовалъ, по Высочайшей волѣ, беспорядки въ Черномор-

(¹) Его записка о бѣствіяхъ, которая пришлось ему вынести, напечатана въ Русск. архивѣ 1865 г.

скомъ краѣ; участвовалъ во взятіи Анапы, которую князь Меншиковъ громилъ со стороны моря; затѣмъ отправился къ Государю подъ Варну, гдѣ получилъ рану въ лѣвую часть груди; рана оказалась не смертельной — и пулю вырѣзали. Въ 1830 г. Перовскій получилъ мѣсто директора канцеляріи начальника морскаго штаба, а чрезъ три года послѣдовало его назначеніе въ Оренбургъ⁽¹⁾). Таковъ былъ новый начальникъ Оренбургскаго края и, какъ части его, Уральскаго войска.

Графъ Перовскій, занявъ новый постъ, скоро убѣдилсѧ, что примѣненіе новыхъ правилъ и отмѣна прежнихъ обычаевъ, предписанныхъ пунктами штата 1803 г., постоянно встрѣчали скрытое сопротивленіе въ Уральскомъ войскѣ. Требованія начальства исполнялись только для виду, въ сущности же прежніе порядки оставались въ полной силѣ. Вооруженіе и обмундированіе, по новому положенію, вводилось такъ медленно, что къ 1830 году были обмундированы по формѣ только гвардейскія части и городовая команда, прочие же казаки отправляли службу по старому. Войсковое начальство, извлекая изъ того свои выгоды, смотрѣло на упущенія казаковъ сквозь пальцы и настаивало на исполненіи нового положенія только тогда, когда опасалось навлечь на себя отвѣтственность⁽²⁾). Перовскій, воспользовавшись тѣмъ, что въ войскѣ не было атамана, рѣшился приступить къ выполнению своего плана; но для этого ему нуженъ былъ надежный человѣкъ, который бы не имѣлъ ничего общаго съ интересами казачьяго сословія, и не оказывалъ послабленія и пристрастія къ обычаямъ

⁽¹⁾ Русск. Архивъ 1878 г., кн. 3. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: посланіе къ Перовскому въ стихахъ и письмо къ нему Жуковскаго, съ которымъ графъ былъ въ самой тѣсной дружбѣ; а также—собственное письмо Перовскаго къ Ю. Ф. Самарину.

⁽²⁾ Рябининъ Уральское казачье войско, ч. I, стр. 73.

старины. Выборъ графа паль на полковника Покатилова, исправлявшаго должностъ войсковаго атамана, по смерти Бородина.

По ходатайству Перовскаго, полковникъ Покатиловъ получилъ Высочайшее повелѣніе принять на себя званіе и обязанности *наказнаго* атамана Уральскаго казачьяго войска, а вскорѣ—и чинъ генеральмаюра. — Намъ уже извѣстно, что до этого времени атаманы избирались изъ казаковъ, а потому понятно, что назначеніе на этотъ постъ Покатилова, какъ лица неказачьяго происхожденія, не могло нравиться войску. Въ Уральскѣ было много чиновниковъ, людей вліятельныхъ, богатыхъ и умныхъ, которые, по смерти Д. М. Бородина, разсчитывали занять его мѣсто; эти-то лица сильно были оскорблены предпочтеніемъ, оказаннымъ совершенно постороннему, по происхожденію, человѣку. Они употребляли всѣ мѣры и усиленія, чтобы вооружить общественное мнѣніе противъ новаго атамана; придириались ко всякому случаю, чтобы представить его поступки въ невыгодномъ свѣтѣ и возбудить въ массѣ къ нему недовѣріе (¹). Впрочемъ, не смотря на разныя интриги чиновниковъ, Покатиловъ успѣлъ расположить къ себѣ значительную часть войска, и первое время пользовался любовью и уваженіемъ уральцевъ. Покатиловъ былъ, вмѣсть съ тѣмъ, веселый, ловкій и честный человѣкъ; въ обращеніи съ другими онъ былъ находчивъ и вѣжливъ до обаятельности. Простые казаки, какъ бы въ комплиментъ Покатилову, такъ выражались о немъ: „настоящій *Подкатиловъ*, — такъ и подкатился къ намъ маслянымъ блиномъ“ (²).

Вступивъ въ управлѣніе войскомъ, Покатиловъ, согласно намѣреніямъ Перовскаго, старался слить

(¹) Секр. дон. Перовскаго воен. министру, отъ 23 сент. 1833 г., обѣ отставномъ полковникѣ Стакѣ Мизиновѣ.

(²) Ур. в. вѣд. 1868, № 33, стр. 6.

разные классы общества и уравнять, по возможности, лицъ незначительныхъ фамилій съ вліятельными и значительными. Выходя изъ такого принципа, Покатиловъ прежде всего обратилъ внимание на Уральскъ, какъ главный центръ казачьей жизни и дѣятельности. Когда новый атаманъ поближе познакомился съ городскимъ обществомъ, онъ былъ изумленъ дикостью и неразвитостью уральскихъ барынь и барышень, затворничествомъ женщинъ. Уральские аристократы-казаки держали своихъ женъ и дочерей взаперти, какъ боярышень до-петровской Руси, или какъ гаремныхъ заключенницъ. Сами затворницы, однакожъ, не только на это не претендовали, а, напротивъ, съ какою-то гордостю и самодовольствомъ указывали на то, какъ на отличительный признакъ отъ „чernago naroda“. Затворничество уралокъ сдѣлалось еще болѣе сурвымъ, когда, по случаю разныхъ волненій въ войскѣ, были поставленъ въ городѣ на постоянныя квартиры баталіонъ солдатъ. Изъ опасенія за своихъ женъ и дочерей, аристократы, во главѣ съ атаманомъ П. М. Назаровымъ, настояли на томъ, чтобы за городомъ были построены казармы, куда солдаты и были переведены. Въ 1831 г. при этихъ казармахъ, благодаря заботамъ и благотворительности атамана Покатилова и баталіоннаго командира Лихошерстова, была выстроена деревянная однопрестольная церковь, во имя Казанской Божіей Матери,—это была *первая православная церковь* въ Уральскомъ войскѣ.

Предпримчивый и энергичный атаманъ рѣшился вывести уральскихъ женщинъ изъ закоснѣлаго состоянія и затворничества. Съ этой цѣлію, онъ сталъ устраивать въ своеімъ домѣ вечера съ танцами, на которые приглашалъ молодыхъ дѣвицъ и женщинъ съ ихъ необщительными матушками. Слушать музыку, по убѣждению уральскихъ матронъ, было грѣхомъ, а танцевать—величайшимъ грѣхомъ; но находчивый и веселый хозяинъ заставилъ ихъ привыкнуть къ тому и другому. Начались *уральскія assambles*, на

которыхъ, впрочемъ, не было *кубка большаго орла*, Сначала танцевали только жены иногородныхъ чиновниковъ, при чемъ недостатокъ кавалеровъ восполнялся польскими дворянами изъ ссыльныхъ въ уральской баталіонъ, послѣ возстанія въ Польшѣ, въ 1831 году. Пошли балы и вечера, сменяемые по временнымъ маскарадами, въ которыхъ появлялись маски въ разнообразныхъ костюмахъ; скоро у Покатилова стали даваться домашніе спектакли. Въ 1836 году былъ открытъ клубъ; пустились въ танцы и молодые уральцы и уралки, и родители уже не мѣшиали имъ въ этомъ „благородномъ“ удовольствіи. Покатиловъ сдѣлался душою молодаго уральскаго общества; въ освобожденіи затворницъ ему помогала отпачи одна изъ знатныхъ уральскихъ барынь, А. А. Д., которая замѣнила у Покатилова на вечерахъ хозяйку, такъ какъ онъ былъ въ то время вдовъ.

Такимъ образомъ, патріархальная неподвижность и замкнутость Уральскаго городскаго общества была тронута: начались сношенія съ иногородными, на которыхъ до этого времени казаки смотрѣли съ недовѣремъ; открылся обмѣнъ мыслей, взглядовъ и убѣженій.

Но въ то время, какъ рѣзвилась и потѣщалась молодежъ, Покатиловъ зорко присматрился къ тому, что дѣлалось по форпостамъ, хуторамъ и раскольническимъ скитамъ. Здѣсь велась противъ атамана опасная интрига: чиновники, оскорблѣнныя уравненiemъ лицъ знатныхъ фамилій, къ которымъ они принадлежали, съ незначительными, старались вооружить казаковъ противъ Покатилова, указывая на введеніе *новыхъ* перемѣнъ, угрожавшихъ казачьей независимости. — Особенно были недовольны Покатиловымъ совѣтникъ войсковой канцеляріи, полковникъ С. Мизиновъ и есауль Севрюгинъ, люди беспокойные, кляузные и вредные, которые своимъ вліяніемъ могли

возбудить волнение въ войскѣ⁽¹⁾. Скоро соединились съ чиновниками и приверженцы старообрядства, оскорбленные дѣйствіями правительства, старавшагося вводить православіе, и ожесточенные закрытіемъ нѣкоторыхъ часовенъ и моленныхъ домовъ, подтверждениями не носить на службѣ бородъ и быть одѣтыми по установленной формѣ. Основными требованиями уральскихъ раскольниковъ были: свободный покрой платья, съ сохраненіемъ наѣмки на службу, борода и старообрядческая часовня. Между тѣмъ, графъ Перовскій энергично принялъ за исправленіе упущеній, введеніе перемѣнъ и преестественніе пристанодержательствъ въ Уральскомъ войскѣ. Не терпя старообрядства, особенно потому, что оно относилось враждебно къ умственному развитію страны, и вообще было тормазомъ народнаго образованія, Перовскій предписалъ Покатилову, чтобы все землянки въ уединенныхъ мѣстахъ были обысканы, а ихъ таинственные жильцы разосланы по своимъ мѣстамъ; скиты же до времени вѣльно было оставить: наложить руку на нихъ Перовскій считалъ преждевременнымъ. Предложено было также устроить нѣсколько церквей въ самомъ Уральскѣ и по форпостамъ верхней и нижней дистанціи. Заботы по устройству церквей выпали на долю Покатилова, который всегда безпрекословно исполнялъ волю и желанія графа Перовскаго. Раскольники, узнавъ о намѣреніяхъ Покатилова, озлобились еще больше противъ атамана; чиновники, недовольные имъ, также не упускали ни одного случая, чтобы дѣйствовать на умы простыхъ казаковъ: они возбуждали ихъ къ ропоту, указывая на различныя стѣсненія, напр. на перемѣну наряда на годичную службу при городѣ и на передовыхъ постахъ, сдѣланного для того, чтобы иметь всѣхъ *обмундированными по надлежащей формѣ*. Не мало также имѣли

⁽¹⁾ Дон. полковн. Покатилова Перовскому, отъ 15 декабря 1834 г.

вліянія на массу и возвращенные въ это время изъ Сибири ссыльные казаки; нѣкоторые изъ нихъ поселились въ раскольническихъ скитахъ⁽¹⁾, возбуждая долголѣтними страданіями своими общее участіе раскольниковъ, а разсказами и толками—живое сочувствіе народа⁽²⁾. Такимъ образомъ возникла оппозиціонная партія, и къ ней примкнула значительная часть войска.

Весною 1837 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ нынѣ царствующій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ совершилъ путешествіе по Россіи, и намѣревался также посѣтить Уральскъ. Недовольные атаманомъ рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы затѣять дѣло, уговоривъ войско принести жалобу на притѣсенія атамана и оренбургскаго начальства. Между казаками распространился слухъ, что отъ Наслѣдника подосланы въ Уральскъ лазутчики, которые „пріѣхали раныae для выведыванія нужда казачъихъ и списываютъ городъ“. Въ домъ старшины Назарова начались собранія и совѣщанія коноводовъ⁽³⁾ дѣла, подъ предсѣдательствомъ отставнаго полковника Стакѣя Мизинова. Прошеніе было составлено старшиною Ивановымъ, а переписано урядникомъ Григоріемъ Митрясовымъ, которому зачинщики пригрозили смертю, если онъ откажется писать или будетъ о томъ кому-либо разсказывать. Подача прошенія Наслѣднику была возложена на семерыхъ казаковъ⁽⁴⁾. Въ

⁽¹⁾ Наур. Петъ Ивановъ Ключенковъ, жившій въ поморскомъ скиту, близъ Бородинскаго форпоста.

⁽²⁾ Записка, поданная Покатиловымъ Перовскому въ юнѣ 1837 г. Слич. у Рябинина. ч. I. 76.

⁽³⁾ Главныхъ коноводовъ было девять человѣкъ: полковникъ Мизиновъ, старшины: Е. Назаровъ, Д. Мизиновъ, С. Ивановъ, Ларіонъ Скворцовъ, А. Мизиновъ; есаулы: Д. Александровъ, Г. Севрюгинъ и В. Городинъ-Мишинъ.

⁽⁴⁾ Федоръ Ширяевсковъ, Савелій Ларминъ, Ив. Филичевъ, Ив. Фроловъ, Асафъ Бахаревъ, Фролъ Паленовъ и Пикифоръ Ереминъ.

этомъ прошениі казаки особенно напирали на злоупотребленія Покатилова и на то, что войсковымъ атаманомъ не долженъ быть иногородній.

Вотъ сущность нѣкоторыхъ пунктовъ прошения, направленныхъ противъ атамана: 1) „въ противность прежнимъ граматамъ и указамъ⁽¹⁾, неотмѣненнымъ никакимъ указомъ, войсковымъ атаманомъ назначенъ, по произволу оренбургскаго начальства, генералъ-майоръ Покатиловъ изъ иногороднаго сословія и состоявшій, въ царствованіе Александра I, подъ военнымъ судомъ, по личной на него жалобѣ въ Оренбургѣ всей конной артиллерийской казачьей роты; войсковые чиновники опредѣляются въ должности не общимъ выборомъ, а по желанію атамана; при отправлении службы войско отягощается атаманомъ излишними денежными поборами, поступающими въ войсковую сумму, а не въ руки казаковъ, и вънъ службы — общими немаловажными сборами, не исключая и самыхъ бѣдныхъ, совершамыми строгимъ и вымогательнымъ образомъ; 2) недвижимое войсковое имѣніе, приносившее войску ежегодно значительный доходъ, куплено за безцѣночъ генералъ-майоромъ Бородинымъ въ собственность, а частное, купленное въ 1817 г. родственниками и приверженцами Бородина за высокую цѣну изъ войсковыхъ суммъ, обращено въ казармы; а генералъ-майоръ Покатиловъ, разломавъ эти строенія, построилъ, безъ согласія войска, на ихъ мѣстахъ новыя, что сопряжено было съ большими убытками для войска; 3) въ противность Высочайшему именному повелѣнію, чрезъ оренбургскаго военнаго губернатора Эссена, въ 1817 г., Покатиловъ купилъ на общественные деньги домъ покойнаго атамана Бородина съ дворомъ и мебелью у наследницы Бородина старшинской жены Донской, за сорокъ слишкомъ тысячъ рубл. да

⁽¹⁾ Грам. 15 дек. 1765 г., указъ 22 дек. 1803 г. Высоч. пов. кн. Волконскому, 10 декабря 1804 г.

на перестройку его употребилъ не сколько тысячъ рублей; въ избѣжаніе же отвѣтственности, сдѣлалъ отъ имени войсковой канцеляріи, исключая старшаго со-вѣтника полковника Бизанова, небывшаго съ прочими чиновниками согласнаго, представленіе къ оренбургскому военному губернатору и чрезъ него испросилъ на то Высочайшее разрѣшеніе, чѣмъ войско чувствительно обижается, такъ какъ домъ этотъ, по извѣстнымъ обывателямъ причинамъ, могъ бы отойти безъ покуки на войско".—Мы не будемъ указывать на другіе пункты прошенія, которыхъ всѣхъ восемь (¹), а укажемъ на то, чего желали добиться просители. Они просили: 1) замѣны атамана Покатилова другимъ изъ войска чиновникомъ, выбраннымъ цѣлью обществомъ; 2) производства слѣдствія чрезъ чиновниковъ, которые бы *и не зависѣли отъ оренбургскаго губернатора*, и при депутатахъ отъ казачьяго сословія; 3) удаленія отъ должностей во время производства слѣдствія атамана, прокурора и другихъ чиновниковъ, дѣйствовавшихъ съ ними заодно, 4) вмѣсто бывшаго прокурора опредѣлить Егора Анадольскаго, отставлѣнаго по проискамъ атамана (²).

Въ половинѣ июня Государь Наслѣдникъ прибыть въ Уральскъ и оставался здѣсь недолго. 15 июня, въ его присутствіи, былъ заложенъ православный Александро-Невскій соборъ, а 16-го предположень было отъѣздѣ. На разсвѣтѣ казаки, которые должны были подать просьбу, собрались въ домъ Федота Ширяевскаго; послѣ совѣщеній, они отправились на Большую улицу, где собралась многочисленная толпа народа, ожидающая (архива, № 81). Копія съ просьбы находится при дѣлахъ Уральскаго войск. архива, по описи № 16, а также въ архивѣ оренб. генераль-губ. подъ № 205. Сущность всей просьбы изложена у Рябинина, ч. I, стр. 78—79.

(¹) Въ донесеніи своемъ военному министру, 9 июля того же (1837) года за № 16, Перовскій опровергаетъ по пунктамъ справедливость жалобы казаковъ.

шая проѣзда Наслѣдника. Скоро Его Высочество сѣлъ въ экипажъ и тихо поѣхалъ по городу, прощаюсь съ уральцами; у Оренбургскихъ воротъ экипажъ остановился, потому что впереди стояла, отдѣлившись отъ народа, небольшая группа казаковъ: это были уполномоченные. Когда Его Высочество пожелалъ узнать причину такой остановки, то увидѣлъ подлѣ кареты нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на колѣняхъ, изъ которыхъ одинъ (Асафъ Бахаревъ) держалъ въ рукахъ бумагу. Адъютантъ, бывшій при Наслѣднице, принялъ просьбу и передалъ ему — экипажъ двинулся дальше⁽¹⁾.

Заговорщики-чиновники и особенно раскольники-казаки были въ восторгѣ; вѣсть о томъ, что Его Высочество принялъ просьбу, скоро облетѣла все войско; всѣ ждали перемѣны къ лучшему и назначенія новаго атамана изъ казачьяго сословія.

Между тѣмъ Покатиловъ тотчасъ же, по отѣзгѣ Наслѣдника, послалъ донесеніе о случившемся графу Перовскому, въ которомъ, между прочимъ, говорить, что самъ онъ не решается арестовать „изверговъ“, дабы не подать повода къ большему раздраженію, и просить губернатора прѣѣхать въ Уральскъ для разбора дѣла. Изъ Оренбурга немедленно были отправлены въ Уральскъ войска, въ составѣ 5 полковъ⁽²⁾, одного баталіона и 8 конныхъ орудій. До прибытія Перовскаго, главное начальство надъ войсками было поручено полковнику Павлову. Въ своемъ донесеніи военному министру⁽³⁾, Перовскій такъ объясняетъ необходимость вооруженного занятія Уральска: „Духъ единомышленія и чуждое всякаго благородства и говорчивости упорство раскольниковъ, подъ наружнымъ спокойствіемъ (сохранившимся, благодаря благоразумію атамана, который воздержался отъ кру-

⁽¹⁾ Рябининъ, ч. I, стр. 79.

⁽²⁾ 4 полка башкиръ и 1 оренбургскій казачій полкъ.

⁽³⁾ Отъ 22 июня, за № 9, и отъ 29 июня, за № 12.

тыхъ мѣръ и вообще умѣль избѣгнуть малѣшаго по-
вода къ большему раздраженію), скрывало броженіе, а
потому начать разборъ этого дѣла, не обезпечивъ себя
увѣренностью въ успѣхѣ, было бы опасно. Могло
вспыхнуть возмущеніе и его надо бы подавлять воен-
ной силой, тогда какъ теперешній отрядъ имѣть
видъ экзекуції⁽¹⁾. Перовскій предлагалъ воспользоваться
происшествиемъ, чтобы, подъ предлогомъ стро-
гаго наказанія виновныхъ, ввести всѣ необходимыя
реформы въ Уральскомъ войскѣ: отмену наемки, рас-
пространеніе общихъ узаконеній имперіи о раскольни-
кахъ и на уральцевъ, введеніе мундировъ и строгой
очередной службы, выслать изъ войска и перечислить
въ другое вѣдомство или сословіе всѣхъ беспокойныхъ
и участвовавшихъ въ послѣднемъ дѣлѣ казаковъ.

Когда войска, отправленныя изъ Оренбурга,
вступили въ Уральскъ, казаки пришли въ ужасъ; мно-
гие поспѣшили на нижнюю линію, другіе же бросились
въ скитскія трущобы, чтобы тамъ укрыться отъ ожида-
емой опасности. Оставшіеся въ городѣ не осмѣливав-
лись выйти на улицу; дома всѣ затворились; опасаясь,
что войска предадутся насилию и грабежу, многіе
держали своихъ женъ, дочерей и дѣтей въ подполь-
яхъ и подвалахъ, — словомъ, изумленію и страху
казаковъ не было предѣловъ. Пріѣзжаетъ Перовскій
и объявляетъ городѣ на военномъ положеніи, а охра-
ну порядка и тишины ввѣряетъ временному коммен-
данту, полковнику Геке; вслѣдъ за тѣмъ была учреж-
дена военно-судная комиссія по полевому уголовно-
му уложенію — и началось разслѣдованіе дѣла. Резуль-
татъ сужденій комиссіи былъ таковъ: виновныхъ чи-
новниковъ, наиболѣе вредныхъ въ войскѣ, опредѣлено
было выслать на житѣе въ отдаленный губерніи, по-
ручивъ ихъ тамъ надзору полиціи, другихъ — оставить
на мѣстѣ, но съ тѣмъ, чтобы не выбирать ни въ какія

(1) Доп. отъ 29 июня 1837 г., № 42. Сл. у Рабинова, ч. I, 80.

общественные должности и иметь за ними строжайшее наблюдение; казаковъ, участвовавшихъ въ подачѣ просьбы, подвергнуть тѣлесному наказанію и сослать въ Сибирь на поселеніе; тѣхъ, которые участвовали въ распространеніи толковъ и составленіи прошенія, выключить изъ войскового званія и опредѣлить, по усмотрѣнію начальства, на службу въ регулярный войска. Приговоръ этотъ Высочайше былъ конфирированъ и приведенъ въ исполненіе въ сентябрѣ того же года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ общаго взысканія, изъ Уральского войска было выкомандировано четыре полка, которые и должны были оставаться на вѣнчайшей службѣ въ теченіи несколькихъ лѣтъ⁽¹⁾. — Такъ кончилась интрига чиновниковъ и раскольниковъ противъ атамана Покатилова и распоряженій графа Перовскаго, касательно Уральского войска!

Съ этого времени графъ Перовскій началъ настойчиво преслѣдовать мысль объ искорененіи раскола въ войскахъ. Раскольничы часовни и молѣнныя дома были закрываемы, подъ тѣми или другими благовидными предлогами; распространителей раскола ловили и наказывали по всей строгости законовъ; сводные браки строго были воспрещены, и виновные были отдаваемы подъ судь. Чтобы привлечь раскольниковъ къ единовѣрію, на мѣстное начальство и духовенство возложили обязанность слѣдить, дабы записанные въ известномъ приходѣ казаки непремѣнно исполняли таинства брака, крещенія и покаянія; дѣти отъ своднобрачившихся признавались незаконнорожденными, а самые браки—недѣйствительными. О чиновникахъ, преданныхъ расколу, наказный атаманъ обязанъ былъ

(1) Каждый полкъ состоялъ изъ 550 чел.; слѣдовъ всѣхъ казаковъ было выкомандировано 2200 чел. Одинъ полкъ былъ отправленъ на Кавказъ, другой—въ Бессарабію, третій—въ Финляндію, а 4-й до Хивинскаго похода оставался на Уралѣ. (См. Ур. в. арх., № 53, стр. 45); Рябининъ же почему-то говорить, что два полка были отправлены на Кавказъ и два въ Польшу (ч. I, стр. 84).

вести подробная вѣдомости и дѣлать частыя донесенія оренбургскому военному губернатору, а наиболѣе упорныхъ—не представлять ни къ какимъ повышеніямъ по службѣ и не допускать ни къ какимъ должностямъ по войску. Въ то же время обращено было вниманіе на увеличеніе церквей въ войскахъ и числа единовѣрческаго духовенства⁽¹⁾.

До тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, какъ мы уже знаемъ, въ Уральскомъ войску не было ни одной православной церкви, такъ что жившіе въ войску православные, для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, должны были обращаться за 150 верстъ и болѣе отъ Уральска. Преосвященный Аркадій, тогдашній епископъ оренбургскій, во время обозрѣнія епархіи, замѣтилъ этотъ недостатокъ и вошелъ въ Святѣйший Сѵнодъ съ представленіемъ о необходимости устройства въ Уральскѣ хотя одной православной церкви, наряду съ единовѣрческими⁽²⁾. Въ 1830 г. указомъ Сѵнода разрѣшено было устроить въ Уральскѣ православную церковь, что и было приведено въ исполненіе въ слѣдующемъ же году: при военныхъ казармахъ какъ мы видѣли, была построена православная церковь, во имя Казанской Божіей Матери. Сверхъ того, изъ трехъ единовѣрческихъ церквей, которыя предположено было воздвигнуть въ Уральскѣ, по желанію самихъ казаковъ, одну разрѣшено обратить въ православную, во имя св. Александра Невскаго, съ наименованіемъ собора. Государь Наслѣдникъ (нынѣ царствующій Государь Императоръ), во время пребыванія своего въ Уральскѣ въ іюнѣ 1837 г., собственными руками положилъ первый ка-

⁽¹⁾ Рябининъ, ч. I, стр. 82.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 283. Переписка по этому дѣлу хранится въ уральскомъ Александро-Невскомъ соборѣ; изъ нея, между прочимъ, видно, что атаманъ Д. М. Бородинъ старался отклонить устройство православной церкви въ Уральскѣ, но его преемникъ В. О. Покатиловъ энергично принялъ за осуществление желанія преосвященнаго Аркадія.

мень въ основание новаго собора, постройка котораго продолжалась тринадцать лѣтъ. Въ 1850 г. соборъ былъ освященъ епископомъ оренбургскимъ и уфимскимъ Иосифомъ, въ присутствіи оренбургскаго военнаго губернатора, генерал-лейтенанта Обручева, преемника и предшественника графа Перовскаго⁽¹⁾.

Въ годъ основания Александро-Невскаго собора, въ Уральске было воздвигнуто еще два единовѣрческихъ храма: Крестовоздвиженскій и Предтеченскій; съ этого же времени появляются въ войскѣ и форпостныя церкви: въ 1837 г. была выстроена *первая форпостная церковь* въ Сахарной станицѣ⁽²⁾, въ честь Введенія во храмъ Божія Матери, а въ слѣдующемъ году—въ Бударинскомъ⁽³⁾ форпостѣ, во имя Преображенія Господня. Объ устройствѣ этихъ храмовъ главнымъ образомъ заботился атаманъ Покатиловъ, который, въ концѣ декабря 1838 г., скончался, какъ говорятъ, скоропостижно, послѣ ужина⁽⁴⁾.

Мѣсто Покатилова занялъ *Митрополит Львович Ко-
жевниковъ*, состоявшій до того времени чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Перовскомъ. Этотъ любимецъ Перовскаго оставилъ по себѣ въ Уральскомъ войскѣ добрую память. Знавшіе его близко, кромѣ хорошаго, ничего обѣ немъ не говорятъ. Оставилъ постъ атамана, онъ жилъ нѣсколько времени въ Петербургѣ; затѣмъ онъ былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Саратовъ, откуда, послѣ одной не-

(1) Перовскій былъ оренбургскимъ губернаторомъ съ 1833—1842 и съ 1850—1857; въ промежутокъ же этого времени, съ 1842—1850, военнымъ губернаторомъ былъ Обручевъ.

(2) На полпути отъ Уральска къ Гурьеву.

(3) На полпути отъ Уральска къ Сахарной станицѣ.

(4) В. О. Покатиловъ погребенъ при Михаило-Архангельскомъ соборѣ, въ Уральскѣ; надъ его могилой, находящейся въ оградѣ, по лѣвой сторонѣ храма, до сихъ поръ сохранилась чугунная плита съ надписью о времени его кончины. Сынъ его, бывшій илецкій атаманъ, также скончался скоропостижно, въ 1876 г.

счастной для него исторіи съ христіанскимъ мальчикомъ, зарѣзаннымъ жидами, удалился въ Москву и жилъ въ крайней бѣдности.

М. Л. Кожевниковъ вступилъ въ управление Уральскимъ войскомъ какъ разъ въ то время, когда шли приготовленія къ походу Перовскаго въ Хиву. Между казаками давно уже шли разные толки объ этомъ походѣ. Народъ пріунылъ, и, нужно замѣтить, пріунылъ не оттого, что нужно было идти въ походъ, — къ походамъ казаку не привыкать, — а оттого, что среди уральскихъ казаковъ издавна существовало убѣжденіе, что „Хива — заклятая страна, и будетъ взята только въ послѣднее время, вмѣстѣ съ Іерусалимомъ и Царьградомъ“. Раскольники достали изъ своихъ сундуковъ засаленныя и крѣпко потертыя тетрадки, въ которыхъ отыскивали различныя пророчества о Царьградѣ, Хивѣ, антихристѣ и т. п., и читали ихъ неграмотнымъ казакамъ. Въ одной изъ такихъ тетрадокъ говорилось ⁽¹⁾: „антихристъ титинъ преисподней, и нарицаеть себѣ имя поеврейски *авадонъ*, поэллиски ⁽²⁾ *аполонъ*, а погречески *иопонъ-тарктъ*, а пороссийски антихристъ, возжгжетъ огнь неугасимый, пролѣть кровь яко воду, никакія силы его одолѣти не могутъ; только его угонятъ войско *казаки урядою брадатыя, съ крестами*, а Царьградъ будетъ взять тремя царями... и останется единъ царь, именемъ Константинъ... Книга Максима Грека: когда русскій народъ турковъ побѣдятъ, и Царьградомъ начнутъ владѣти, тогда антихристъ явится въ самое взятие Царьграда“.— Къ этому начетчики прибавляли, что „какъ завоюютъ Хиву, такъ кругомъ свѣта пойдутъ въ Іерусалимъ, гдѣ гробъ Господень, а изъ Іерусалима опять же кругомъ свѣта пойдутъ въ Царьградъ“.

⁽¹⁾ Тетрадь написана полууставомъ и безграмотно; здѣсь удерживается правописаніе подлинника.

⁽²⁾ Поэллийский?

градъ, и какъ Царьградъ возмутъ, такъ и миру—конецъ".—Особенный авторитетъ и популярность въ этомъ отношении пріобрѣль тогда раскольникъ—начетчикъ Тарасовъ.

Въ черновыхъ бумагахъ покойнаго быто-писателя уральскихъ казаковъ, И. И. Желѣзнова, намъ, между прочимъ, встрѣтился слѣдующій весьма любопытный разговоръ его съ однимъ изъ казаковъ, по случаю похода въ Хиву Перовскаго: „Лишь только разнеслась молва на счетъ хивинскаго похода, — говоритъ казакъ,—народъ гурьбой повалилъ къ Тарасову, желая узнать: будетъ-ли дѣйствительно походъ и чего нужно ждать отъ похода, если онъ состоится. Насчетъ того будетъ-ли походъ, Тарасовъ прямо говорилъ, что не знаетъ и знать этого не можетъ: не Святыи Духъ,—а насчетъ того, счастливъ-ли будетъ походъ, прямо такъ и рѣзалъ: „нѣтъ! не бывать успѣху!—Или пойдутъ, да не дойдутъ,—говорилъ онъ,—или дойдутъ да не воротятся, потому что время еще не приспѣло”. — „Послѣ, когда уже походъ формально обозначился, — продолжалъ рассказчикъ, — начальство, должно полагать, запретило Тарасову говорить, и онъ скрытничалъ: придетъ къ нему какая нибудь старушка, заливается слезами (зnamо, сына иль бо внука выноша⁽¹⁾ снаряжаетъ въ походъ) и спроситъ что и какъ Яковъ Михайловичъ, будетъ-ли удача?—А Тарасовъ только и скажетъ: „Молись, молись, касатушка! безъ воли Божией и волосъ съ головы не спадеть. Господь поможетъ—единъ побѣтъ тысячу, а тысяча побѣтъ тьму”. — Это ужъ онъ говорилъ такъ только, чтобы успокоить народъ, а потихоньку-то, межъ близкими людьми, прямо такъ и рѣзалъ, что не будетъ удачи”.

— „А кто такой былъ Яковъ Михайлычъ?” спросилъ собесѣдникъ рассказчика.

⁽¹⁾ „Выноша” вмѣсто „юноша” и до сихъ поръ весьма употребительно среди простыхъ казаковъ, равно какъ и у крестьянъ.

— „Какъ кто такой? — Неужто ты не зналъ его? — Хорошъ же гусь, нечего сказать“, — замѣтилъ казакъ не безъ ироніи.

— „Да вѣдь Якова Михайлыча Тарасова все общество наше знало, — да что общество, — ребятишки то градскіе, чай, всѣ знали его. Онъ жилъ въ Новоселкахъ и дѣлалъ удочки не хуже аглицкихъ; може статься, и ты, когда былъ мальчушкой, покупывалъ у него удочки-то, — припомни-ка?“

Собесѣдникъ отрицательно покачалъ головой. Старикъ разсказчикъ съ досадой махнулъ рукой, и потомъ заговорилъ: „вы всѣ таковы, — не въ обиду тебѣ будь сказано, — къ примѣру, какого нибудь балалаечника или скоморохника изъ нашего брата вы знаете, а такихъ людей, каковъ бытъ покойный *Яковъ Михайлычъ*, вы не знаете, — да вѣдь это, батюшка, *былъ столпъ старой вѣры!* это *былъ такой грамотный, такой начетчикъ, какихъ еще свытъ не видывалъ!* — Онъ, всѣ книги, сколько ихъ ни есть въ Рәсей, — дай ему Богъ царство небесное, — и рукописныя и печатованныя — всѣ отъ доски до доски прочель, и потому самому ни одинъ церковный священникъ, ни одинъ благочинный спорить съ нимъ не могли: всѣхъ ихъ Тарасовъ побѣжалъ, *всихъ*, значитъ, *сильные были* насчетъ божественнаго-то писанія и насчетъ всего, что касается до *креста, до симипросфорія, до аллилуїа* и и прочаго такого, — одно слово, покойникъ *Тарасовъ всю подноготную* зналъ. Вотъ отъ него-то я своими ушами слышалъ, что Хиву возьмутъ предъ кончной міра. Жаль, касатикъ, что Яковъ Михайлычъ умеръ (¹): онъ довелъ бы тебя насчетъ этой статьи до тонкости!“

— „Да Тарасовъ могъ и сболтать, наобумъ сказать!“ замѣтилъ собесѣдникъ.

(¹) Разговоръ происходилъ въ 1861 г., а Тарасовъ умеръ въ пятидесятыхъ годахъ.

— „Нѣть, касатикъ, не грѣши!“—сказалъ стариикъ съ жаромъ и видомъ недовольства,—„Тарасовъ не такой былъ человѣкъ, чтобы болтать и наобумъ говорить; онъ былъ человѣкъ испытанный: о чёмъ и когда онъ ни предсказывалъ, ничто, сударь мой, во лжѣ не оставалось. Къ примѣру: лѣтъ за десять до хивинскаго похода, была у нашего царя война съ туркомъ. Армія наша зашла въ Туретчину; вездѣ, на каждомъ, значитъ, шагу била и гнала турскую армию и подошла близехонько къ самому Царьграду. По газетамъ слышно было, что стоитъ наша армія отъ Царьграда близехонько, всего какихъ-нибудь въ 20 иль бо въ 40 верстахъ. Чиновники наши, что газеты читаютъ, бывало, говорятъ намъ, что, не нынѣ—завтра, армія наша вступить въ Царьградъ; а Тарасовъ, — царство ему небесное, — говорилъ, что этого быть не можетъ, что время еще не приспѣло: „наплюйте миѣ въ глаза, — говорилъ онъ, — что есть когда взять наши Царьградъ“.

— „Да вѣдь наши ужъ близко отъ Царьграда?“— говорятъ, бывало, ему казаки.

„Нужды нѣть, что близко, — отвѣтить онъ,—и ближе будуть, а всетаки не возьмуть; и подъ стѣнами постоять, а все-таки вернутся вспять“.

„Оно такъ и случилось,—замѣтилъ разскащикъ,— прошло сколько-то времени—слышимъ: замиренье съ туркомъ; армія наша вернулась домой, и Царьграда не видала. Иль бо вотъ что еще скажу насчетъ Царьграда же: передъ тѣмъ, какъ быть войнѣ подъ Севастополемъ, наши пошли за Дунай, въ Туретчину, значитъ,—и хлестко было пошли, правду сказать, везде били турка; всѣ думали, что туркамъ капутъ пришелъ, что Царьградъ будетъ за нами. А Тарасовъ,—царство ему небесное, — покачивалъ только головой да поговаривалъ: „время не приспѣло, время не приспѣло, братцы!“—Оно такъ и вышло: наши подошли только еще подъ Силистру, — „это важнѣющая крѣпость турецкая“, пояснилъ разскащикъ,—да, подошли,

говорю, наши только подъ Силистру, какъ слышимъ, за турка вступились французъ и англичанинъ да, не говоря худаго слова, вломились къ намъ въ Расею, то есть подъ Севастополь; турокъ-то и остался въ сторонѣ, и до сихъ поръ владѣеть Царьградомъ. Значить, правду сказалъ покойный Яковъ Михайлычъ, что-де время не приспѣло. Хоть не меня спроси, другихъ—и всякъ скажетъ, что Яковъ Михайлычъ зря, наобумъ, никогда не болталъ, — всякое его слово попадало въ точку. Вотъ хотѣ-бы насчетъ все той же Хивы: есть когда, по-твоему, Тарасовъ наобумъ говорилъ; то, разсуди на милость, съ чего жъ взяли сами хивинцы говорить тѣ же рѣчи, что для Хивы еще время не приспѣло, значитъ, и у нихъ въ книгахъ о томъ написано".

— „Когда жъ и кому объ этомъ говорили хивинцы“? спросилъ собесѣдникъ.

— „А вотъ когда“.—отвѣчалъ разсказчикъ—Когда Василій Алексѣевичъ Перовскій задумалъ идти на Хиву, то приказалъ всѣхъ хивинскихъ купцевъ, которые въ ту пору прибыли въ Оренбургъ съ караваномъ, задержать. Не помѣстно ли было въ Оренбургѣ, или почему другому,—не умѣю тебѣ сказать,—а также большую партію хивинцевъ пригнали къ намъ, въ Уральскъ; помѣстили ихъ въ солдатскихъ казармахъ и приставили къ нимъ караулъ изъ нашихъ казаковъ, словно будто бы къ пленникамъ. Хорошо!—Хивинцы сильно пріуныли,—и нельзя было не пріунуть: до кого не коснись, своя рубаха къ тѣлу ближе. Хорошо! Надзоръ за хивинцами былъ не такой, какой бываетъ за настоящими арестантами: не ковали ихъ, не запирали въ секретныя, пускали ихъ на базарь за покупками, и къ нимъ свободно допускали желающихъ, къ примѣру: татарь, киргизъ“.

„Такимъ манеромъ добыли они отъ своей братіи басурмановъ какую-то книгу и вычитали въ ней, что для Хивы время не приспѣло, — вычитали это,

сударь мой, и совершенно переродились: дотолева были унылы, печальны, неговорливы, а тут—повеселели, словно бы и не въ плѣну сидять,— откуда взялись рѣчи, пошли сказки, смѣхи,—одно слово, переродились хивинцы, будто и не въ плѣну, будто и не до нихъ касается. Дѣло, замѣть, было въ срединѣ зимы; Перовскій былъ уже съ отрядомъ далеко въ степи. Отъ Василья Алексѣевича часто приходили въ Уральскъ письма къ Матвѣю Львовичу (¹), нашему атаману,—что въ отрядѣ все обстоитъ-де благополучно, что отрядъ-де подвигается впередъ. Въ ту пору сложили у насть въ отрядѣ пѣсню и прислали списокъ съ нея въ Уральскъ. Въ пѣснѣ были такія слова:

Славно, братцы, пришло время—
Мы идемъ всѣ на Хиву!

Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу” (²).

(¹) Кожевниковъ. Нѣкоторыя изъ писемъ графа Перовскаго къ М. Л. Кожевникову напечатаны въ Ур. в. вѣд за 1869 г., № 17.

(²) «Черезъ Эмбу перейдемъ.
Ко Усть-Урту подойдемъ.
Тамъ мы спустимся подъ горы.
Гдѣ живутъ хивинцы воры.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны ни-почемъ.
Джигаги прокляты сбросимъ.
Скинемъ теплы сапоги;
Шапки теплы доносимъ.
Будемъ бравы молодцы.
Мы съ колоннами сойдемся.
Вину порцю запьемъ,—
Вину порцю запьемъ,
Закричимъ мы въ разъ «ура!»
Тутъ погибнетъ вся Хива.
Мы избавимъ изъ неволи
Своихъ братьевъ-земляковъ;
Расколотимъ въ иху долю
Всѣхъ хивинцевъ ц....въ!»

И прочее такое, все насчетъ того, что русскіе скоро - скоро зададутъ хивинцамъ перц-аз-ра. Хорошо! Родственникъ мой, урядникъ Чапуринъ все время находился въ караулѣ при хивинцахъ, покуда они содержались у насъ въ городѣ. Вотъ онъ-то, этотъ Чапуринъ, и пересказывалъ хивинцамъ, что слышно было изъ отряда, — знамо дѣло, говорилъ и про пѣсню, переводилъ слова ея хивинцамъ, — а они и въ усь не дуютъ, подсмѣиваются и подшучиваютъ. „Спору нѣть“, — говоритъ однажды старый хивинецъ Чапурину, — „русскіе люди храбрые, може, всѣхъ храбрѣ и войничѣе (воинственіе), особенно вы, джакк-урутсы⁽¹⁾; а нашеи Хивы все-таки не видать вамъ, какъ своихъ ушей: время еще не пристѣло. Хотя вашъ Перовскій и смѣло пошелъ на Хиву, — говоритъ хивинецъ, — однако не на добро: иль бо къ нашимъ въ руки попадетъ и одну чашу съ Бек(ов)ичемъ испѣть, иль бо испужается и съ подпуги вѣрнется назадъ“. — „Оно такъ и выпло, — замѣтилъ разскажикъ“. — „Хонца нашему брату и прискорбно было слышать такія рѣчи отъ хивинцевъ, а все-таки супротивъ этого ничего не подѣлаешь: что правда, то-правда! А всего важнѣе, сударь мой, та вещь, что хивинцы почитай слово-въ-слово говорили то же, что говорилъ и нашъ Яковъ Михайлычъ Тарасовъ; выходитъ, что *Хива страна подъ заклятыемъ*, — до поры-до-времени покорить ее никакимъ манеромъ нельзя“⁽²⁾.

Изъ этого разсказа старика-казака, который самъ былъ въ походѣ съ Перовскимъ, видно, какимъ громаднымъ авторитетомъ пользовался въ войскѣ Тарасовъ, какъ начетчикъ, мудрецъ и предсказатель. Понятно послѣ этого, какое впечатлѣніе должны были производить его слова на массу безграмотнаго и неразвитаго населенія, особенно на тѣхъ, которымъ при-

⁽¹⁾ Яицкіе, или уральскіе казаки.

⁽²⁾ Ур. в. арх., № 53, стр. 50—57. 8081 дд. в. ф. 1

шлось провожать въ походъ своихъ родныхъ и близкихъ сердцу людей. „Чудное дѣло“! говорилъ объ этомъ очевидецъ казакъ.—„Сколько на своемъ вѣку видалъ я проводовъ; сколько разъ и самому доводилось оставлять родимую сторону, а ужъ такихъ проводовъ съ роду не видывалъ: *стонъ, вой, плачъ, рыданье со всего сълта.* Какъ теперь смотрю, схватить иная женщина за шею сына, да такъ и замреть, хошь водой разливай. Да что объ этомъ говорить,—не диво, что мать обнимаетъ сына,—иная, словно въ чаду, отъ сына къ лошади кинется, обовьетъ ее руками вокругъ шеи да и повиснетъ,—висить да плачетъ;—одно слово разставаніе было горькое! *А все оттого, что подъ Хиву шли, а Хива подъ заклятымъ,*—это всѣ мы знали и чуяли, что походъ дешево не обойдется“ (¹).

14 ноября 1839 года уральцы, въ составѣ двухъ полковъ, выступили въ походъ изъ Калмыковской крѣпости, а графъ Перовскій съ своимъ отрядомъ изъ Оренбурга; оба отряда соединились у р. Темира. Походъ, какъ известно, не удался. Пройдя 650 верстъ отъ Оренбурга, Перовскій долженъ былъ вернуться назадъ: жестокая зима, бураны и непроходимая снѣга, завалившіе путь и все корма, лишили отрядъ всякой возможности идти дальше (²): „Безразсудно и грѣшно было бы мнѣ,—писалъ Перовскій атаману Кожевникову,—вести на вѣрную, бесполезную и безславную гибель людей, которые вѣрою и правдою послужатъ еще царю и отечеству“ (³).—Въ концѣ июня 1840 года, Перовскій въ своѣмъ письмѣ къ А. Я. Булгакову, между прочимъ, замѣчаетъ: „Я здѣсь (въ

(¹) Ур. в. арх., № 53, стр. 67 и 69.

(²) См. приказъ Перовскаго объ отступлении въ Р. арх. 1878 г., № 5, стр. 42. Интересны письма В. И. Даля объ этомъ походѣ напечатаны въ Р. арх. 1867 г. а его отчетъ о хивинской экспедиціи помѣщены, безъ его имени, въ Чт. Общ. Ист. и Др. за 1860 гг. I

(³) Ур. в. вѣд. 1869 г., № 17. что 88 № .хвз въ 47 (4)

Петергофъ) уже недѣлю, встрѣченъ и принимають какъ всегда, къ великому удивленію нѣкоторыхъ господь, которые, Богъ вѣсть почему, полагали, что я въ полнѣйшей опалѣ. Его Величество милостиво сказа-
лъ мнѣ, что несчастный исходъ возложенной на мене экспедиціи только утверждаетъ его въ убѣждѣніи, что онъ не ошибся, поручивъ его мнѣ, что мою твер-
достью и рѣшительности спасеніе отрядъ, гибель ко-
тораго была бы неминуема, въ случаѣ колебанія съ
моей стороны. Словомъ теперь, какъ и всегда, мнѣ
остается удивляться справедливости и здравому суж-
денію нашего Государя. До сихъ поръ, съ кѣмъ я
ни говорилъ, это единственный человѣкъ, который, не
бывши на мѣстѣ, судить о дѣлѣ, какъ будто онъ былъ
тамъ“⁽¹⁾.

Какъ бы то ни было, а Тарасовъ восторжествовалъ: несчастный исходъ хивинскаго похода еще болѣе укрѣ-
пилъ въ рукахъ казаковъ въ его необыкновенную начи-
танность и чистоту его жизни; голосъ его въ вопросахъ вѣры получилъ рѣшающее значеніе. Между тѣмъ,
Перовский, возвратившись изъ хивинской экспедиціи,
принялся за продолженіе начатаго имъ дѣла на Ура-
лѣ: онъ, по прѣжнему, преслѣдовалъ расколъ и рас-
кольниковъ, заботясь о построеніи церквей: въ 1841
году въ Уральскомъ войскѣ было построено еще че-
тыре церкви: Вознесенская въ Красномъ умѣтѣ, У-
спенская въ Январевскомъ форпостѣ, Знаменская въ
Кулагинской крѣпости и Покровская въ Сарайчиков-
скомъ форпостѣ. Въ 1842 г. скончался послѣдній попъ
Успенской раскольнической часовни Василій⁽²⁾. Вос-
пользовавшись этимъ случаемъ, Перовский настоялъ,
чтобы Успенская часовня была обращена въ едино-
вѣрческую церковь, существующую доселѣ на томъ

⁽¹⁾ Русскій архивъ 1878 г., № 5, стр. 45.

⁽²⁾ Тотъ самый, о которомъ было упомянуто въ 3 главѣ настоящаго очерка.

же мѣстѣ. Такимъ образомъ, благодаря энергіи и настойчивости графа Перовскаго и трудамъ наказныхъ атамановъ Покатилова и Кожевникова, въ Уральскомъ войскѣ было устроено, сверхъ прежнихъ семи храмовъ, еще одинадцать церквей: пять въ самомъ Уральскѣ, изъ нихъ двѣ православныя, и шесть по форпостамъ: двѣ по верхней линіи, — отъ Уральска къ Оренбургу, — и четыре по нижней дистанціи, — отъ Уральска къ Гурьеву. Въ 1842 году, графъ Перовскій былъ пожалованъ въ члены государственного совѣта, а на его мѣсто назначенъ генераль-лейтенантъ Обручевъ. Къ какимъ результатамъ привели крутая и рѣшительная мѣры Перовскаго, относительно уральского раскола, увидимъ дальше.

V. Результаты мѣръ графа Перовскаго, по отношенію къ уральскому расколу. — Некудышники и попы, по выбору общества. — Бударинскій попъ Я. М. Г—въ. — Новые переселенцы на Уралъ изъ внутренней Россіи. — Вторичное назначеніе въ Оренбургъ В. А. Перовскаго, его увольненіе и смерть. — А. А. Катенинъ и А. Д. Столыпинъ. — *Мѣры Столыпина къ ослабленію раскола въ войскахъ.* — Состояніе образованія въ войскѣ до Столыпина и при немъ. — Открытие духовнаго училища въ Уральскѣ. — Мастера и мастерицы и ихъ влияніе на массу. — Устройство новыхъ школъ. — Священникъ Савва Севрюгинъ и его записка о причинахъ упорства раскольниковъ. — Средства, предложенные имъ къ ослабленію раскола. — Осмотръ раскольническихъ скитовъ въ 1858 г. и составъ ихъ обитателей.

Смѣлыя и рѣшительные мѣры Перовскаго противъ раскола привели совершенно къ противоположнымъ результатамъ, чѣмъ онъ надѣлся и желалъ: Уральское войско не было еще приготовлено къ нововведеніямъ, о которыхъ заботился Перовскій. Правда, чиновники, какъ болѣе образованная часть войска, иногда и переходили изъ раскола въ единовѣріе; но простые казаки тѣмъ упорнѣе держались старины и

предразсудковъ, чѣмъ настойчище вынуждали ихъ къ обращенію въ православіе или единовѣріе. Между тѣмъ, въ офиціальныхъ отчетахъ того времени, ежегодно показывалось значительное число присоединившихся къ единовѣрію, наприм. въ 1842 г. ихъ значилось 5396 душъ обоего пола (¹); но жестоко ошибается тотъ, кто станетъ судить объ ослабленіи раскола въ Уральскомъ войскѣ по этимъ офиціальнымъ цифрамъ. Дѣло въ томъ, что частные начальники, чисто изъ корыстныхъ расчетовъ, нерѣдко приписывали подчиненныхъ имъ казаковъ,—не спрашивая даже о желаніи послѣднихъ,—къ какому-нибудь приходу, или просто выставляли въ отчѣтъ произвольную цифру; а иногда и сами казаки, въ избѣженіе преслѣдованій со стороны духовныхъ и гражданскихъ властей, записывались въ единовѣріе, чѣмъ и ограничивалось ихъ обращеніе. Въ 1842 г. число обратившихся особенно велико потому, что въ этомъ году, какъ намъ известно, Успенская раскольническая часовня была обращена въ единовѣрческую церковь, а этого было уже достаточно, чтобы составители отчетовъ сочли всѣхъ прихожанъ Успенской часовни обратившимися въ единовѣріе. Лучшимъ доказательствомъ этого служить то, что когда, съ переходомъ Перовскаго на службу въ Петербургъ, мѣры строгости противъ раскольниковъ уменьшились, числа обратившихся въ отчетахъ удивительно понизились: въ 1842 г. ихъ было 5396 душъ, въ 1844 — 2617; въ 1846 — 336; въ 1847 — не было обращенныхъ вовсе; 1848 г. — 30 чел., въ 1849 г. — 45 человѣкъ (²).

Сверхъ того, оказалось, что многіе изъ означенныхъ въ числѣ обратившихся, попрежнему, ходили въ молитвенные дома и старались воспользоваться всякимъ появлѣніемъ странствующихъ раскольничихъ

(¹) Рабининъ, ч. I, стр. 83.

(²) Тамъ же.

поповъ, чтобы у нихъ перекрещивать дѣтей и перевѣнчиваться самимъ. Въ Успенской часовнѣ ежегодно крестилось отъ 1360 до 1460 младенцевъ; съ преобразованіемъ же часовни въ церковь, число крестившихся не возрастало выше 270 младенцевъ въ годъ, а въ другихъ церквяхъ, во всѣхъ вмѣстѣ, оно не превышало 230, такъ что каждый годъ въ одномъ Уральскѣ оставалось не крещенныхъ младенцевъ 920 чел. Изъ сопоставленія этихъ цифръ, можно до нѣкоторой степени видѣть, сколь было пріятно для Успенскихъ прихожанъ обращеніе ихъ часовни въ церковь, штатъ которой окончательно былъ утвержденъ указомъ 23 августа 1846 года. Между тѣмъ въ это время произошло значительное оскудѣніе священства въ тогдашнемъ старообрядческомъ мірѣ, такъ что даже у московскихъ раскольниковъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, оставалось только три попа, съ лишеніемъ которыхъ поповцы боялись утратить и свою вѣру. Но и при нихъ „многіе раскольники лишены были душеспасительныхъ пищи, младенцы ихъ многіе не получали святаго миропомазанія, старые и молодые безъ исповѣди своихъ духовныхъ отцевъ и безъ причастія тѣла и крови Христовой помирали и погребались отъ своихъ, сущей братіи, безъ разрѣшенія молитвы, за что совѣсть повсечастно угрызала ихъ“⁽¹⁾. Это оскудѣніе поповъ коснулось и уральскихъ раскольниковъ.

До своего преобразованія въ церковь, Успенская часовня имѣла прихожанъ во всѣхъ концахъ войскової территории, такъ что служившіе при ней попы не могли успѣвать повсюду, чтобы удовлетворять религіознымъ нуждамъ „часовенскихъ“ прихожанъ. Всльдѣствіе этого, они самовольно благословляли кого-нибудь изъ стариковъ, который и долженъ былъ исполнять священническія обязанности въ мѣстахъ наи-

⁽¹⁾ Истор. очеркъ австр. священства, Монастырева, стр. 27.

болѣе отдаленныхъ отъ Уральска; такъ, напримѣръ, было сдѣлано въ холерное время 1830 и 1831 г. Когда Ученская часовня была обращена въ церковь, священники не стали принимать на себя никѣмъ неданной имъ власти благословлять другихъ, для совершения церковныхъ требъ въ войскѣ; тогда благословеніе, полученное отъ бывшихъ часовенскихъ поповъ, стало преемственно передаваться отъ одного старика къ другому. Съ теченiemъ времени нѣкоторые изъ бывшихъ часовенскихъ прихожанъ отдалились къ Никольской уральской церкви (¹), а другie обратились къ австрійской лжеіерархіи. Вслѣдствіе такого раздѣленія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за отсутствиемъ сколько-нибудь грамотныхъ стариковъ, преемство благословенія прекратилось, и сектанты, не желавшіе присоединиться ни къ Никольской церкви, ни къ австрійцамъ, остались безъ священниковъ и даже безъ благословѣнныхъ стариковъ; въ такомъ положеніи очутились, напримѣръ, жители Бударинскаго и сосѣднихъ съ нимъ форпостовъ. Сдѣлавшись, по мѣстному выражению, „некудышниками“ (²), не имѣя ни священника, ни благословленного старика, Бударинскіе сектанты чувствовали себя въ какомъ-то неловкомъ положеніи. Между ними начались сходки и споры, на которыхъ судили и толковали, что необходимо избрать и благословить всѣмъ обществомъ старика, хотя бы и малограмотнаго, который бы исполнялъ требы, а то „что мы за христіане!“ говорили казаки. Оказалось сдѣлано: выборъ общества палъ на старика Я. М. Г—ва. Этотъ казакъ, избранный въ „попы“, все время служилъ въ линейной стражѣ; обѣ его грамотности ничего не было извѣстно: никто

(¹) О возникновеніи этой церкви, основанной въ 1839 г., будетъ сказано дальше.

(²) Т. е. *некуда* не приналежаще: ни къ церкви, ни къ часовнѣ, ни австрійцамъ.

того не считалъ ни грамотнымъ, ни начетчикомъ. Не смотря на это, Г—въ принялъ предложеніе общества и ревностно принялся за свое дѣло: началь крестить, а исповѣдывать, пріобщать и брачить, не разсуждая о нѣдѣйствительности совершаемыхъ имъ якобы таинствъ. Довѣріе, оказанное обществомъ Г—ву, возъягимѣло свое дѣйствіе. Сдѣлавшись „попомъ“, по выбору общества, Г—въ не только измѣнилъ образъ своихъ мыслей, но и образъ самой жизни: онъ началъ подѣваться прилично своему новому положенію, а съ большой теплой шапкой не разставался даже и лѣтомъ, чѣмъ рѣзко отличался отъ своихъ пасомыхъ. Схоронивъ свою жену, онъ началъ проводить суровый образъ жизни: выкопалъ у себя на заднемъ дворѣ землянку, поселился въ ней одинъ и повелъ отшельнический образъ жизни. Сюда собирались на молитву его приверженцы, но землянка скоро оказалась тесной для собраний, и его стали приглашать въ дома. Вскорѣ Г—въ устроилъ нѣчто въ родѣ клира: двѣ жѣнщины изъ рода покойнаго начетчика Е. С. Ч—ва, нѣхорошо знавшаго грамоту, исполняли у Г—ва обязанности дьячковъ; они могли бѣгло читать и звучно пѣть, отъ большаго Г—въ отъ нихъ и не требовалъ. „Дьячки“-женщины всюду сопровождали своего „батюшку“ и пользовались отъ всѣхъ почетомъ иуваженіемъ: гдѣ только онъ появлялся съ своимъ „батюшкой“, тамъ имъ—и столь, и угощеніе, и деньги. Особенно Г—въ и его причть пользовались большею вѣностю, когда въ 1848 году Бударинскій и соседніе съ нимъ форпосты посѣтила холера. Г—въ въ это время почти не жилъ и дома: его постоянно водили изъ дома въ домъ, возили изъ форпоста въ форпостъ, изъ хутора въ хуторъ, при чемъ, разумѣется, труды „батюшки“ и его клирошанокъ щедро награждались. Иногда случалось, что Г—въ приходилъ къ больному въ то время, когда послѣдній находился уже въ предсмертной агоніи, но запоздалый Г—въ и тутъ полу-
чалъ должное за скитское покаяніе. Когда холера

усилилась, Г—въ, не успѣвая вездѣ, самъ избралъ и благословилъ другаго, подобнаго себѣ старика А. А. Н—на, жившаго въ Б—кѣ, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ для церковныхъ требъ. Съ этихъ поръ дѣла у Г—ва пошли гораздо успѣшие. При отпѣваніи умершихъ, Г—въ и его помощникъ Н—ть клали покойникамъ въ руки разрѣшительную молитву или „рукописаніе“, въ которомъ, вместо подписи отца духовнаго, обозначалось имя послѣдняго часовенскаго попа о. Василія, умершаго въ 1842 г.,—такимъ уваженiemъ пользовался суровый мордвинъ Василій и послѣ своей кончины!—Бракосочетаніе въ церкви, по мнѣнію Г—ва, было величайшимъ грѣхомъ, а потому вѣнчаныхъ въ церкви онъ принималъ въ число своихъ пасомыхъ не иначе, какъ прочитавъ надъ ними очистительную молитву и наложивъ на нихъ эпитимію, за что каждый разъ получалъ особую плату.

На первой недѣлѣ Великаго поста, прихожане Г—ва собирались въ какой-нибудь домъ и приглашали сюда своего „батюшку“; Г—въ, явившись въ собраніе, прочитывалъ всѣмъ скитское покаяніе и на всѣхъ налагалъ одинаковую эпитимію. Прослушавшіе это покаяніе и исполнившіе эпитимію считались совершившими христіанскій долгъ исповѣди.

Г—въ, впрочемъ, не ограничивался одними требоисправленіями; онъ старался подѣйствовать на своихъ приверженцевъ и краткими категорическими наставленіями, въ родѣ слѣдующихъ: „Умоляю васъ, братія мол. не лышайтесь крестомъ и не сообщайтесь съ церковными, великъ бо есть въ томъ грѣхъ Богу“ и т. п.

Сосѣдніе киргизы даютъ иногда казакамъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло, свои названія, нерѣдко удачно характеризующія ту личность, къ коей они относятся. Г—въ также скоро сдѣлался известенъ киргизамъ, входя съ ними въ разныя торговые предпріятія, и получилъ отъ нихъ название „утрюкъ мулла“, что значитъ—ложный попъ.

Благодаря своей прибыльной профессии и нравственному убожеству той среды, въ которой вращался, Г—въ благороденствовалъ вполнѣ и немудрено, если онъ скопилъ себѣ порядочные средства на черный день. Но прискорбнѣе всего то, что этотъ фактъ, по заявлению мѣстной газеты (¹), не единственный: „въ Уральскомъ войскѣ,—замѣчаетъ она,—и теперь найдется немало Г—выхъ, которые живутъ припѣвающи, на счетъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ своихъ собратій“.

Въ то время, какъ бударинскіе казаки избирали обществомъ стариковъ, для совершения церковныхъ требъ, изъ своей же среды; другое принимали къ себѣ разныхъ разстриженныхъ и бѣглыхъ поповъ, которые ихъ брачили, исповѣдывали, пріобщали и крестили ихъ дѣтей. Въ случаѣ недостатка такихъ бродягъ, они обращались въ Сергиевскій скитъ или же сами благословляли какого-либо старика, подобно Бударинскимъ сектантамъ. Преслѣдованіе такихъ поповъ и странствующихъ расколоучителей, со стороны властей, не достигали цѣли, потому что эти *гости* тщательно укрывались своими поклонниками, которыхъ всегда было достаточно въ войскѣ. Между тѣмъ богатый рыбью Уралъ не переставалъ манить къ себѣ жителей центральной Россіи; немало благопріятствовала переселеніемъ сюда и удивительная дешевизна въ то время жизненныхъ продуктовъ на Уралѣ: за 20 к. асс. здѣсь, въ пятидесятыхъ годахъ, можно было купить пудъ пшеничной муки; ф. мяса стоилъ отъ 2 до 3 к. асс., возь лучшыхъ арбузовъ—20 и 30 к., сотня кизяковъ (²)—20 к. асс. и т. п. Особенно много сюда шло изъ губерній Симбирской, Казанской, Нижегородской (³),

(¹) Ур. вѣд. 1873 г., № 49.

(²) Дрова, приготовляемы изъ навоза.

(³) Наиболѣе зажиточные купцы-иностранцы, проживающіе до сихъ поръ въ Уральскѣ, преимущественно нижегородцы, напр. братья Ванюшины.

Тульской, Рязанской и Саратовской. Такъ, въ нача-
лѣ пятидесятыхъ годовъ, сюда переселилось до десяти
семей изъ одной деревни Кочемы (¹), или Фельчако-
вова, георгиевскаго уѣзда рязанской губерніи. Старо-
вѣры-казаки принимали переселенцевъ съ полною ох-
тою; предлагали имъ помошь на первое обзаведеніе;
пріискивали для нихъ работу и, въ концѣ концовъ,
увлекали ихъ въ свою секту.

Генераль-лейтенантъ Обручевъ и преемникъ Ко-
жевникова наказный атаманъ уральского войска К.
К. Геке относились къ расколу довольно пассивно;
дорожа, можетъ быть, своею популярностью въ войскахъ,
или же, не чувствуя себя достаточно къ тому подготов-
ленными, они опасались затрагивать вопросы вѣры и
возбуждать въ казакахъ недовольство, которое, при
благопріятныхъ условіяхъ, могло перейти въ открытое
возмущеніе и причинить немало хлопотъ прави-
тельству.

Въ пятидесятомъ году въ Уральскѣ былъ освя-
щенъ вновь отстроенный соборъ, во имя св. Александра
Невскаго,—единственная до сихъ поръ православ-
ная церковь во всемъ Уральскомъ войсkeh, если не
считать Казанской военной, устроенной при казармахъ
и приписанной къ Александро-Невскому собору. Въ томъ
же году, намѣсто уволенного отъ должности военнаго
губернатора Обручева, назначенъ снова генераль-адъ-
ютантъ, генераль отъ инфanterии В. А. Перовский.
Еще въ 1837 г. Перовскій писалъ изъ Оренбурга къ
А. Я. Булгакову (²): „Мое мѣсто не такъ видно и
не такъ почетно, но оно даетъ мнѣ возможность до-
казать, что я могу быть полезенъ. Скажу больше:
на немъ я сдѣлялся необходимъ и въ настоящее вре-
мя трудно было бы замѣнить меня; такъ много нача-
то здѣсь дѣлъ, ключъ отъ которыхъ въ рукахъ у

(¹) Кочема въ 30 верстахъ отъ Гуслицъ.

(²) Русск. архивъ 1878 г., № 5, стр. 35.

одного меня. Словомъ, если я осужденъ пробыть здѣсь еще нѣсколько лѣтъ, то надѣюсь, послѣ меня сохраниится слѣдь, который вознаградитъ меня за осталую жизнь“.

По увольненіи Обручева, дѣйствительно не могли сдѣлать лучшаго выбора, назначивъ на его мѣсто В. А. Перовскаго, хорошо изучившаго Оренбургскій край, въ первое управление имъ. Но на этотъ разъ Перовскій, повидимому, отправился на прежнее мѣсто служенія нѣсколько съ иными взглядами на расколъ, получивъ, по выражению его друга, В. А. Жуковскаго „опытъ сердца“. Вотъ что, между прочимъ, писалъ ему этотъ другъ ⁽¹⁾ изъ Бадена, въ полѣ 1851 года: „это возвращеніе въ Оренбургъ, на прежній театръ дѣйствія, съ новымъ чувствомъ, съ новымъ взглядомъ свыше на земное, съ новыми понятіями о жизни, взятыми въ изъустномъ наставлѣніи смерти, это смиреніе христіанина и стремленіе исполнять волю Спасителя тамъ, где прежде дѣйствовало одно житейское честолюбіе—лучшей дороги ты избрать не могъ для произведенія въ дѣйствіе того, что тебѣ сказали тѣ святыя ночи ожиданія смерти, въ которыхъ изъ Евангелія говорилъ тебѣ твой Спаситель. Ты человѣкъ практическій; для размышленія тебѣ довольно одного Евангелія и, можетъ быть, еще немногихъ книгъ. Возьми съ собою своего Спасителя въ земную дѣятельность; пусть будетъ Онъ съ тобою на оренбургскомъ губернаторствѣ“ ⁽²⁾.

Неблагопріятные результаты, къ которымъ привели смѣлія и рѣшительныя мѣры противъ раскола, научили Перовскаго быть осторожнѣе и вѣротерпѣмѣе, по отношенію къ уральцамъ. Въ 1850 г. послѣдовалъ рядъ указовъ ⁽³⁾, которыми воспрещались въ

⁽¹⁾ В. А. Жуковскій.

⁽²⁾ Русск. архивъ 1878 г., № 3, 378.

⁽³⁾ 2 февр., 5 июня и 8 октября.

казачьихъ земляхъ розыски о незаконнорожденныхъ и опредѣлялся порядокъ зачислениія ихъ и сохраненія родовыхъ фамилій, при записи дѣтей въ станичныя книги. Но сводные браки пре следовались попрежнему: такъ уральские казаки Давыдовы и Бѣлугинъ были отданы Перовскимъ за такие браки подъ судъ. Впрочемъ внимание Перовскаго скоро было отвлечено отъ раскола военными событиями: Севастопольской войной и походомъ въ степь, который Перовскій совершилъ въ 1853 г. Памятникомъ этого похода, извѣстнаго подъ именемъ Ахмечетскаго, остался фортъ Перовскій. Въ нынѣшнее царствованіе Перовскій былъ по жалованью въ графы. Въ 1857 г. тяжкая болѣзнь заставила его покинуть службу, а 8 декабря того же года его не стало: онъ умеръ въ Алупкѣ, въ Крыму, и погребенъ въ приморской скаль Георгіевскаго монастыря.

Преемникомъ графа Перовскаго былъ генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ. Въ то же время наказнымъ атаманомъ Уральскаго войска былъ назначенъ полковникъ, а вслѣдствіи генераль-маиръ свиты Его Величества, Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ. Новый атаманъ далеко не походилъ на своего предшественника, К. К. Геке по своимъ отношеніямъ къ уральскимъ раскольникамъ.

Дѣятельность А. Д. Столыпина въ Уральскомъ войску вообще и, въ частности, въ исторіи раскола прошла небезследно. Занявъ място наказнаго атамана, онъ тотчасъ же обратилъ вниманіе на всѣ стороны быта уральцевъ и преимущественно на расколъ. Чтобы ознакомиться со взглядомъ Столыпина на уральскій расколъ и съ его мѣро пріятіями въ отношеніи раскола, перейдемъ къ изложению фактовъ, заимствованныхъ нами изъ офиціальныхъ бумагъ уральскаго войскового архива.

17 96, т. 1721 видятъ: «... это членъ архива»
это членъ архива та, 33 %. въ эж членъ архива^(*)

Въ 1858 году (¹) Столыпинъ доносилъ оренбургскому епископу Антонію: „Съ 1842 г. всего некрещеныхъ въ Уральскомъ войскѣ младенцевъ 13,800; за исключениемъ одной трети умершихъ дѣтей, оставалось некрещеныхъ 9200 чл. Прибавьте къ этой страшной цифрѣ то, что число рождающихся далеко больше теперь, чѣмъ до 1842 г. Спрашивается: можно ли вопросъ о расколѣ откладывать, когда ежегодно, ежедневно рождаются и умираютъ дѣти, не принятые въ иѣдра церкви?—И это происходитъ не въ одномъ уголкѣ Уральского войска, а въ цѣлой Россіи!—Ясно, что каждый день промедленія есть тяжкій грѣхъ на душѣ тѣхъ, которымъ Государь Императоръ поручилъ разборъ этого вопроса; *тяжкій грѣхъ на душѣ феологовъ-схоластиковъ*, которые буквѣ придаютъ болѣе важности, чѣмъ духу, *которые вливаютъ желчъ въ ученіе христіанское, въ ученіе любви*, и тѣмъ превращаютъ вопросъ о расколѣ въ вопросъ безъисходный, г҃ь государственную язву“ (²).

Въ то время какъ новорожденные оставались и умирали безъ крещенія, взрослые вступали въ незаконное сожительство. Такъ, казакъ Иртецкаго форпоста Федотъ Савинъ въ апрѣль 1857 года, безъ бракосочетанія, вступилъ въ непозволительное супружество съ дочерью казака Рубежнаго форпоста Федота Плотникова—Евдокіею (³), которая въ 1855 году такимъ же образомъ выходила въ замужество за казака Требушинскаго хутора, Григорія Сладкова, но, проживъ съ нимъ два года, развелась (⁴). Иногда такие противозаконные браки казаковъ совершались

(¹) Въ юлѣ мѣсяцѣ.

(²) Въ Ур. в. архивѣ.

(³) Рапортъ священника Январцевской Успенской церкви, Виссариона Голованичева, къ благочинному уральскихъ единовѣрческихъ церквей, протоіерею Саввѣ Назарову, отъ 13 октября 1857 г., за № 51.

(⁴) Рапортъ къ нему же за № 33, въ ноябрѣ 1855 года.

и виѣ войсковыхъ предѣловъ: такъ, казакъ Кирсановскаго форпоста, Федоръ Варѳоломеевъ Чистоблинниковъ, обвиенчался въ Казани съ Екатериной Михайловой. Виновные въ сводныхъ бракахъ были отданы подъ судъ, за исключениемъ тѣхъ изъ нихъ, кои находились на виѣшней службѣ; но ихъ также велено было предать суду, по окончаніи срока службы и по возвращеніи ихъ въ войско.

Страхъ отвѣтственности предъ судомъ, недостатокъ въ иныхъ мѣстностяхъ бѣглыхъ поповъ и вліяніе со стороны епархиальной власти заставили нѣкоторыхъ, вопреки ихъ желанію, венчаться въ единовѣрческихъ церквахъ. Напримѣръ, закоренѣлые Разсыпинскіе раскольники, не имѣя бѣглыхъ поповъ, рѣшились, по предложенію преосвященнаго Антонія, обвиенчать своихъ дѣтей въ уральской Успенской церкви, съ присоединеніемъ ихъ къ единовѣрью⁽¹⁾; примѣру ихъ послѣдовали и раскольники Бураннаго форпоста. Но скоро страхъ отвѣтственности предъ закономъ исчезъ, такъ какъ казаки Семенъ Бѣлугинъ, Иванъ и Семенъ Давыдовы, находившіеся подъ судомъ за сводные браки, были освобождены⁽²⁾. Между тѣмъ, Антоній, не зная объ этомъ, обратился къ Столыпину съ письмомъ, прося его оказать какое-либо содѣйствіе въ пресеченіи сводныхъ браковъ⁽³⁾. Столыпинъ отвѣчалъ, что онъ, къ сожалѣнію, не можетъ оказать въ этомъ дѣлѣ никакого содѣйствія, и ссылается на предписаніе генераль-аудиторіата, полученное имъ относительно дѣла о сводныхъ бракахъ казаковъ Давыдовыхъ и Бѣлугина. Въ заключеніе своего письма, Столыпинъ говоритьъ, что ему известны тѣ наставленія, которыя преосвященный Антоній далъ

⁽¹⁾ Письмо еп. Антонія къ Столыпину, отъ 10 янв. 1858 г., за № 70. Въ Ур. в. арх.

⁽²⁾ Впослѣдствія она были удалены изъ войска въ Богатинскій форпостъ, находящійся почти на самомъ берегу Каспійскаго моря.

⁽³⁾ Отнош. еп. Антонія, отъ 14 декабря 1857 г. Тамъ же.

protoiereю Назарову, касательно принятія изъ рас-
кола желающихъ вънчаться въ церкви; при этомъ Столыпинъ просилъ преосвященнаго, чтобы онъ уполномочилъ его частнымъ образомъ передать протоiereю Назарову, дабы послѣдній былъ снисходительне въ данномъ случаѣ. „Такъ какъ изъ решения вышепри-
веденныхъ казаковъ“, — замѣчаетъ атаманъ, — „всякій знаетъ, что въ сводномъ бракѣ онъ можетъ жить безнаказанно, а потому ни одинъ казакъ не пойдетъ вънчаться въ церковь, если его заставятъ исповѣды-
ваться и пріобщаться“⁽¹⁾. Преосвященный Антоній, какъ это видно изъ его отвѣтнаго письма къ атама-
ну, согласился съ его мнѣніемъ. Надо, впрочемъ за-
мѣтить, что Столыпинъ лично былъ весьма недово-
ленъ исходомъ дѣла о сводныхъ бракахъ, въ пользу подсудимыхъ, и свое недовольство высказалъ въ кон-
фиденціальномъ письмѣ къ оренбургскому генераль-
губернатору, А. А. Катенину. „Я получилъ отъ ва-
шего превосходительства, писалъ Столыпинъ, пред-
писаніе, по которому освобождаются казаки Давыдо-
вы и Бѣлугинъ, бывшіе подъ судомъ за сводные бра-
ки, и въ тотъ же самый день получилъ я уведомле-
ніе о новыхъ семи сводныхъ бракахъ. Вотъ фактъ,
который такъ краснорѣчивъ, что я считаю всякия
умствованія съ моей стороны излишними. На сло-
вахъ я высказалъ вашему превосходительству пра-
вила, которымъ я неизмѣнно слѣдоваль и буду слѣ-
довать въ теченіе всей службы моей; я говорилъ
вамъ, что, по моему убѣжденію, администрація ка-
кого бы то ни было края должна управляться од-
ной идеей; частные начальники въ администра-
ціи, если они не проникнуты этой общей идеей и
не дѣйствуютъ въ духѣ главнаго начальника, суть
люди вредные, даже и тогда, когда мысли ихъ пра-
вильны, но несовершенно сливаются съ главноуправ-

⁽¹⁾ Тамъ же. Письмо Столыпина къ Антонію, отъ 26 декабря 1857 г., № 41.

ляющей мыслию. Чтобы сдѣлалось съ машиной, еслиъ одно изъ колесъ ея повернулось въ противоположную сторону?—Потому: подъ чьимъ бы я начальствомъ ни служилъ, я постоянно буду, подобно колесу машины, следовать по данному мнѣ направлению; кто бы ни служилъ подъ моимъ начальствомъ, никому не позволено свернуться съ пути, указанного мною!

Бываютъ случаи, когда въ человѣкѣ долгъ службы и личная убѣжденія не сходятся; тогда добросовѣстный подчиненный долженъ просить начальника разъяснить ему главную мысль, которую, можетъ быть, онъ превратно понимаетъ,— одинъ изъ такихъ случаевъ представляется мнѣ нынѣ; потому прошу ваше превосходительство о назиданіи. Вмѣсть съ тѣмъ долгомъ считаю высказать и мои личные убѣжденія“.

Указавъ на то, что уральские казаки-раскольники не отличаются религіознымъ фанатизмомъ, Столыпинъ продолжаетъ: „покорство же начальству до сихъ поръ такъ сильно въ казакахъ, что, будучи почти всѣ раскольники, они вѣнчаются въ церквяхъ единственно потому, что это приказано: дѣло о сводныхъ бракахъ Бѣлугина и Давыдовыхъ было единственное, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ командованія войскомъ моего предмѣстника; только когда распространился слухъ, что Давыдовы будутъ освобождены, поступило второе дѣло о казакахъ Краснѣтовыхъ⁽¹⁾. Рождаются вопросы: могутъ ли мѣры, принятые противъ раскольниковъ фанатиковъ въ религіозномъ отношеніи, распространяться и быть такъ же снисходительными въ отношеніе политического раскола? — Нѣтъ! Противъ политического раскола въ военномъ и пограничномъ

(1) Сводныхъ браковъ было весьма много; но дѣло въ томъ, что нелегко было въ этомъ уличить виновныхъ. Столыпинъ, напримѣръ, не упоминаетъ о сводныхъ бракахъ казаковъ Савина, Сладкова и Чистоблинникова, о чёмъ было сказано вами выше.

народонаселенії, считающемъ своею отчизною не Россию, а Уральскую землю, надо принимать меры энергичныя. Можетъ ли начальникъ какого бы то ни было войска руководствоваться тѣми же правилами, какъ гражданскій начальникъ, управляющій населеніемъ, неподходящимъ подъ военную дисциплину, т. е. можетъ ли онъ прибѣгать къ увѣщаніямъ, рискуя, разумѣется, не быть послушаннымъ и этимъ дать почувствовать казаку, что онъ далеко свободнѣе солдата, потому что существуютъ у его начальника желанія, которыхъ не суть приказанія и которымъ разрешено не повиноваться? — Нѣть! Военный начальникъ долженъ запрещать или позволять; среднее, т. е. увѣщаніе, или—другими словами—изъявление желанія, на которое казакъ или солдатъ можетъ отвѣтить отказомъ, существовать для военнаго начальника не можетъ, безъ ущерба для дисциплины“.

Таковъ былъ взглядъ на дѣло отношенія къ уральскому расколу ближайшаго начальника казаковъ, ихъ наказнаго атамана Столыпина. Дальше мы увидимъ, насколько дѣло отвѣчало этимъ теоретическимъ соображеніямъ, а теперь обратимся снова къ небезынтересному письму Столыпина. „Отъ общихъ вопросовъ,— продолжаетъ онъ,— перехожу къ частнымъ, которые возраждаются, вслѣдствіе освобожденія безъ взысканія виновныхъ въ сводныхъ бракахъ казаковъ Давыдовыхъ и Бѣлугина. Это освобожденіе имѣло уже свои послѣдствія, какъ ваше превосходительство видите изъ первыхъ строкъ моего письма. Теперь сводные браки, или, чтобы вѣрнѣе сказать, прелюбодайныя связи будутъ совершаться каждый день. Долженъ ли я, подобно предмѣстнику моему, компрометировать власть свою, отдавая подъ судъ виновныхъ, чтобы они были прощены, и тѣмъ доказывать имъ, что я иду противъ желанія Государя моего, находя вину тамъ, где онъ ея не находить; долженъ ли я покровительствовать разврату, дозволяя его“?

„Въ тяжбахъ, которыя неминуемо возродятся для полученія наслѣдства, надо ли считать дѣтей отъ сводныхъ браковъ законными или незаконными (¹)?— Если считать ихъ законными, то какъ различать живущихъ въ сводныхъ бракахъ отъ живущихъ прелюбодѣйно? Смѣю увѣрить ваше превосходительство, что различія тутъ нѣть: казаки, которые говорятъ, что они вѣнчаны неизвѣстнымъ бѣглымъ попомъ—лгутъ; уральцы такъ мало религіозны, что не нуждаются въ благословеніи духовномъ, къ тому же *благие попы слишкомъ рѣдко заѣзжаютъ въ войско и дорого берутъ*. Если бы непремѣнно нужно было вѣнчаться у поша, то казакъ скорѣе пойдетъ къ единовѣрческому, потому что дешевле. Прочитывая письмо свое, я невольно сомнѣваюсь, что не довольно ясно передалъ нѣкоторыя свои мысли. Я говорилъ, что противъ уральского раскола необходимы мѣры энергической; но Боже меня упаси разумѣть подъ этимъ *религіозное гоненіе*!“

„Итакъ, рискуя утомить вниманіе вашего превосходительства, я принужденъ объясниться,— я долженъ опредѣлить точнѣе энергичныя мѣры, мною предложенные, не то я уподоблюсь моднымъ торгашамъ громкихъ, но пустыхъ рѣчей; уподоблюсь теперешнимъ умствователямъ, которые указываютъ на зло, не указывая на средства для искорененія его. Начать ли мнѣ съ того, что лучшее средство для искорененія раскола есть: *усиленіе народнаго образованія, устройство церквей, образование самихъ священниковъ?* Все это есть неопровергимая истина, есть конечно любимая мысль Государя Императора, пото-

(¹) Вопросы эти, какъ извѣстно, решены Государственнымъ Совѣтомъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 19 апрѣля 1874 г., и тогда же утверждены Высочайшею властю. См. «Правила о метрической записи браковъ, рождений и смерти раскольниковъ, инструкція чинамъ полицейскихъ управлений по этому предмету, разныя формы и циркуляры» Симбирскъ 1876 г. Составилъ Гребенчуковъ.

му въ маленькой сферѣ моей и я буду всѣми силами работать къ осуществленію оной; но все это еще въ будущемъ,—необходимы энергичныя мѣры въ настоящемъ. Оставлю, какъ уже я сказалъ, громкія рѣчи журналистамъ, буду говорить параграфами:

отр. § 1. Разъ уже прощеніе не могутъ быть наказаны; но если Государь Императоръ узнаетъ отъ вѣшаго превосходительства, что расколъ въ Уральскомъ войскѣ есть безвѣріе, а не фанатизмъ, и не можетъ сравняться съ расколомъ русскимъ, по вышеизложенными мною причинамъ, если онъ узнаетъ послѣдствія своего милосердія,—можетъ быть, почтеть онъ нужнымъ парализовать дѣйствіе прощенія, имъ дарованнаго. Парализовать оное можно слѣдующими указами: а) дѣти отъ сводныхъ браковъ рожденныя, какъ блудно прижитыя, считаются незаконными и не имѣютъ права на наслѣдство; б) впредь сродныхъ браковъ въ Уральскомъ войскѣ не признавать, потому не отдавать за оные подъ судъ, а считать ихъ блудодѣяніемъ, предоставивъ мѣстному начальству наказывать за оное военнодисциплинарными мѣрами.

§ 2. Уничтожить скиты въ Уральскомъ войскѣ, а на мѣсто оныхъ учредить единовѣрческие монастыри. Поручить мнѣ составить по сему предмету предположеніе, но пока не оглашать сей мѣры.

§ 3. Предложить секретно мѣстному духовенству не слѣдить строго за отпаденіями. Вѣнчать раскольниковъ какъ православныхъ, не принуждая предъ тѣмъ исповѣдываться и пріобщаться.

§ 4. На бумагѣ считать расколъ уничтоженнымъ въ войскѣ Уральскомъ, то есть нигдѣ официально не поминать о немъ. Правительство докажетъ этимъ свое пренебреженіе къ политическому значенію раскола.

Въ заключеніе скажу, что мѣры, предлагаемыя мною, разумѣется, не уничтожать раскола; но уменьшать политическое значеніе оного. Вѣнчанные въ церквиахъ, разумѣется, не будутъ всею душою при-

надлежать къ ней; но впослѣдніе разъ въ церковь, можетъ быть, пойдутъ и вторично, а благодать Божія сильна” (¹)!

Изъ этого письма А. Д. Столыпина видно, какъ онъ желалъ употребить мѣры къ ослабленію раскола въ политическомъ отношеніи, и какого онъ былъ взгляда на самый расколъ въ Уральскомъ войскѣ.

Главными и болѣе существенными мѣрами вообще къ ослабленію раскола, какъ мы видѣли, онъ считалъ: устройство церквей, образованіе духовенства и усиленіе народнаго образования въ войскѣ, о чемъ онъ постоянно и заботился во все время своего управлѣнія войскомъ. При немъ были построены церкви въ форпостахъ: Кушумскомъ (хуторѣ), Горячинскомъ, Бударинскомъ и Сламихинскомъ (хуторѣ), Ильинская церковь — въ Илецкомъ городкѣ и Никольская — въ Уральскѣ, какъ увидимъ это далѣше. Прежде дѣти уральского духовенства воспитывались въ уфимской семинаріи; но отдаленность отъ Уральска уфимской семинаріи (²), незначительное количество и мизерность войсковыхъ стипендій были причиною того, что въ Уфимскую семинарію поступало крайне ограниченное число войсковыхъ воспитанниковъ, такъ что за все время существованія Уфимской семинаріи до 1859 года изъ нея вышло только десять человѣкъ изъ дѣтей уральского духовенства, которые кончили полный семинарскій курсъ, но и тѣ не всѣ поступили въ духовное званіе. Чтобы облегчить доступъ къ образованію дѣтямъ священно-церковно-служителей и вообще поднять уровень образования въ войсковомъ духовенствѣ, Столыпинъ исходатайствовалъ позволеніе на открытие церковныхъ классовъ въ Ильинской и Никольской церквяхъ въ Уральске.

(¹) Въ Ур. в. арх. Дѣло о построеніи церквей Никольской — въ Уральскѣ и Ильинской въ Илецкомъ городкѣ. Письмо отъ 26 декабря 1857 г. № 40.

(²) Уральскъ отъ Уфы отстоитъ на 600 слишкомъ верстъ.

крытие духовного четырехклассного училища въ самомъ Уральскѣ, которое и было имъ открыто въ 1859 году. До 1863 г. оно существовало на средства, отпускаемые изъ войскового капитала, а въ 1863 году было окончательно утверждено святейшимъ Синодомъ съ тѣмъ, чтобы на содержаніе его расходовалось 1478 р., и до тѣхъ поръ, покуда этотъ расходъ не будетъ покрываться остатками отъ свѣтской суммы войсковыхъ церквей, опредѣлено отпускать въ счетъ ассигнованной суммы 500 р. изъ войскового капитала; кромѣ того, сиротамъ и бѣднымъ воспитанникамъ велѣно производить бурсачныя деньги по 28 р. 26 коп. въ годъ—каждому⁽¹⁾. Съ учрежденіемъ въ Уральскѣ духовного училища и съ открытиемъ въ Самарѣ духовной семинарии, дѣтямъ войскового духовенства представлялась полная возможность получить первоначальное духовное образованіе въ своемъ родномъ городѣ, проживая у родителей или родственниковъ и знакомыхъ; за семинарскимъ образованіемъ также не нужно былоѣхать въ Уфу, за шесть сотъ слишкомъ верстъ, а всего за 280, въ соседній городъ Самару, имѣвший и имѣющей постоянныя торговыя сношения съ Уральскомъ.

Въ первое время смотрителемъ училища былъ назначенъ протоиерей православнаго Александро-Невскаго собора А. П. Добровидовъ, который преподавалъ церковное пѣніе, по напѣву православныхъ церквей; но потомъ мѣсто это занялъ священникъ единовѣрческой церкви Николай Назаровъ, который ввелъ, вместо православнаго, единовѣрческое пѣніе, и самое училище было названо „единовѣрческимъ“⁽²⁾. Открывая это училище, Столыпинъ, безъ сомнѣнія, надѣялся, что оно всегда будетъ имѣть достаточное количество учащихся, изъ коихъ значительная часть постарается получить семинарское образованіе и, такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ устраниется

⁽¹⁾ Уральск. вѣд. 1870 г., № 29, стр. 2.

⁽²⁾ Это послѣднее название оно удержано и до сихъ поръ.

недостатокъ священно-служителей, специально подготовленныхъ къ своему званію; но училище, къ сожалѣнію, не оправдало впослѣдствіи надеждъ Столыпина (¹), что, впрочемъ, зависѣло уже не отъ него.

Что касается народнаго образованія въ Уральскомъ войскѣ, то оно до этого времени почти исключительно находилось въ рукахъ „мастеровъ“ и „мастерицъ“, состоявшихъ изъ отставныхъ казаковъ-чиновниковъ и старыхъ вдовъ и дѣвицъ, коихъ по ихъ выражению, „Господь сподобилъ грамоты“. Курсъ образованія у этихъ педагоговъ состоялъ въ изученіи азбуки, складовъ, часослова, псалтири и „кануновъ“. Отъ учащагося требовалось, чтобы онъ могъ бѣгло читать только тѣ книги, которыя изучалъ, и ему не ставилось въ вину, если онъ не могъ прочитать ни одной страницы изъ Евангелія на славянскомъ или русскомъ языкахъ. Плата за обученіе взималась не погодно и не помѣсячно, а по предметамъ, напр., за обученіе чтенію часослова 12 р., за псалтирь 50 р. асс. (²) и т. п.

Посѣтителю такой „мастерской“ представлялась слѣдующая картина: десятка два мальчиковъ и дѣвочекъ читали всѣ вслухъ и нѣсколько на распѣвъ свои уроки: въ одномъ углу твердили азбуку; въ другомъ—гнусливо напѣвали какой-либо „канунъ“; изъ третьего угла слышалось: „Богородице, обрадованная Марія“; изъ четвертаго; „и въ вѣки вѣкѣмъ“.—Учащіеся по временамъ украдкой взглядывали то на мастерницу, то на висѣвшую на стѣнѣ „двуихвостку“ (³), которая

(¹) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 29. По случаю открытия въ 1870 году Уральской войсковой гимназіи, местная газета старалась провести мысль о безполезности уральского духовнаго училища и о необходимости закрыть его; но получила за это предостереженіе—и училище существовало до сихъ поръ.

(²) Уральск. в. вѣд. 1868 г. № 6.

(³) Широкій ремень, разрѣзанный на концѣ на двое и навязанный на черепокъ.

была единственнымъ педагогическимъ средствомъ къ усилению вниманія и прилежанія въ учащихся.

А. Д. Столыпинъ, смотрѣвшій на образованіе какъ на одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ ослабленію раскола, не могъ не обратить вниманія на такое ненормальное положеніе народнаго образованія въ Уральскомъ войскѣ. Кромѣ того, мастера и мастерицы всегда были блестителями старыхъ обрядовъ и обычаевъ; забивая головы учащихся, они много содѣйствовали религіозной изолированности казаковъ, и способствовали поддержанію нравственного застоя ихъ даже въ то время, когда были предпринимаемы противъ такого односторонняго направленія мѣры со стороны высшаго воинскаго начальства. Само собою понятно, что оставлять дѣло народнаго образованія въ такомъ видѣ было невозможно,—нужны были школы, на устройство которыхъ Столыпинъ и обратилъ вниманіе. Впрочемъ, на первое время, въ виду недостатка учителей для народнаго образованія, атаманъ Столыпинъ обратился къ тѣмъ же мастерамъ и мастерицамъ, устроивъ только надъ ихъ обученіемъ контроль. Съ этою цѣллю учреждено было имъ особое общество грамотности, состоявшее изъ подполковниковъ Чурѣева, Обратнова, воинскаго старшины Петра Бородина, ротмистра Мизинова и нѣсколькихъ торговыхъ казаковъ. Это общество, открытое 5 марта 1859 года, должно было слѣдить за дѣломъ обученія мастеровъ и мастерицъ и имѣть особый запасный капиталъ, для поощренія лучшихъ изъ нихъ и для удовлетворенія различныхъ нуждъ въ дѣлѣ обученія. Учрежденіе и открытие этого общества было встрѣчено многими весьма сочувственно. Въ самый день его открытия, учителя уральского воинскаго училища, состоявшіе изъ казачьихъ офицеровъ, пожертвовали въ распоряженіе общества 5% изъ своего годового жалованья, что составило 100 р., хотя жалованье ихъ не превышало 285 р. въ годъ, а нѣкоторые получали

не болѣе 55 р., т. е. менѣе пяти рублей въ мѣсяцъ⁽¹⁾). Поставивъ такимъ образомъ дѣло мастеровъ и мастерицъ, Столыпинъ продолжалъ заботиться о пріисканіи народныхъ учителей и открывалъ школы. До 1857 г. во всемъ войскѣ было только одно училище въ Уральскѣ⁽²⁾ съ 75 мальчиками, а чрезъ два года явилось уже 32 школы, въ которыхъ было до 800 учащихся, въ томъ числѣ 65 девоочекъ въ трехъ женскихъ школахъ. Эти школы находились въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Уральскѣ 6, въ Илецкомъ городкѣ 2, въ Гурьевѣ 2, въ Сакмарскѣ 1 и еще въ 21 форпостѣ, по одной школѣ въ каждомъ⁽³⁾). Къ сожалѣнію, школы, открытые Столыпинымъ, плохо и тугу прививались къ своей почвѣ: „въ эту кашу“,—по выражению одного уральца,—„не доставало масла: денегъ и расположения казаковъ учить дѣтей своихъ“.—На постройку зданій для школъ особаго капитала не было отпущенено, а потому пришлось прибѣгать къ пожертвованіямъ, когда же ихъ оказывалось недостаточно, то постройка возлагалась на самихъ жителей. При открытии школъ также упущено было изъ виду другое важное условіе ихъ существованія: на жалованье учителямъ и на поддержку школъ не было ассигновано какой-либо опредѣленной суммы. Слѣдствіемъ этого было то, что школы, почти вслѣдъ за своимъ открытиемъ, стали приходить въ упадокъ. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ явилась необходимость закрыть нѣсколько школъ за неимѣніемъ въ нихъ учениковъ и учителей, оставльные же поддерживались понудительными мѣрами⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ См. журналъ: «Воспитаніе» за 1859 г., стр. 81. Слич. тамъ же стр. 340.

⁽²⁾ Преобразованное въ 1870 г. въ классическую гимназію.

⁽³⁾ Тамъ же. Мѣры новаго начальства Ур. каз. войска къ народному образованію. М. Курпилина.

⁽⁴⁾ Докладъ Зап. исправл. д. нач. атамана самарскому и оренб. генераль-губернатору, под. 12 янв. 1863 г. № 171. Слич. Рабининъ, ч. I, стр. 91.

Считая, на ряду съ школою, устройство церквей, образование народа и развитие войскового духовенства радикальными мѣрами къ ослабленію раскола, Столыпинъ сознавалъ, что на все это требовалось время и средства, а между тѣмъ, въ виду раскольнической пропаганды, необходимы были неотложная и энергичная мѣры, которыми онъ считалъ: 1) признаніе дѣтей, рожденныхъ отъ съединившихся, незаконными; 2) уничтоженіе въ войскахъ раскольническихъ екивовъ, съ замѣною ихъ единовѣрческими монастырями; 3) бракосочетаніе раскольниковъ, изъявившихъ желаніе вѣнчаться въ церквяхъ, безъ принужденія ихъ къ исповѣди и причастію; и 4) уничтоженіе раскола на бумагѣ, при офиціальной перепискѣ. Всѣ эти мѣры, какъ мы видѣли, были изложены имъ, въ видѣ четырехъ параграфовъ, въ письмѣ къ А. А. Катенину, который, раздѣляя мнѣніе атамана, вошелъ по этому дѣлу въ сношеніе съ военнымъ министромъ.

Между тѣмъ Столыпинъ, продолжая изучать расколъ, въ январѣ 1858 г., обратился къ священнику Успенской уральской церкви Савве Севрюгину (¹), прося его разъяснить, въ чёмъ именно заключаются главные причины упорства раскольниковъ противъ присоединенія ихъ къ православной церкви. О. Савва, послѣ неоднократныхъ бесѣдъ и совѣщаній съ раскольниками, сообщилъ Столыпину, что *главная причина упорства раскольниковъ заключается въ „тяжкословныхъ порицательствахъ на двуперстное сложеніе“*, содержащихся въ новопечатныхъ книгахъ. Эти „тяж-

(¹) Савва Севрюгинъ сначала былъ богатый торговый казакъ, раскольникъ и начетчикъ; потому перешелъ въ Успенскую церковь, и въ началѣ 50-хъ годовъ прямо изъ казаковъ былъ рукоположенъ въ Уфѣ въ священника къ Успенской церкви. Будучи священникомъ, о. Савва былъ ревнителемъ церкви.—постоянныя собесѣданія съ раскольниками были его всегдашимъ искреннимъ желаніемъ; и не безъ усилия подвизался онъ въ борбѣ съ расколомъ: за обращеніе многихъ изъ раскольниковъ къ Церкви онъ получила скуфью и орденъ св. Анны 3 степени.

кословныя порицательства на двуперстное сложение“, по замѣчанію о. Саввы, потрясаютъ не малую часть Россіи, способствуя не ослабленію, а усиленію и расширенію раскола. „Коноводы раскола,—говорить о. Савва,—нарочито покупаютъ книги съ этими „порицательствами“ для указанія простодушнымъ чадамъ Церкви, и для совращенія воспитанныхъ со млекомъ матери въ двуперстномъ сложеніи въ расколъ. Эти порицательства и клятвы на обряды дали раскольникамъ поводъ къ большему ожесточенію. Если ученѣйшіе церковные проповѣдники,—продолжаетъ о. Савва,—такъ жестоки на обряды, то невѣжды послѣ этого за свои обряды готовы на всѣ дерзости,—они ни книгамъ, ни лицамъ Церкви великороссійской никакого довѣрія не даютъ. При этомъ они указываютъ, что и до сихъ поръ печатается въ псалтиряхъ, что Церковь не избавляетъ клятвъ своихъ сыновъ православныхъ; но, взирая на множество тысячи питомцевъ ея, знаменующихся въ два персты, всѣхъ предаетъ проклятию. Хотя Церковь, по снисходженію, и разрешила единовѣрцевъ отъ клятвъ, опредѣленныхъ соборомъ 1667 г., но все-таки двуперстное сложеніе тяжкословныхъ порицательствъ не избавляется. Единовѣрческимъ священникамъ явственно не дается въ дѣйствіяхъ тайнѣ той прямой благодатной силы, какъ православнымъ священникамъ; ибо воспрещается имъ исповѣдывать и пріобщать Христовыхъ таинъ православнаго, кроме смертной нужды, гдѣ нѣть православнаго священника. Обряды не должны нарушать существа вѣры; св. апостоль Павель сказалъ: „Уразумѣю не слово разгордившихся, но силу. Не въ словеси бо частво Божie, но въ силѣ“ (1 Кор. 4, 19). Чего важнѣе,—говорить о. Савва,—у самихъ проповѣдниковъ и столповъ церкви въ совершеніи страшныхъ Христовыхъ таинствъ, егда въ благословеніи освящается хлѣбъ въ тѣло, а вино въ кровь, явились разнорѣчіе: св. Василій Великій совершеннымъ глаголомъ освящать вѣль: „хлѣбъ сей самое тѣло Господа нашего Іисуса Хри-

ста" и проч., а св. Іоаннъ Златоустъ—несовершен-
нымъ глаголомъ: „*сотори убо хлібъ сей честное тѣло Христа Твоего*“ и проч. Глаголы показуютъ раз-
ность, а въ призываніи сила едина; слѣдовательно,
разнословіе ни мало не вредить силѣ, кольми паче
цальцы”—замѣчаетъ о. Савва.—„Моника вопроси св.
Амвросія Медіоланскаго о постѣ субботнемъ, да нау-
чить хранити обычай церквей, въ нихъ же живеть; Амвросій отвѣчаль: „въ Римѣ поститесь, якоже пост-
тятся въ Римѣ, а въ Медіоланѣ, якоже тамо постят-
ся, ибо сице вая отмѣна въ таковыхъ вещахъ не раз-
дѣляется“.—Вотъ самое драгоцѣнное слово къ миро-
любію! Но да не дерзнетъ мое недостоинство на тво-
реніе проповѣдниковъ вѣры и да не будетъ онымъ
въ досадѣ, ибо они, можетъ быть, въ свое время пола-
гали строгость паче синехожденія, якоже св. апостолъ
Павель палицу употребилъ и сатанѣ предалъ тѣхъ
въ измѣженіе плоти, а индѣ весьма миловалъ: со іуде-
иудеи іудействовалъ, съ немощными былъ немощень, да
іудеи и немощныя пріобрѣщетъ: „*всѧкъ быхъ вся, да*
всѧко никія спасу“ (1 Кор. 9, 22).—Строгость безъ
времени не приноситъ пользы ближнему, а ведетъ къ
погибели. Тяжкословныя порицательства даютъ лег-
кое средство раскольнику обличать нась, а для про-
стодушныхъ составляютъ величайшій соблазнъ,—и
каковъ можетъ быть успѣхъ, при такихъ порицатель-
ствахъ, къ обращенію изъ раскола?—Необходимо
уничтожить всѣ эти „*тяжкословныя порицательства*“,
дабы они не служили опорою упорства раскольни-
ковъ; тогда будетъ легко возводить ихъ къ познанію
истини, и мы тогда возъимѣемъ благую надежду,
что наши труды не будутъ тщетны, якоже нынѣ.
Необходимо также, чтобы цензурные духовные коми-
теты не пропускали ни одной книги, безъ точныхъ
основаній и соображеній правоты и истины; чтобы
книги отнюдь не клонились къ укоризнѣ св. Церкви,
ибо раскольники ничего не относятъ къ сочинителямъ
и цензорамъ, а прямо къ Церкви. Тогда книги новѣй-

шихъ изданій, съ кратостю взывающія къ раскольникамъ, примутъ должное дѣйствіе⁴ (¹).

Получивъ эту записку о. Саввы, Столыпинъ прет-
проводилъ ее, при особомъ письмѣ, къ оберъ-прокурору
святѣшаго Сунода, А. П. Толстому, который довелъ
о томъ до свѣдѣнія Государя Императора и москов-
скаго митрополита Филарета (²); послѣдній пожелалъ
прочитать самую записку о. Саввы и возвратилъ ее
съ своими замѣчаніями (³).—При помощи того же о.
Саввы, пользовавшагося большимъ довѣріемъ казаковъ,
Столыпинъ узналъ, что главными пропагандистами
раскола въ войскѣ были иногородные торговцы: Симаковъ (⁴) и Мальцевъ, снимавшій участки въ башкир-
скомъ отдѣленіи; а между уральцами самыми вредны-
ми, въ возбужденіи неповиновенія начальству, были
казаки Краснѣтова, отданые подъ судъ за сводные
бреки; у Краснѣтова былъ и главный притонъ бѣг-
лыхъ поповъ. При помощи о. Саввы и содѣйствіи сво-
ихъ агентовъ, Столыпинъ также узналъ, что всѣхъ
раскольниковъ въ войскѣ было 53,500 обоего пола,
въ томъ числѣ 26,000 м. пола и 27,500 женскаго.

Эта страшная цифра озадачила Столыпина не на
шутку; разсчитывая на опытность о. Саввы, онъ по-
просилъ его изложить свои соображенія, относитель-
но ослабленія раскола въ Уральскомъ войскѣ, что
почтенный пастырь и не замедлилъ исполнить.

Отецъ Савва (Севрюгинъ) предложилъ съ своей
стороны слѣдующія мѣры къ ослабленію раскола въ
Уральскомъ войскѣ: 1) воспретить отправление цер-
ковныхъ службъ въ раскольническихъ домахъ и мо-

(¹) Въ Ур. в. архивѣ. Дѣло, начатое 14 декабря 1837 г.

(²) См. тамъ же письмо оберъ-прокурора къ Столыпину, отъ 6 но-
ября 1838 г.

(³) Къ сожалѣнію, этихъ замѣчаній въ дѣлѣ, которымъ мы пользо-
вались, нетъ.

(⁴) Симаковъ принадлежалъ прежде къ Церкви.

лельняхъ: „не будь оныхъ, — замѣчаетъ о. Савва, — безъ прибѣжища въ праздничные дни у нѣкоторыхъ весьма бы чувства могли пробудиться на испытание и стоны“. Указывая на раскольнические скиты, какъ главный притонъ старообрядцевъ, о. Савва замѣчаетъ, что скитскіе монахи и монахини, помимо отправленія богослуженія въ своихъ молельняхъ, усиливаютъ расколъ и тѣмъ, что разсылаютъ по мѣрскимъ домамъ грамотныхъ лицъ, для отправленія богослуженія на дому, а потому 2) онъ предлагаетъ уничтожить всѣ раскольнически скиты, тѣмъ болѣе, что „миряне отъ монаховъ и монахинь, всяко слово приемлютъ за основаніе и, безъ всякой повѣрки, имъ слѣдуютъ, а скитскіе обитатели употребляютъ всѣ мѣры, чтобы внушить нерасположеніе къ св. Церкви, для мшеноимнаго прибытка на свои прихотныя роскоши“. 3) О. Савва находитъ нужнымъ воспретить старикамъ-монахамъ и монахинямъ напутствованіе предъ смертю сыновъ Церкви: „дойдено нами, даже всѣмъ известно, что иногда слабый всячески требуетъ священника для напутствованія; но къ нему приводятъ раскольника, и больной по необходимости соглашается принять напутствіе отъ явившагося грамотника“. При этомъ о. Савва сообщаетъ, что новорожденныхъ младенцевъ нерѣдко крестятъ бабки или сами старики въ домахъ, по настоянію самихъ родильницъ, хотя мужья послѣднихъ и желали бы, чтобы дѣти ихъ были крещены въ Церкви. Изъ этого, между прочимъ, видно, сколь сильно влияніе женщинъ въ Уральскомъ войскѣ на своихъ мужей, въ религіозномъ отношеніи. — „Чиновники и казаки, бывающіе на вѣнчаній службѣ,—говоритъ о. Савва,—почти всѣ присоединяются тамъ къ Церкви и исполняютъ обязанность христіанина; но какъ только возвращаются сюда, по настоянію родственниковъ или женъ своихъ, опять переходятъ въ расколъ, тѣмъ болѣе, что правительство не преслѣдуетъ ихъ за уклоненіе отъ христіанскихъ обязанностей“. — Указывая на это явленіе въ Уральскомъ

войскъ, о. Савва выражаетъ желаніе того, чтобы 4) было обращено на это уклоненіе отъ Церкви служащихъ казаковъ должное вниманіе гражданской власти. 5) Брачущихся изъ раскола въ Церкви, по мнѣнію о. Саввы, слѣдуетъ обязать подписками, чтобы они своихъ дѣтей крестили въ Церкви и, когда они подростутъ, не совращали ихъ въ расколь. „Исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ,—замѣчаетъ о. Савва,—должно зависѣть отъ власти гражданской, ибо священство въ этомъ отношеніи ничего сдѣлать не въ состояніи; но единовѣрческому духовенству необходимо по этому предмету строго подтвердить, чтобы оно не дѣлало никакого потворства раскольникамъ, а заботилось о благосостояніи св. Церкви“. 6) Въ заключеніе всего, о. Савва считаетъ полезнымъ *устроить публичные диспуты раскольниковъ съ православными*; но на эти диспуты должны быть допускаемы только люди знающіе, начитанные и благоразумные какъ съ той, такъ и съ другой стороны; православные должны опираться въ своихъ опроверженіяхъ и возраженіяхъ на старопечатныя книги, такъ какъ новопечатнымъ книгамъ раскольники не вѣрятъ. Придавая важное значеніе такимъ диспутамъ, о. Савва замѣчаетъ, что это средство ободоострое; что плохіе диспутанты и оппоненты, вместо пользы, могутъ принести только вредъ: „если,—говорить онъ,—православные лица не докажутъ раскольникамъ на всѣ ихъ вопросы, тогда они только болѣе восторжествуютъ, нежели убѣдятся“⁽¹⁾. Атаманъ Столыпинъ, получивъ донесеніе о. Саввы, обратилъ особенное вниманіе на второй пунктъ, предлагавшій уничтоженіе раскольничихъ скитовъ, о чемъ раньше онъ думалъ и самъ⁽²⁾. 30 мая того же года, онъ далъ особое предписаніе на имя чиновника

⁽¹⁾ См. донесеніе о. Саввы Столыпину, отъ 18 марта 1858 г., въ архивѣ атаманской канцелярии.

⁽²⁾ См. § 2 его донесенія А. А. Катенину, отъ 26 декабря 1857 г.

особыхъ порученій, подполковника К. О. Бизянова, который долженъ быть отправиться въ мужскіе и женскіе скиты, находившіеся въ предѣлахъ Уральского войска; Бизяновъ долженъ быть осмотрѣть эти скиты, записать имена всѣхъ старцевъ и старицъ, коимъ дозволено было доживать свои годы въ скитахъ; прочихъ же обитателей скитовъ, особенно иногородныхъ, желательно возвратить на прежнія мѣста ихъ жительства, а комиссарамъ—подтвердить, что „если кто-либо на будущее время, противъ описи, окажется на жительствѣ въ скитахъ; то за это они строго будутъ отвѣтить, а самые скиты въ такомъ случаѣ будутъ уничтожены“.

Бизяновъ, получивъ это предписаніе, тотчасъ же отправился въ скиты: Сергіевскій, Гниловскій и другіе, а 15 июня того же года рапортовалъ⁽¹⁾ Столыпину: „по порученію вашаго высокоблагородія, я осматривалъ мужскіе и женскіе скиты, и нашелъ:

1) „Близъ Бородинскаго форпоста, въ женскомъ скиту, живутъ старицы, числомъ 14. Всѣ онѣ казачьяго сословія (войска Уральскаго и Илецкой станицы), кромѣ двухъ. Изъ послѣднихъ одна—крестьянка государственныхъ имуществъ, а другая оренбургская казачка; но обѣ эти старицы весьма слабы, больны, преклонныхъ лѣтъ: первой будетъ лѣтъ девяносто, а другой около ста. По моему мнѣнію, этихъ двухъ инокинь слѣдуетъ оставить въ скиту дожить свои годы, ибо переселеніе ихъ въ мѣста ихъ жительства будетъ для нихъ крайне тяжко, почти невозможно, потому что онѣ, какъ сказано выше, по старости и слабости, лежать въ постеляхъ и едва движатся. Кромѣ инокинь, въ скиту живутъ и простыя женщины, обѣ удаленіи ихъ изъ скита я, вмѣстѣ съ симъ, отношусь къ комиссару 1-го округа, ибо его въ то время, какъ я осматривалъ скиты, тамъ не было“.

(1) См. рапортъ Бизянова Столыпину за № 49, отъ 13 июня 1838 г. Тамъ же.

2) „Въ мужскомъ Сергиевскомъ скиту живутъ старцы, числомъ 10 человѣкъ; всѣ они войскового сословія. Кромѣ ихъ живутъ тамъ еще: увѣленный отъ службы войсковой старшина Харлампій Донсковъ, два отставные урядника и семеро отставныхъ казаковъ (трое изъ нихъ единовѣрческаго исповѣданія); иногородныхъ никого нѣтъ“.

3) „Близъ Гниловскаго умѣта, въ женскомъ скиту, живутъ старицы числомъ 13; всѣ онѣ казачьяго сословія. Кромѣ нихъ, тамъ же живутъ: инокиня изъ крѣпостныхъ подполковника Кочемасова, двѣ послушницы-дѣвки войскового сословія, и нѣсколько женщинъ казачьяго сословія. Объ удаленіи изъ скита инокини крестьянки г. Кочемасова, обѣихъ послушницъ и всѣхъ простыхъ женщинъ я, вмѣстѣ съ симъ, отношусь къ комиссару 2 округа, ибо его, когда я осматривалъ скиты, тамъ не было“.—Близъ Бородинскаго форпоста, Бизяновъ посѣтилъ еще скитъ, въ которомъ оказалось 5 человѣкъ *поморской* секты, а именно: двое мужчинъ, двѣ женщины и одна дѣвка. Изъ мужчинъ одинъ былъ отставной казакъ изъ Уральскаго войска, а другой вольноотпущенныи; изъ женщинъ—одна войскового сословія, а другая иногородная; дѣвка—казачьяго сословія.—Бизяновъ, донося атаману о вышеозначенныхъ скитахъ, препроводилъ, при своемъ рапортѣ, и подробный списокъ скитскихъ жильцевъ. Изъ донесенія и списка Бизянова видно, что онъ посѣтилъ четыре скита, въ которыхъ оказалось 52 человѣка, изъ нихъ 22 муж., и 30 ж. пола; въ томъ числѣ иногороднихъ только трое, остальные же 49 чел. были изъ войскового сословія. Нѣкоторыя изъ женщинъ удалялись въ скиты отъ живыхъ мужей; въ скитахъ были и дѣвицы съ незаконорожденными дѣтьми. Изъ списка скитскихъ жильцевъ видно также, что нѣкоторыя изъ лицъ женскаго пола поступали сюда въ молодыхъ лѣтахъ; но большинство—были престарѣлые, имѣвшія отъ 70 до 100 лѣтъ и жившія въ скиту отъ 2 до 60 лѣтъ.

Получивъ донесеніе Бизянова и списокъ скитскихъ обитателей, Столыпинъ, между прочимъ, писалъ оренбургскому генераль-губернатору А. А. Катенину: „я уже докладывалъ вашему превосходительству о необходимости уничтоженія скитовъ въ войскахъ, такъ какъ они служать разсадниками раскола, и вы, согласясь со мною, приказали мнѣ сдѣлать о томъ подробное соображеніе и заготовить это дѣло съ осторожностью. Мнѣ удалось, сколько мнѣ кажется, съ успѣхомъ приступить къ исполненію желанія вашего превосходительства“.

Дѣйствительно, какъ увидимъ дальше, Столыпинъ энергично и весьма искусно повелъ задуманное имъ дѣло—и достигъ, чего желалъ.

Первые представители австрійскаго священства на Уралѣ: Виталий и Софоній.—Попытки основать самостоятельную въ Россіи іерархію; поставленіе Якова Бреднева въ патріарха московскаго.—Судъ надъ Софоніемъ и потеря его вліянія на уральцевъ.—Новые мѣры Столыпина къ ослабленію раскола въ Уральскомъ войскахъ.—Обращеніе Сергиевскаго скита въ единовѣрческій монастырь.—Открытіе въ войскахъ церквей, на особыхъ правахъ.—Никольская церковь въ Уральскѣ и ея отличие отъ прочихъ церквей въ войскахъ.—Церковь въ Бударинскомъ скиту.

Съ появлениемъ, такъ называемой, австрійской іерархіи за границею и въ Россіи, и расколъ на Уралѣ не остался чуждъ ея вліянію. Первымъ представителемъ этой іерархіи, появившимся среди Уральского войска, былъ Виталий, поставленный извѣстнымъ Софоніемъ въ 1852 году. Скоро мы встрѣчаемъ здѣсь и самого Софонія. Сначала онъ былъ единственныи въ Россіи епископъ, именовавшійся симбирскимъ. Но когда его непристойныя дѣянія оттолкнули отъ него старообрядцевъ, и когда въ Москвѣ явился другой лжеіерархъ Антоній Шутовъ; то корыстолюбивый и властолюбивый Софоній удалился въ Уральскъ, и

здесь задумалъ даже положить начало отдѣльной и независимой отъ бѣлокриницкаго митрополита старообрядческой іерархіи въ Россіи.

Остановившись въ женскомъ Садовскомъ скиту, Софроній вытребовалъ къ себѣ Виталія и бѣлага уральскаго казака Якова Бреднева, прописнаго ревизіей, и началь толковать имъ, что „бѣлокриницкая митрополія въ ереси, тамъ муро варили по новому чиновнику⁽¹⁾), да у нихъ и древнихъ-то книгъ нѣть;... что „Антоній, присланный сюда изъ митрополіи, вовсе не крещенъ, такъ какъ онъ крещенъ былъ сначала въ великороссійской церкви, но потомъ пошелъ въ перекрещенцы, проклявъ то крещеніе, и его подобало бы прежде у насъ окрестить, а потомъ въ священство производить“, и т. п. Такими разсужденіями, ловко введенными, Софронію удалось склонить на свою сторону стариковъ, которые заявили ему: „ты, владыка, больше насъ знаешь, дѣлай, что хочешь! Заручившись такими сторонниками, Софроній смѣло и решительно приступилъ къ выполнению своего плана: Виталій былъ назначенъ митрополитомъ въ Новгородъ, Яковъ предназначался въ патріархи московскіе и всея Руси, а самъ Софроній пожелалъ занять митрополичью каѳедру въ Казанской епархіи. Надъ осуществленіемъ этого плана думали недолго: 16 января 1851 г. въ шелковой палаткѣ, въ присутствіи двухъ инокинь, замѣнявшихъ дьячковъ, безъ пресвитера и діакона, была совершена Софроніемъ и Виталіемъ церемонія поставленія Якова Бреднева въ епископа съ именемъ Іосифа, а на слѣдующій день, при той же обстановкѣ, новопоставленный епископъ былъ возведенъ въ санъ патріарха всея Руси. 18 и 19 января Софроній и Виталій взаимно возвели другъ друга въ санъ митрополитовъ, первый былъ возведенъ въ санъ митрополита казанскаго, а второй—новгородскаго.

⁽¹⁾ См. «Поѣздка въ Бѣлокриницкій монастырь за муромъ». Русск. Вѣстн. 1864 г., мартъ.

Въ скоромъ времени вѣсть объ этомъ „страшномъ и законопротивномъ дѣлѣ“ дошла до Антонія и московскихъ старообрядцевъ; Софонія потребовали на судъ собора, но упорный лжемитрополитъ не явился. Снисходительные судьи три года ждали раскаянія со стороны Софонія, и все—напрасно. Наконецъ въ исходѣ 1856 года митрополитъ Кирилль прислалъ окончательное низверженіе Софонія изъ епискоцкаго сана, съ воспрещеніемъ ему всякаго священнодѣйствія. Рѣшеніе это было подписано митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ, жившими за границей, а по полученіи его въ Россіи подъ нимъ подписались еще три епископа и одинъ архіепископъ. Софоній, впрочемъ, не думалъ было подчиняться и этому рѣшенію блокриницкаго митрополита; но положеніе его сдѣлалось крайне неловкимъ: онъ утратилъ свое влияніе и значеніе; имъ стали гнушаться и пренебрегать.—Такой поворотъ дѣла заставилъ Софонія невольно смириться, хотя на короткое время. Въ 1859 г., явившись добровольно на соборъ, онъ принесъ повинную, прося милости и снисхожденія. Отцы собора склонились надъ своимъ собратомъ и опредѣлили счи-
тать его съ этого времени за штатнымъ епископомъ, управлѣніе же новолжской полосою раскольничества, со включеніемъ сюда уральскихъ старообрядцевъ, поручить на время Виталію (⁽¹⁾).

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ появленія австрійскаго сященства на Уралѣ, тѣ средъ старообрядцевъ, обнаружились значительные беспорядки.

Въ это время во главѣ управлѣнія Уральскимъ войскомъ стоялъ А. Д. Столыпинъ, задумавшій, какъ мы уже знаемъ, уничтожить раскольническіе скиты, служившіе приютомъ бѣглыхъ и австрійскихъ поповъ, и замѣнить ихъ единовѣрческимъ монастыремъ и церквами, на особыхъ правахъ церквей благословленныхъ, или дозволенныхъ.

(1) Сборн. Попова, вып. V, стр. 211.

Нужно заметить, что коренной раскол в Уральском войскѣ — поповщина или бѣглопоповцы; хотя на Уралѣ есть и беспоповцы, или, по мѣстному выражению, некудышники, а также — поморцы, перекрещенцы и другіе толки, занесенные въ войско изъ внутренней Россіи, но послѣднихъ гораздо меньше, чѣмъ бѣглопоповцевъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. А. Катенину Столыпинъ, между прочимъ, писалъ, что уральские раскольники, принадлежащіе къ сектѣ поповщины, охотно принимаютъ австрійскихъ поповъ; сюда же принадлежали Сергіевскій скитъ и Садовской женскій скитъ. „Со вступленія моего въ завѣданіе войскомъ,—писалъ Столыпинъ,—я получилъ свѣдѣнія о слѣдующихъ попахъ австрійского посвященія: Аркадій разъѣзжалъ внизъ по Уралу и по хutorамъ съ послѣднихъ чиселъ октября и по 20 ноября 1857 года; б) Федотъ или Феодоръ въ концѣ ноября того же года прибылъ въ Уральскъ, прожилъ здѣсь около десяти дней и затѣмъ весь декабрь провелъ въ разъѣздахъ по Нижней линіи; в) Сильвестръ находился въ Уральскѣ почти мѣсяцъ⁽¹⁾ и во второй половинѣ марта отправился во Второй округъ, въ окрестностяхъ коего и понынѣ находится и выдаетъ себя за епископа.—Не трудно было бы поймать всѣхъ этихъ поповъ,—замѣчаетъ Столыпинъ,— но это ни къ чему не послужить: у нихъ правильные паспорты; богослуженіе они производятъ такъ тайно, что уличить ихъ трудно, и съ собой никогда не возятъ вещей, которыя могли бы ихъ компрометировать. Однакожъ двое поповствующихъ: мѣщанинъ и оренбургскій казакъ посажены мною въ тюрьму, потому что они имѣли фальшивые паспорты; въ поповствованіи они не сознаются, но уличены въ фальшивости паспортовъ“⁽²⁾.

⁽¹⁾ Съ 19 февр. по 17 марта 1858 года.

⁽²⁾ Дѣло въ арх. атам. канцеляріи о постр. Никольской церкви въ Уральскѣ.

Дерзость бѣглыхъ и австрійскихъ поповъ дошла до такой степени на Уралѣ, что они выдавали казакамъ свидѣтельства за своей подписью; копію съ одного изъ такихъ свидѣтельствъ Столыпинъ препроводилъ къ Катенину, оригиналъ же оставилъ у себя для пріобрѣнія къ дѣлу на случай, если бы возникло сдѣствие.

Старообрядческие архіереи также находили удобный пріютъ и ласковый пріемъ на Уралѣ. Кромѣ Виталія, сюда нерѣдко заѣзжали и другие епископы, напр. Геннадій, Аѳанасій, не говоря уже о Софроніи, который, и послѣ соблазнительной исторіи съ Бредневымъ, былъ постояннымъ посѣтителемъ уральскихъ предѣловъ и женского Садовскаго скита, гдѣ онъ за гащивался иногда очень долго у гостепріимной матери игумены, обѣльвая вмѣстѣ съ ней разныя темные дѣлишки. Въ описываемое время уральские раскольники имѣли особенно частыя сношенія съ хвалынскими и ихъ архіереемъ Аѳанасіемъ саратовскимъ, который былъ преданъ расколу до фанатизма. Подполковникъ Кузьминъ-Караваевъ, состоявшій чиновникомъ особыхъ поручений при оренбургскомъ генераль-губернаторѣ, въ началѣ марта 1858 года, доносилъ А. А. Катенину слѣдующее: „въ одномъ изъ потребниковъ, взятыхъ мною въ домовой церкви Анны Кузьминой Михайловой, найдено представляемое при семъ письмо, отъ 15 сентября безъ означенія года, подписанное какимъ то Тимофеемъ Чеботаревымъ (¹), адресованное Аннѣ Кузьминишъ Кузьминой, а писанное къ милостивому государю П. В. А.—Зная, что раскольники имѣютъ въ перепискѣ особыя условные выраженія, я не сомнѣваюсь, что подъ литерами П. В. А. надо подразумѣвать преосвященнаго владыку

(¹) Изъ одного письма Столыпина къ Катенину видно, что этотъ Тимофей Чеботаревъ былъ прикащикомъ у раскольника Мальцева, снимавшаго земли въ Башкирскомъ отдѣлѣніи.

Афанасія, а подъ мельницею, которую Чеботаревъ хотѣлъ пустить въ ходъ съ 1 октября, и въ которой нужны были какія-то усовершенствованія со стороны П. В. А., — какое-нибудь раскольническое предпріятіе, и вѣрнѣе всего — учрежденіе церкви въ уральскихъ предѣлахъ, куда, лжеепископъ Аѳанасійѣздилъ прошлую осенью ⁽¹⁾). При этомъ онъ рекомендовалъ слѣдующія мѣры: „дознать секретнымъ образомъ чрезъ наказнаго атамана Уральскаго казачьяго войска (если онъ имѣть вѣрнаго человѣка), какое участіе принимаетъ семейство Назаровыхъ, находящееся въ родствѣ съ хвалынскими купцами Михайловыми и Кузьминными, и семейство Чеботаревыхъ въ лжеепископскихъ дѣйствіяхъ Аѳанасія, ибо до сего времени, — писалъ онъ, — сколько я слышалъ, лжеепископы хотя являлись въ уральскихъ предѣлахъ, но принимаемы не были и почетомъ не пользовались ⁽²⁾), ибо уральские казаки и особенно казачки не терпятъ никакихъ нововведеній и стараются только соблюдать старинные обычаи. Одно изъ писемъ уралки Назаровой къ Феклѣ Толетиковой, находящееся при дѣлѣ, обнаруживаетъ, между прочимъ, что осенью прошлаго (1857) года былъ въ Уральскѣ изъ Тулы старикъ бѣглый попъ Феодоръ, который въ ноябрѣ совершилъ нѣсколько браковъ между казаками. Это обстоятельство указываетъ на то, что уральцы не принимаютъ лжеепископовъ и поставленныхъ ими бѣглыхъ поповъ, и если Тимоѳей Чеботаревъ хлопочетъ о распространеніи вліянія Аѳанасія на уральскихъ казаковъ; то я полагаю, что необходимымъ остановить его, ибо уральские казаки, находясь постоянно въ командировкахъ и походахъ, утратили свои религіозныя мнѣнія и во все не чуждаются православныхъ, а вліяніе лжеепи-

⁽¹⁾ Рапортъ, отъ 6 ноября 1857 г. за № 400. в. 8221 ⁽²⁾

⁽²⁾ Видно, что Кузьминъ-Караваевъ зналъ далеко не все, П что творилось среди уральскихъ старообрядцевъ, писалъ познакомленный свидетель

скоповъ можетъ развить въ нихъ прежнюю ненависть къ единовѣрію и православію и, такимъ образомъ, отдалить время обращенія этого войска въ лоно единой соборной и апостольской церкви" (1).

А. А. Катенинъ, получивъ этотъ рапортъ, 10 марта того же года (2) конфиденціально просилъ Столыпина доставить ему свѣдѣнія, какія только можно собрать безъ огласки, объ отношеніи уральскихъ раскольниковъ къ лжеепископамъ, при чемъ препроводилъ къ Столыпину и самую записку къ Кузьминой (3) доставленную Катенину Кузьминымъ-Караваевымъ при рапортѣ, отъ 2 марта 1858 г. Отвѣта атамана на этотъ запросъ въ дѣлѣ, которое было въ нашихъ рукахъ, неѣть; очень возможно предположеніе, что Столыпинъ сообщилъ объ этомъ генераль-губернатору лично, дабы избѣжать огласки и лишней переписки, тѣмъ болѣе, что Катенинъ просилъ сообщить ему о томъ „весьма секретно“.

Около того же времени нѣкоторые изъ уральскихъ раскольниковъ начали заражаться ученіемъ духоборцевъ и молаканъ, имѣвшихъ сильный притонъ въ селеніи Александровкѣ Самарской губерніи. Понятно, что при такихъ условіяхъ раскола въ Уральскомъ войскѣ, энергичный атаманъ Столыпинъ не могъ сидѣть сложа руки. Сообщая Катенину о зараженіи уральцевъ ученіемъ молаканъ и тенденціями австрійского толка, Столыпинъ замѣчаетъ: „вопросъ общий о расколѣ хотя и близокъ къ моей душѣ, но онъ не составляетъ цѣли этой записки; потому я здѣсь не буду разсуждать объ узаконеніяхъ, которыхъ необходимо или измѣнить или вновь ввести для прекраще-

(1) Кузьминъ-Караваевъ рапортовалъ Катенину 2 марта 1858 г. за № 13.

(2) 1858, за № 61.

(3) Письмо это на толстой синей бумагѣ; оно приложено къ дѣлу о построеніи Никольской церкви въ Уральскѣ, стр. 403.

нія зла; я только предложу мѣры для войска, мнѣ вѣрнаго, возможныя при существующихъ законахъ; разумѣется, мѣры эти будутъ палліативныя, потому что для совершенного уничтоженія зла надо искоренить *причины* онаго, а онѣ лежатъ *въ сердцахъ Россіи*¹. Въ этотъ разъ Столыпинъ указалъ на слѣдующія мѣры:

- 1) „Необходимо уничтожить скиты“.
- 2) „Необходимо удалить изъ войска казаковъ Краснотопыхъ, какъ людей, волнующихъ казаковъ, даже если дѣло кончится въ ихъ пользу“ ⁽¹⁾.
- 3) „Мальцева ⁽²⁾ также нужно удалить, впрочемъ, я скоро надѣюсь имѣть противъ него важныя улики“.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо бы было приступить немедленно къ устройству временной общины, пока рвеніе къ Церкви не охладѣло въ стариахъ. Для сего можно пока учредить временную приписную церковь, съ прикомандированіемъ къ ней священника изъ какой-либо уральской церкви, что не превышаетъ власти епископа, между тѣмъ представление об устройствѣ единовѣрческаго монастыря пойдетъ законнымъ путемъ“.

Считая устройство единовѣрческаго монастыря равносильнымъ уничтоженію раскольническихъ скитовъ, Столыпинъ энергично принялъся за осуществление этой мысли: „если намъ удастся устроить монастырь,—писалъ онъ Катенину,—тогда скиты сами собою разрушатся, ибо сосѣдство монастыря для нихъ будетъ невозможно: монастырь надъ скитами будетъ лучшею полиціей“.

Въ виду устройства единовѣрческой общины, Столыпинъ обратился за содѣйствиемъ къ своему рев-

⁽¹⁾ Дѣло о сводныхъ бракахъ.

⁽²⁾ Мальцевъ въ настоящее время уже не существуетъ — умеръ, а жена его поступила, кажется, въ Садовской скитъ.

ностному помощнику, въ дѣлѣ ослабленія раскола, о. Саввѣ Севрюгину и къ одному изъ казачьихъ офицеровъ, П. А. А—ну. При помощи и содѣйствіи этихъ лицъ, Столыпинъ прежде всего обратилъ вниманіе на скиты Сергиевскій и Бударинскій, какъ главные притоны раскола въ войсکѣ. Надежды Столыпина и старанія его агентовъ не прошли даромъ. Вскорѣ о. Савва донесъ наказному атаману, что, въ бытность его въ Сергиевскомъ скиту, игуменъ и старцы этого скита заявили, что они, по преклонности лѣтъ, болѣе не въ состояніи поддерживать свой скитъ, и потому просили принять отъ нихъ скитскую часовню; при этомъ о. Савва замѣчаетъ, что разговоръ его съ старцами происходилъ въ присутствіи діакона Успенской церкви, Лазаря Алимова (¹), дьячка той же церкви Павла Кузнецова и казаковъ: Алексѣя Иванова и Трофима Свѣшникова. — Смотря на Сергиевскій скитъ, какъ на „гнѣздо раскола въ Россіи“, Столыпинъ постарался воспользоваться этимъ случаемъ, въ видахъ совершенного уничтоженія Сергиевскаго скита. Въ юлѣ 1858 г., онъ отправилъ секретный рапортъ къ генералу Балкашину, исправлявшему, за отсутствіемъ Катенина, должность генералъ-губернатора, прося позволенія принять часовню Сергиевскаго скита въ вѣдомство вновь заселяющагося при немъ хутора. Вмѣсть съ тѣмъ, Столыпинъ просилъ исходатайствовать у епархиального начальства дозволеніе о. Саввѣ на освященіе скитской часовни и право на ея присоединеніе къ Успенской церкви г. Уральска. Означенный рапортъ былъ препровожденъ на имя правителя канцелярии оренбургскаго генералъ-губернатора Арцимовича, при особомъ конфиденциальному письмѣ къ послѣднему отъ Столыпина. Въ этомъ письмѣ Столыпинъ называетъ желаніе Сергиевскихъ старцевъ „ве-

гнѣздо раскола въ Россіи). (¹)

(¹) Лазарь Алимовъ въ настоящее время состоитъ священникомъ въ Круглоозерной станицѣ, находящейся въ 14 верстахъ отъ Уральска.

ликимъ дѣломъ, которое,—замѣчаетъ онъ,—совершается безъ шума и безъ всякой огласки въ войскѣ; но малѣйшее промедленіе можетъ испортить все. Какъ видите изъ рапорта,—пишетъ онъ дальше,—иноки просятъ принять церковь въ единовѣрческое вѣданіе. Кромѣ важнаго результата, что рушится самъ скитъ, теперь разрѣщается вопросъ и о единовѣрческомъ монастырѣ: постройки церкви и келій уже болѣе до поры-до-времени не нужно, потому что только придется поселить единовѣрческихъ монаховъ на мѣстѣ раскольничихъ старцевъ и освятить перковъ. Надо будетъ только израсходывать на нѣкоторыя поправки рублей тысячу, что я и началъ уже дѣлать, потому что имѣю на это разрѣшеніе Александра Андреевича (¹). Ради Бога, только не медлите, потому что если дѣло огласится,—не только изъ Уральска, но даже изъ Москвы могутъ быть присланы огромныя суммы денегъ раскольничимъ старцамъ, чтобы они отказались отъ первоначального намѣренія—отдать церковь въ единовѣрческое вѣданіе.—Письмо и рапортъ были отправлены Столыпинымъ съ его домашнимъ секретаремъ Петровымъ, который, пріѣхавъ въ Оренбургъ, лично передалъ ихъ Ариымовичу. Столыпинъ, какъ видно, принялъ за дѣло энергично и спѣшилъ дать дѣлу скорѣйшій ходъ, какъ бы слѣдяя внушению русской пословицы: „куй же лизо, пока горячо“; не медлили и въ Оренбургѣ: 24-го июля Столыпинъ получилъ уже отъ оренбургскаго генераль-губернатора секретное разрѣшеніе, (за № 151) на присоединеніе Сергіевскаго скита къ заселявшемуся подъ него хutorу; 4 августа было получено генераль-губернаторомъ согласіе спархialьного начальства на освященіе скитской часовни, а 12 августа сообщено о томъ уральскому атаману (за № 171).

⁽¹⁾ Катепина, оренбургскаго генераль-губернатора. — Разрѣшеніе, о которомъ здесь идетъ рѣчь, получено Столыпинымъ 5 мая 1858 г. за № 109.

Между тѣмъ, Столыпинъ еще 16 июля, наканунѣ отправленія имъ рапорта и письма къ Арцыбовицу, распорядился выдать изъ собственныхъ денегъ священнику Севрюгину 500 р. на устройство хутора при Сергіевскомъ скитѣ; для той же цѣли Столыпинъ получилъ 31 июля еще 500 р. отъ Уральской войсковой канцеляріи (рапортъ за № 4153). 21 сентября того же года, было совершено освященіе часовни Сергіевского скита о. Саввою Севрюгинымъ⁽¹⁾, а 28 сентября⁽²⁾ Столыпинъ получилъ конфиденциальное письмо отъ А. А. Катенина, въ которомъ начальникъ края благодарить уральского атамана за то, что обращеніе Сергіевского раскольничаго скита идетъ успѣшно, не возбуждая въ войскѣ ни толковъ, ни беспокойства.

Когда скитская часовня была освящена и поступила въ вѣдѣніе уральской Успенской церкви, а самый скитъ былъ присоединенъ къ новопоселенному хутору, Столыпинъ принялъ за рѣшеніе вопроса о способѣ и содержаніи монаховъ Сергіевского единовѣрческаго монастыря. По его мнѣнію, высказанному въ письмѣ къ Арцыбовицу, самый способъ и содержаніе Сергіевскихъ монаховъ слѣдовало отнести на войсковой счетъ и на добровольныя приношенія, позволяивъ монахамъ пользоваться и войсковыми угодьями; содержаніе же причта, — составъ котораго не превышалъ состава причта обыкновенной приходской церкви, — отнести исключительно на войсковой счетъ, какъ прочихъ единовѣрческихъ церквей въ войскѣ; храмъ и кельи также построить на войсковой счетъ; монастырь возвести на томъ самомъ мѣстѣ, где находился скитъ. Столыпинъ выражаетъ при этомъ опасеніе, что подробный планъ, смета и положеніе объ

⁽¹⁾ См. рапортъ наказному атаману комиссара 2 округа, есаула Назарова, отъ 21 сент. 1858 г. за № 924.

⁽²⁾ Письмо А. А. Катенина написано 25 сент., въ отвѣтъ на донесеніе Столыпина, отъ 18 сент. за № 46.

устройствъ единовѣрческаго монастыря могутъ затягнуть дѣло; между тѣмъ бѣглые попы могли попрежнему совращать старцевъ въ расколъ, указывая на медленность и неохоту правительства исполнить ихъ желаніе. Въ декабрѣ 1858 г. (¹), Столыпинъ предложилъ Уральской войсковой канцелярии выдать священнику Саввѣ Севрюгину, подъ росписку, изъ войскового капитала сто рублей на нужды Сергіевскаго монастыря и изыскать постоянный источникъ, на который бы Сергіевскій монастырь могъ содержаться, и чтобы чинамъ церкви этого монастыря можно было назначить окладное жалованье, напримѣръ, игумену наравнѣ съ священниками прочихъ церквей, и т. п.

Примѣръ Сергіевскихъ старцевъ увлекъ и другихъ. Въ началѣ октября того же года, чрезъ десять дней послѣ освященія Сергіевской часовни, Столыпинъ получилъ частное письмо отъ своего агента, П. А—а, который сообщалъ, что настоятель Бударинскаго старообрядческаго скита съ однимъ отставнымъ казакомъ, уполномоченные довѣріемъ отъ своего скита и многихъ старообрядцевъ, непріемлющихъ священства, явились къ нему, наканунѣ Покрова Пресвятыя Богородицы, и убѣдительно просили его написать наказному атаману, что какъ монахи и бѣльцы Бударинскаго скита, такъ и многіе старообрядцы желаютъ избрать священника изъ бѣлага духовенства, который бы отправлялъ богослуженіе въ Бударинской скитской часовнѣ, имѣющей освятиться въ церковь Божію; священникъ этотъ, по заявлению депутатовъ, долженъ быть рукоположенъ епархіальнымъ архіереемъ, но выборъ его остается за ними. Сообщая объ этомъ желаніи бударинской братіи, П. А—нъ просить разрѣшенія или самого атамана или же чрезъ него—согласія и дозволенія преосвященнаго. Отвѣчая на это письмо, Столыпинъ обѣщалъ полное удовлетво-

(¹) См. его предложеніе отъ 12 декабря 1858 г. за № 83.

рение ходатайства просителей: „Я всѣми силами буду стараться“, — писалъ онъ, — „успокоить васъ, почтенные богоомольцы; часовню вашу не буду перестраивать; преосвященнаго буду просить самъ лично поставить вамъ священника по вашему выбору“.

Дѣйствительно, Столыпинъ не замедлилъ сообщить о желаніи бударинскихъ старообрядцевъ оренбургскому епископу Антонію, который увѣдомилъ атамана ⁽¹⁾, что онъ на желаніе бударинскихъ старцевъ согласенъ, и донесъ о томъ Святѣйшему Синоду ⁽²⁾, испрашивая позволеніе на то, чтобы допустить въ Уральскъ существованіе церквей на правахъ церквей благословленныхъ. Между тѣмъ, 15 ноября того же года, Столыпинъ писалъ преосвященному Антонію о движениіи среди раскольниковъ въ самомъ Уральскѣ: „по доходящимъ до меня слухамъ, каждый день собираются большія сходища казаковъ, чтобы толковать о предлагаемомъ имъ снисхожденіи отъ вашего преосвященства; многіе уже теперь согласны, но самые закоренѣлые стали распускать слухи, что церковь благословленная, которую имъ предлагаются, есть только ловушка для привлечения ихъ въ православіе, другое же наоборотъ, чтобы окомпрометировать меня, говорили будто, что я позволилъ, чтобы священникъ ими избранный былъ исправленъ“.

Узнавъ объ этихъ сходищахъ и толкахъ, атаманъ Столыпинъ пригласилъ главныхъ вожаковъ къ себѣ, чтобы лично объясниться съ ними, при свидѣтеляхъ. Когда вожаки явились къ атаману, послѣдний старался увѣритъ ихъ, что никто не будетъ принуждать ихъ ходить въ православную церковь и что церковь, которую имъ обѣщалъ преосвященный Антоній, будетъ на правахъ благословленной; вмѣстѣ съ тѣмъ, атаманъ внушительно заявилъ, что онъ никогда

⁽¹⁾ Отъ 6 октября 1858 г. за № 2564.

⁽²⁾ Отъ 7 октября 1858 г. за № 2565.

⁽¹⁾ См. его письмо къ преосвященному Автонію, отъ 15 ноября 1858 г.

⁽²⁾ Такъ называется у казаковъ осеннеѣ рыболовство по р. Уралу.

(³) Секретное донесение Антония Степанову, отъ 4 декабря 1858 г., за № 416.

несенія (¹) пр. Антонію атамана Столыпина по этому дѣлу видно, что старообрядцы собирались *четыре раза* на совѣщанія. Въ первомъ собраниі явившіеся довѣренные и слышать не хотѣли о какой бы то ни было церкви, а всѣ желали часовню, по примѣру бывшей у нихъ до 1842 г. Успенской часовни. Узнавъ объ этомъ, Столыпинъ чрезъ своего агента, есаула А—на, приказалъ вну什ить казакамъ, что хотя упоминаемая ими часовня была неправильная, но все-таки некоторымъ образомъ въ ней былъ смыслъ, потому что для богослуженія они тогда могли доставать Св. дары изъ Иргизскихъ монастырей; теперь же, по несуществованію послѣднихъ, имъ неоткуда брать Св. дары. Старообрядцы, выслушавъ А—на и обдумавъ дѣло обстоятельно, рѣшились наконецъ просить себѣ церковь. На второмъ собраниі они обсуждали вопросъ объ исправлениіи священника, который, по ихъ желанію, будетъ рукоположенъ архіереемъ; но не пришли ни къ какимъ положительнымъ выводамъ. Въ третьемъ собраниі уполномоченный отъ общества лица выразили недовѣріе къ вожакамъ, которые раньше имѣли сужденіе по этому дѣлу съ Столыпинымъ, и по-желали сами лично видѣть и выслушать наказнаго атамана. Вслѣдствіе этого, они отправились къ атаману и доложили о своемъ желаніи. Выйдя къ депутатамъ, Столыпинъ выслушалъ ихъ и тутъ же сказа-
заль имъ: „вы можете войти съ просьбою о церкви съ тѣмъ, чтобы священникъ былъ рукоположенъ по вашему выбору русскимъ епископомъ, и чтобы *дѣла духовныя шли черезъ меня*“! — Но недовѣрчивые казаки просили отъ атамана письменного удостовѣренія въ исполненіи даннаго имъ слова, на что Столыпинъ съ удовольствіемъ согласился—и тутъ же даль-

⁽¹⁾ Отъ 28 ноября 1858 г., за № 79. См. стр. 164 «Дѣла о по-строеніи Никольской церкви въ Уральскѣ». Въ арх. атаманской канцелярии.

имъ своеручную подпись. Выслушавъ лично своего атамана и заручившись отъ него подпиской, довѣренные единодушно и съ восторгомъ приняли предложеніе; многіе изъ нихъ крестились и говорили: „ну, слава Богу, что у насъ будетъ церковь, а то срамъ, что мы до сихъ поръ были раскольники“!

Въ подписаніи атамана, данной депутатамъ, между прочимъ, была слѣдующая фраза: „*о. да духовный будутъ идти къ его преосвященству чрезъ атамана*“, — вотъ эта-то фраза и не понравилась старообрядцамъ, почему они предложили измѣнить ее такъ: „*и состоялъ (священникъ) подъ видѣniемъ наказнаго атамана, а не подъ духовнымъ*“. — Столыпинъ согласился и измѣнилъ фразу, согласно желанію депутатовъ. На четвертомъ собраниі, старообрядцы положили молиться на эктеніяхъ за Государя Императора и архіерея, — „ибо, — замѣтили изъ нихъ нѣкоторые, — безъ этого обѣдня будетъ неправильная“. Во время этихъ совѣщаній было, между прочимъ, замѣчено, что вліяніе австрійскихъ лжепоповъ заставило нѣкоторыхъ раскольниковъ замѣтить съ ироніею: „не лучшее ли намъ, братцы, взять католического священника“?

Столыпинъ, препровождая просьбу старообрядцевъ обѣ устроить церкви къ преосвященному Антонію, замѣчаетъ: „прошу, ваше преосвященство, написать на резолюціи одно слово: „*разрѣшио*“, — иначе они во всякой реторической фразѣ видятъ обманъ; они сами говорятъ, что если бы митрополитъ Платонъ въ своемъ разрѣшеніи не написалъ словъ подобныхъ слѣдующимъ: „*съ немощными быть немощнымъ*“, — они бы все пошли въ единовѣрческую церковь, но „*это, — они говорятъ, — ужъ крайне обидно*“.— Одновременно съ увѣдомленіемъ преосвященнаго Антонія, Столыпинъ препроводилъ и рапортъ (¹) о томъ оренбургскому и самарскому генераль-губернатору.

(¹) Отъ 28 ноября 1858 г., за № 80.

Но лишь только отправленъ былъ этотъ рапортъ, начальникъ Илецкой станицы, есауль Сладковъ прислалъ на имя уральскаго наказнаго атамана приговоръ илещихъ старообрядцевъ о желаніи имѣть такую же церковь, какъ и уральскіе старовѣры. Этотъ приговоръ и при немъ рапортъ есаула Сладкова были вручены атаману лично довѣренными отъ илещихъ раскольниковъ, которые убѣдительно просили Столыпина похлопотать объ устройствѣ для нихъ церкви на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ просятъ уральцы (¹). — Основанія эти были выражены уральскими старовѣрами въ ихъ просьбѣ, представленной атаманомъ преосвященному, и заключались въ слѣдующихъ шести положеніяхъ:

- 1) „По преданности къ древнимъ церковнымъ обрядамъ сдѣлать имъ церковь“.
- 2) „Избрать имъ, по ихъ усмотрѣнію, желаемаго священника, поставленного россійскимъ епископомъ“.
- 3) „Церковь освятить этимъ священникомъ по древнимъ церковнымъ книгамъ, обрядамъ и правиламъ“.
- 4) „Въ церкви этой антиминсъ бы былъ древній, освященный не ближе патріарха Іосифа“.
- 5) Богослуженіе и Св. таинства совершать по древнимъ правиламъ и старопечатнымъ книгамъ не ближе патріаршества Іосифа“.
- 6) „Для поддержанія благолѣпія въ церкви и наблюденія по церкви за всѣми отчетами избрать имъ изъ среды прихожанъ трехъ попечителей съ тѣмъ, чтобы священникъ всѣ церковныя дѣла, какъ то: книги метрическія и другія повстрѣчаемыя обстоятельства представлялъ прямо въ канцелярію наказнаго атамана и состоялъ подъ вѣдѣніемъ наказнаго атамана, а не подъ духовнымъ“ (²).

(¹) Рапортъ Столыпина оренбургскому генералъ-губернатору, отъ 6 декабря 1858 г., за № 81.

(²) Смотр. въ томъ же дѣлѣ стр. 183, № 4037. Слич. Уральское казачье войско. Рябинина, ч. I, стр. 283, замѣчаніе. Здѣсь обозначены

Преосвященный Антоний снисходительно согласился на устройство въ Уральской церкви, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, назвавъ такую церковь „благословенною“. Но онъ не предвидѣлъ, какое впечатлѣніе произведеть на уральскихъ старовѣровъ эпитетъ, приданый имъ ихъ церкви. „Я былъ въ восторгѣ,—писалъ Столыпинъ оберъ-прокурору св. Сѵнода.—что все уже рѣшено, и назначилъ собраніе для прочтенія письма преосвященнаго Антония. Вдругъ доносятъ, что всѣ опять разошлись въ мнѣніяхъ, а изъ-за чего все это произошло?—Преосвященный въ своемъ разрѣшеніи называлъ церковь, просимую старообрядцами, „благословенной“. Это выраженіе крайне обидѣло старообрядцевъ: „наша церковь,—говорили они,—есть Восточно-каѳолическая, Соборная и Апостольская, а не благословенная“; этимъ выражениемъ насть опять отдѣляютъ отъ Церкви и мы чувствуемъ ту же обиду, какую сдѣлалъ намъ митрополитъ Платонъ, называвъ Греко-рussкую церковь—единовѣрческою“.—Никакъ я не могъ убѣдить ихъ и, взявъ письмо, написалъ разрѣшеніе отъ себя, пропустивъ слово „благословенная“; но раскольники всетаки просили меня, чтобы преосвященный благословилъ называть ихъ церковь Восточно-каѳолической, Соборной и Апостольской“.—Между тѣмъ оренбургскій генераль-губернаторъ довелъ о желаніи уральскихъ раскольниковъ имѣть церковь, чрезъ военного ministra, до свѣдѣнія Государя Императора, и Его Величество выслушалъ о желаніи уральскихъ старообрядцевъ имѣть церковь сть удовольствіемъ⁽¹⁾. Въ январѣ 1859 г., св. Сѵнодъ утвердилъ всѣ представ-

следующіе четыре пункта: 1) церковь на особыхъ правахъ, подчиняющаѧся по духовнымъ дѣламъ епархиальному начальству, а наказному атаману; 2) выборъ священника, который долженъ быть только рукоположенъ епархиальнымъ епископомъ; 3) служба по старымъ книгамъ и на 7 просфорахъ; 4) употребленіе своего мура. Въ дѣлѣ, бывшемъ у насъ, пункта четвертаго (о мурѣ) вовсе нѣтъ.

⁽¹⁾ См. отношение къ нак. атаману, отъ 3 декабря 1858 г., за № 267.

ленія оренбургскаго епископа Антонія, касательно устройства церквей въ Уральскѣ и Илекѣ, по желанію старообрядцевъ⁽¹⁾. Оберъ-прокуроръ Сунода, графъ А. П. Толстой, 8 янв. 1859 г., писалъ наказному атаману Уральскаго войска: „письмо ваше я имѣлъ счастіе представить Государю Императору. Теперь считаю долгомъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что всѣ представлѣнія преосвященнаго оренбургскаго разрѣшены св. Сунодомъ, согласно желанію вашему: присоединяющимся предоставлено имѣть священниковъ, рукоположенныхъ преосвященнымъ по ихъ выбору, и всѣ сношенія съ преосвященнымъ производить чрезъ вашу канцелярію“.

„Такой порядокъ сношеній паствы съ пастыремъ въ первый разъ еще допущенъ святѣйшимъ Сунодомъ. Я весьма желаю, чтобы вы въ этомъ видѣли особое сочувствіе святѣйшаго Сунода именно къ вашему лицу“.

„Недавно поступило въ святѣйшій Сунодъ отъ преосвященнаго Антонія донесеніе, основанное на отзывахъ генераль-адютанта Катенина и вашего пре-восходительства объ окончательномъ желаніи нѣкоторыхъ изъ главныхъ раскольниковъ-казаковъ присоединиться къ единовѣрию на вышеозначенныхъ основаніяхъ, и оданиомъ имъ, вслѣдствіе сего, преосвященнымъ Антоніемъ разрѣшено устроить церковь. Государь Императоръ, по доведенію о семъ до свѣдѣнія Его Величества, соизволилъ принять утѣшительное это извѣстіе съ особеннымъ Высочайшимъ благоволеніемъ; къ окончательному же устройству новой паствы святѣйшій Сунодъ съ своей стороны не замедлитъ дать преосвященному необходимыя разрѣшения“.—Въ томъ же мѣсяцѣ (13 числа) уральскіе старообрядцы избрали себѣ священникомъ Александра

⁽¹⁾ Рябининъ говорить, что пункты 1 и 4 изъ приводимыхъ имъ, т. е. о подчиненіи церкви атаману и о дозволеніи имѣть свое муро, не были разрѣшены.

Паленова, а илецкіе—Дорошина. При подписаніи приговора о желаніи старообрядцевъ имѣть свою церковь, на вышеизложенныхъ условіяхъ, произошло важное обстоятельство. Когда всѣ вожаки уральскихъ старообрядцевъ собрались, чтобы подписать приговоръ, казакъ Алексѣй Щелоковъ, обратившись къ прочимъ, сказалъ по обыкновенію: „*иу, братцы, перекрестимся!*“— Въ толпѣ собравшихся произошло страшное смятеніе: оказалось, что изъ тридцати собравшихся вожаковъ почти всѣ были различныхъ толковъ, почему они не могли молиться вмѣстѣ; отказаться же отъ приглашенія Щелокова—было бы крайне неловко. Чтобы выйти изъ затрудненія, старообрядцы прочитали другъ другу прощеніе и, положивъ начало, помолились всѣ вмѣстѣ и затѣмъ подписались. Это обстоятельство, какъ наружное соединеніе толковъ, въ глазахъ атамана Столыпина было уже важнымъ шагомъ впередъ, со стороны раскольниковъ. Выше мы видѣли, что илецкіе старообрядцы также просили атамана объ устройствѣ у нихъ такой церкви, какъ и въ Уральскѣ; но здѣсь явились противники желанія старообрядцевъ, въ лицѣ тридцати человѣкъ уставщиковъ, которымъ хотѣлось разстроить задуманное старообрядцами дѣло объ устройствѣ церкви. Впрочемъ уставщики не только не достигли своей цѣли, а были даже арестованы начальникомъ Илецкой станицы, есауломъ Сладковымъ, по желанію самихъ старообрядцевъ, не смотря на то, что наканунѣ своего ареста эти уставщики совершили у нихъ требы: „не служить ли это свидѣтельствомъ,— замѣчаетъ Столыпинъ,— нелицемѣрного присоединенія раскольниковъ къ Церкви?“— 16 февраля 1859 г. старообрядческая часовня въ Илекѣ, при большомъ стеченіи народа, была освящена въ церковь, во имя св. пророка Илии ⁽¹⁾.

(*) Рапортъ Столыпина къ оренб. генералъ-губернатору, отъ 19 февр. 1859 г., за № 29.

Въ 1859 году въ Уральскѣ была застроена Никольская церковь, открытая на особыхъ правахъ церквей *благословенныхъ* или дозволенныхъ правительствомъ, въ виду особыхъ соображений. Каменное зданіе этого храма отличается довольною оригинальной архитектурой и высокой колокольней. Никольская церковь, какъ и прочія городскія церкви, пятиглавая; она находится почти на самомъ сѣверо-западномъ краю города, на берегу р. Чагана.

Въ настоящее время при этой церкви состоять два священника: *Александръ Паленовъ и Иаковъ Соловьевниковъ*, которые были рукоположены епархиальнымъ православнымъ архиереемъ и находились раньше въ единовѣрческихъ церквяхъ. Говорить, что они были приняты чрезъ *исправу*; но въ чёмъ именно состоитъ исправление священника, по образу прихожанъ Никольской уральской церкви, — это тайна, узнать которую весьма трудно. Лица, служащія въ Никольской церкви, объ этомъ никогда и ничего не говорятъ, даже вовсе отрицаютъ исправу. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ въ нихъ говорить ложный стыдъ и оскорблѣнное самолюбіе. Между тѣмъ мы слышали отъ многихъ уральцевъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, что никольскіе прихожане заставляютъ поступающихъ къ нимъ священниковъ поститься нѣсколько дній и затѣмъ священники обязаны отречься отъ Православной Церкви, какъ еретической, произнося проклятія на мнимыя новшества Греко-российской церкви. Такъ какъ уральскіе раскольники почти полвѣка находились въ самой тѣсной дружбѣ и связи съ Иргизскими монастырями и часовнями: то мы думаемъ, что *исправа* эта состоить въ томъ же, въ чёмъ она состояла и на Иргизѣ. Новоизбранный священникъ, послѣ говѣнья и исповѣди своихъ грѣховъ, долженъ быть публично въ церкви произнести слѣдующія проклятія на Греко-российскую церковь: „азъ священно-іерей (имя рекъ) отъ гнусныя Никоніанскія ереси къ непорочнѣй всею душою присту-

цаю вѣръ; проклинаю вся отреченная святыми отцы: аще кто не креститъ въ три погруженія съ приглашеніемъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, *и обличаетъ, да будетъ проклятъ;* аще кто служить божественную литургію на пяти просфорахъ, а не на семи, *да будетъ проклятъ;* аще кто приглашаетъ божественную пѣснь: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ Боже, *да будетъ проклятъ;* молящійся въ три перста, а не двѣма, *да будутъ прокляты;* аще кто благословляетъ пятю персты странно нѣкако, не по преданію св. отецъ, *да будетъ прокляты;* знаменіе на просфорахъ—четвероконечные кресты, а не осмиконечные, и на ихъ служать, *да будутъ прокляты;* аще кто чтетъ молитву—Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насть, съ приложеніемъ літтеры I, а не подревнему—„Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насть“, *да будетъ проклятъ;* въ заключеніе наконецъ и всѣхъ нововведенныхъ преданіяхъ, отъ Никона патріарха содерхимая нынѣ Греко-російскою Церковю, отрицаюсь, *и проклинаю, и анаемъ предаю, и иже изволить имъ и послѣдуется, анаема, и да будетъ проклятъ*⁽¹⁾. Всльдъ за тѣмъ исправляемый долженъ быть прочитать изъ требника проклятія на Яковитскую ересь, послѣ чего его помазывали мнимымъ муромъ, какъ новокрещемаго, и обмывали водой мѣста помазанія съ произнесенiemъ словъ: „крестился еси, просвѣтился еси, обмылся еси во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“. — Точно такимъ же образомъ исправляли и мірянъ-простолюдиновъ, съ тою только разницей, что священникъ былъ исправляемъ въ ризахъ. Исправленный такимъ образомъ попъ долженъ былъ поклониться собранію и клирошанамъ обоихъ ликовъ до земли, и тогда уже могъ безвозвратно отправлять у раскольниковъ священническое служеніе, пріучаясь, подъ руководствомъ устав-

(1) Копія съ «исправы», писанной рукою архимандрита Платона. См. Прав. Собесѣди. 1857 г., стр. 326, замѣчаніе.

щика, какъ пораскольнически читать, пѣть, ходить, кланяться, стоять, кадить и проч.—Такова была *исправа* поповъ и простыхъ мірянъ у иргизскихъ раскольниковъ; въ томъ же она должна состоять, по нашему предположенію, и у никольскихъ прихожанъ, за изключеніемъ только муропомазанія. Св. муро отпускается для Никольской церкви отъ православнаго епархіального архіерея; но употребляютъ ли его священники означенной церкви или у нихъ есть свое, сумнительное,—это тайна, которой узнать мы не могли; известно только, что, при открытии этой церкви, многие выражали желаніе имѣть свое муро—*истовое*, Іосифовское; но вопросъ въ томъ, откуда они могли его достать, если бы даже и было имъ разрѣшено имѣть свое муро? Прежде было еще, такъ называемое, иргизское муро, т. е. простое масло, за муро выдаваемое (¹); но прошло уже около сорока лѣтъ, какъ эти монастыри упразднены; слѣдовательно, и иргизского мура достать теперь нельзя. Что касается мура, развозимаго по старообрядцамъ изъ Бѣлой Криницы; то никольскіе прихожане сами не захотятъ его принять, такъ какъ, по ихъ убѣждѣнію, австрійское священство неправильно, и поповъ австрійскаго посвященія они не принимаютъ. Остается, такимъ образомъ, предположить, что въ Никольской церкви употребляется или муро, отпускаемое отъ православнаго архіерея, или же прихожане употребляютъ, вместо мура, масло, по примѣру Иргизскихъ монастырей. Св. антиминсъ въ Никольской церкви Іосифовскаго освященія (²); выданъ отъ православнаго епархіального архіерея.

(¹) Прав. Собес. 1837, стр. 561.

(²) Іосифовскіе антиминсы не то, что Іосифовское муро; хотя они и составляютъ большую рѣдкость, но все-таки существование ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Есть антиминсы и болѣе древніе: недавно, напримѣръ, въ селѣ Кускинѣ Сенгилеевскаго уѣзда Симбирской губерніи былъ найденъ антиминсъ временъ Иоанна Васильевича Грознаго, какъ намъ сообщилъ о томъ благочинный 2 округа Симб. епархіи П. А. Маловъ.

Служба въ Никольской церкви совершаются ежедневно, за исключениемъ, конечно, нѣкоторыхъ случаевъ, какъ это бываетъ у всѣхъ и вездѣ. Богослужение отправляется по старопечатнымъ книгамъ.

Разница въ богослуженіи отъ православныхъ и единовѣрческихъ церквей состоить въ томъ, что въ Никольской церкви въ будни часы и вечерню совершаютъ и простецы, безъ священника, испросивъ предварительно на то благословеніе настоятеля церкви. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ служба начинается словами: „за молитвы св. отецъ нашихъ, Господи Богъ Нашъ, помилуй насть“! и пр.—Этотъ обычай снова напоминаетъ собою Иргизскіе монастыри, гдѣ также всѣ службы, кромѣ литургіи, могъ совершать діаконъ или просто уставщикъ; діаконъ съ уставщикомъ служили тамъ и молебны, и панихиды, отпѣвали умершихъ и т. п. (¹).

Напѣвъ церковныхъ пѣсней въ Никольской церкви нѣсколько отличается отъ напѣва единовѣрческихъ церквей въ войскѣ.

Для поддержанія церковнаго благолѣпія и наблюденія за порядкомъ по церкви и за всѣми отчетами, изъ числа прихожанъ избираются особые попечители.

Во время богослуженія всѣ предстоящіе должны имѣть на рукахъ *подручники*. Женщинамъ и дѣвушкамъ являться въ церковь въ шляпкахъ, шапочкахъ и модныхъ костюмахъ воспрещено: онѣ должны быть одѣты просто, а голову—покрывать платкомъ; нежелающія подчиняться этимъ правиламъ не допускаются до общественной молитвы или, если успѣли войти, выводятся изъ храма. Рассказываютъ, что разъ явилась въ Никольскую церковь молодая, неопытная дѣвушка, одѣтая помодному. Старушки, возмущенные такой дерзостью, попросили барышню къ себѣ въ келью; здесь сдѣлали ей приличное наставленіе, а затѣмъ

(¹) См. Прав. Собесѣди. 1857 г., стр. 538.

предложили снять шляпку и кринолинъ, повязали платочкомъ и повели съ собою въ церковь;— сконфуженная барышня повиновалась; по окончаніи службы, она получила всѣ свои принадлежности въ цѣлости, и болѣе въ Никольскую церковь въ модномъ костюмѣ не ходила.

Къ единовѣрческой Церкви никольскіе прихожане относятся такъ же враждебно, какъ и къ православной, а потому священникъ ихъ церкви, въ случаѣ его смерти, долженъ быть отпѣтъ такимъ же священникомъ, т. е. посвященнымъ православнымъ архіереемъ, но исправленнымъ.

Во время постѣній города епархиальнымъ архіереемъ, никольскіе прихожане всячески заботятся о томъ, чтобы „владыка“ не посѣтилъ ихъ храма, для чего всегда имѣютъ наготовѣ какой-либо благовидный предлогъ. Такъ разъ, чтобы уклониться отъ посѣщенія преосвященнаго, они завѣсили окна храма рогожками, устроили лѣса и начали ремонтъ, хотя существенной нужды въ томъ еще не было.

Никольская церковь до сихъ поръ стоитъ на особыхъ правахъ, разъединяющихъ непосредственную связь ея съ своимъ духовнымъ начальствомъ. Переписка по дѣламъ духовнымъ съ епархиальною властію происходитъ у никольского духовенства чрезъ канцелярію наказнаго атамана.

Вотъ существенные черты, которыми отличается уральская Никольская церковь, известная подъ именемъ *благословенной*, отъ прочихъ церквей Уральского войска, кроме Ильинской — въ Илекѣ, открытой на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Никольская уральская церковь.

Выше было замѣчено, что точно такую же церковь, какъ Никольская, желали имѣть у себя и бударинские старцы. Въ 1869 г. священникъ Александръ Паленовъ, нынѣ и тогда настоятель уральской Никольской церкви, по желанію бударинскихъ старцевъ, освятилъ имъ церковь, „вб имѧ св. и чудотворца Ни-

колы". Въ 1876 году сюда явился австрійскій лже-епископъ Викторъ, происходящій изъ уральскихъ казаковъ и рукоположенный въ санъ епископа, какъ замѣчено было выше, въ Москвѣ въ 1876 г. Принявъ на себя, по желанію скитской братіи, завѣданіе всѣми дѣлами, Викторъ задумалъ было сдѣлать нѣкоторыя преобразованія: онъ хотѣлъ перестроить скитскую церковь, расширить самыи скитъ, перемѣнить, обновить и умножить наличный составъ скитскихъ поселенцевъ; но гражданская власть пресѣкла зло въ самомъ началѣ—и Бударинскій скитъ теперь попрежнему тотъ же скитъ съ церковью, но безъ причта. Епископъ Викторъ въ настоящее время не имѣеть постояннаго мѣстожительства; слышно, что онъ бываетъ частенько и въ Уральскѣ, въ домѣ торговца Симакова, у котораго собственная молельня, гдѣ почти каждодневно совершаются богослуженія, для чего имѣются всѣ необходимыя принадлежности.

Заботясь объ открытии благословенныхъ церквей, Столыпинъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду сосредоточить раскольниковъ, нежелавшихъ переходить въ единовѣріе, въ определенныхъ пунктахъ и подчинить ихъ известному контролю духовной или свѣтской власти, дабы чрезъ то предотвратить пріемъ бѣглыхъ поповъ и постепенно подготовить самихъ старообрядцевъ къ переходу въ единовѣріе или православіе. Но на первыхъ же порахъ обнаружилось, что никольскіе прихожане не только сами не тяготѣли къ единовѣрческой Церкви, а, напротивъ, очень многихъ изъ единовѣрцевъ увлекали въ свою среду, особенно много перешло въ Никольскую церковь изъ прихожанъ уральской Успенской церкви. Съ другой стороны нельзя отрицать и того, что открытие благословенныхъ церквей наносило чувствительный ударъ австрійскому священству, такъ какъ послѣдователи его лишились теперь самыхъ важныхъ и надежныхъ пріютовъ въ Уральскомъ войскѣ: тамъ, гдѣ прежде ихъ принимали и скрывали отъ надзора полиціи, теперь были свои

попы хотя исправленные, но рукоположенные православнымъ епископомъ, австрійское же священство признавалось неправильнымъ.

VII.

Указъ 20 мая 1859 г. о свободѣ богослуженій всѣхъ толковъ, появившійся среди уральскихъ раскольниковъ.—Никольскій единовѣрческій монастырь въ Уральскомъ войскѣ. — Чудотворныя иконы въ Уральскѣ, непризнанныя епархіальною властію.—Пребываніе въ Уральскѣ преосвященнаго Антонія въ юлѣ 1861 г.—Рѣчь Столыпина и результаты его мѣръ по отношенію къ уральскому расколу.—А. П. Безакъ и его отношеніе къ Уральскому войску.—Расколъ въ австрійской іерархіи.—Дѣйствія Софронія въ Москвѣ, Бѣлої Криницѣ и на Уралѣ.—Депутація отъ уральскихъ раскольниковъ въ Москву.—Бѣлокриницкій актъ 8 юля 1868 г. и отношеніе къ нему уральскихъ раскольниковъ.—Рукоположеніе въ епископы Тарасія.—Австрійские попы и поны-самозванцы въ Уральскихъ предѣлахъ.—Перемѣна въ убѣжденіяхъ митрополита Кирилла и покушеніе на его жизнь.—Устройство въ Бѣлої Криницѣ раздорнической киновіи иноокъ.

Въ началѣ іюня 1859 года между уральскими раскольниками появился указъ слѣдующаго содержанія:

„По Высочайшему повелѣнію указъ Его Императорскаго Величества, самодержца всероссійскаго изъ правительствующаго Сената г. управляющему астраханскою губерніей“.

„Правительствующій Сенатъ въ общемъ собраніи слушали положеніе комитета гг. министровъ, относительно исповѣданія старообрядческой вѣры издревле содержащими ихъ потомками, а также и вновь ежегодно размножающимися послѣдователями этой вѣры, какъ это усмотрѣно изъ вѣдомостей, доставляемыхъ правительствующему Сенату. А потому комитетъ гг. министровъ, разсмотрѣвъ догматы, относящіеся до обрядовъ, съ законами Его Императорскаго Величества нашель, что книги какъ стараго завѣта, такъ и новаго послѣдовали отъ писателей по внушенію Св. Духа; то и послѣдователи ихъ если ужъ такъ

крѣпко соблюдаютъ и почитаютъ завѣтъ свой, что, не смотря на всѣ предпринимаемыя мѣры правительства къ искорененію старообрядцевъ и обращенію къ единовѣрію, т. е. къ православной каѳолической вѣрѣ, остаются неудобопреклонными: то должны быть ограждаемы законами Его Императорскаго Величества, въ чемъ и составленъ планъ, относительно старообрядческой вѣры, который былъ на разсмотрѣніи Его Императорскаго Величества, рукою котораго написано: „быть по сему”. — А положеніе комитета гг. министровъ есть слѣдующее: 1) всѣхъ послѣдователей старообрядческой вѣры, содержащихъ таковую до изданія сего положенія, оставить свободными отъ всѣхъ притязаній со стороны правительства, относительно исповѣданія ихъ вѣры; 2) тѣхъ, которые хотя издревле содержали эту вѣру, или же отцали отъ православія, и правительствомъ преданы суду, учинить свободными; 3) въ губерніяхъ, а также въ городахъ и уѣздахъ, гдѣ будутъ послѣдователи этой вѣры въ числѣ не менѣе 500 душъ, дать полную свободу, по ихъ обрядамъ, богослуженія, для чего, по усмотрѣнію гг. начальниковъ губерній, отвести имъ мяста соотвѣтственно, какъ послѣдователямъ Христа Спасителя, на которыхъ бы они могли построить молитвенные дома, гдѣ нѣтъ таковыхъ, и чтобы какъ на новыхъ, такъ и на старыхъ ихъ моленнахъ были отличія, какъ, напримѣръ, крестное знаменіе, по ихъ обряду; 4) вмѣнить въ обязанность старообрядцамъ, чтобы они изъ среды своей общины избрали одно лицо, которое бы во всѣхъ бумагахъ и дѣлахъ подписывалось, какъ настоятель старообрядческой общины (такой-то), и тѣ, которые находятся въ губерніи, обращались со всѣми требами, до таинствъ, по ихъ обрядамъ, относящимися, къ нему одному, и всѣ требы, до богослуженія касающіяся, должны быть отправляемы въ устроенныхъ для сего моленнахъ; для тѣхъ же, которые въ уѣздахъ или городахъ, то это—уже на обязанности этого наставника, по усмотрѣнію своему,

назначать въ томъ городѣ или уѣздѣ, гдѣ находятся старообрядцы, такое же лицо, которое бы могло исполнять трёбы и всѣ таинства, а также какъ настоятелю, такъ и назначенному отъ него въ городахъ или уѣздахъ лицу, вмѣнить въ обязанность, чтобы они всѣхъ находящихся подъ ихъ паствами единовѣрцевъ имѣли вѣдомости бракомъ сочетавшихся и умершихъ, чрезъ каждые полгода доводили бы до свѣдѣнія мѣстной полиціи; 5) надѣтьми, кои окажутся отправившими отъ православія послѣ сего положенія, по произведеніи слѣдствія, не дѣлай ни въ какомъ судебномъ мѣстѣ приговора, прямо въ слѣдствіи представлять отъ лица г. начальника губерніи въ правительствующій Сенатъ.—Сенатъ предписываетъ всѣмъ начальникамъ губерній и вамъ, г. управляющему астраханскою губерніей означенное положеніе комитета гг. министровъ привести въ исполненіе не ранѣе, какъ, по полученіи сего, черезъ годъ, впредь до особаго указа правительствующаго Сената.—20 мая 1859 года”⁽¹⁾.

Кто былъ составителемъ этого указа, неизвѣстно; но на самомъ дѣлѣ такой указъ никогда не издавался, и о немъ никто не знаетъ ни въ Уральскѣ, ни въ Оренбургѣ. Подложность указа очевидна изъ всего его изложенія и содержанія. Онъ составленъ на имя астраханскаго губернатора, который въ то время не имѣлъ уже никакого отношенія къ Уральскому войску. Составителемъ этого указа былъ, конечно, кто-либо изъ послѣдователей раскола, которые и раньше пытались распространять фальшивые указы о свободѣ богослуженія всѣхъ толковъ⁽²⁾, чего такъ желали всѣ раскольники.

Между тѣмъ, Столыпинъ продолжалъ начатое имъ дѣло съ обычной его характеру энергией. Обра-

⁽¹⁾ См. въ архивѣ атам. канцел. Дѣло о построеніи въ Уральскѣ Никольской церкви.

⁽²⁾ Сборн. Попова, вып. V, стр. 268, примѣчаніе. Слич. «Истор. очеркъ австр. свящ.» Монастырева, стр. 36.

тивъ Сергіевскій скитъ въ единовѣрческій монастырь, онъ постарался уничтожить и Митрясовскій скитъ, монахи котораго были переведены подъ надзоръ настоятеля Сергіевскаго единовѣрческаго монастыря, іеромонаха Тарасія.

Мы видѣли, что Столыпинъ, при обращеніи Сергіевской часовни въ церковь, думаль было устроить новый монастырь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ скитъ; но отдаленность Сергіевскаго скита отъ Уральска (¹) могла мѣшать бдительности надзора за братіей: поэтому рѣшено было устроить монастырь поближе къ городу. Въ 12 или 14 верстахъ отъ Уральска къ сѣверо-западу есть небольшой возвышенный полуостровъ, расположенный на правомъ берегу Деркула, праваго притока Чагана, впадающаго въ Уралъ подлѣ самаго города. Этотъ полуостровъ представляеть видъ покатаго къ западу бугра и окруженье почти со всѣхъ сторонъ озеромъ (²), по берегамъ котораго расположены сады Мизинова, Хорошихиной, Акутина, Маркова и другихъ владѣльцевъ изъ лицъ войскового сословія.—На этомъ-то мѣстѣ и былъ застроенъ въ шестидесятыхъ годахъ единовѣрческий Никольский монастырь. Богатый уральскій казакъ Лаврентій Ивановичъ Аржановъ пожертвовалъ, въ обеспеченіе монастыря, 10,000 рубл. сер. Первымъ настоятелемъ этого монастыря былъ іеромонахъ Тарасій, переведенный сюда изъ упраздненнаго Сергіевскаго монастыря - скита, вмѣстѣ съ братіей этого скита. Знавшія Тарасія лица говорятъ, что это былъ человѣкъ суровый, отличавшійся строгостію къ себѣ и къ другимъ. За свою ревность по монастырской жизни онъ былъ удостоенъ Высочайшей награды — золотаго

(¹) Отъ Уральска до мѣста, гдѣ находился Сергіевскій скитъ, считается 110 verstъ

(²) Если бы не было небольшой насыпи, ведущей отъ моста чрезъ р. Деркуль къ монастырскому подъему; то этотъ бугоръ можно было бы назвать островомъ.

наперстного креста. Въ настоящее время въ Никольскомъ монастырѣ состоитъ настоятелемъ архимандритъ Иоанникій (въ мірѣ Іаковъ Донсковъ), бывшій раньше протоіереемъ въ Гурьевѣ городкѣ. Братія монастыря состоитъ теперь изъ четырехъ іеромонаховъ, діакона, двоихъ или троихъ монаховъ и нѣсколькихъ послушниковъ. Одинъ изъ іеромонаховъ (Абраамій) — иного родаецъ, трое — природные уральцы: одинъ изъ дьячковъ единовѣрческой церкви и двое казаковъ.

Все пространство, занимаемое монастыремъ, не превышаетъ 8 десятинъ земли, изъ коихъ около семи десятинъ находится подъ монастырскимъ садомъ. Самый монастырь въ настоящее время обнесенъ каменной стѣной, имѣющей въ длину (отъ запада къ востоку) 60, а въ ширину (отъ сѣвера къ югу) 40 сажень. Внутри монастырского двора, кромѣ келарни и помѣщенія для настоятеля и братіи (¹), находится деревянная двуглавая церковь, освященная въ 1869 г., и страннопріимный домъ, окруженный террасой и состоящій изъ пяти комнатъ, за исключениемъ общаго зала (²).

Въ прежнее время монастырь находился въ вѣдѣніи о. Саввы Севрюгина, а въ настоящее время — въ непосредственномъ распоряженіи настоятеля монастыря, архимандрита Иоанникія, который прилагаетъ всѣ заботы и старанія къ улучшенію монастыря и увеличенію его средствъ, чтобы имѣть возможность, вместо деревянного, воздвигнуть каменный храмъ. Богатый уральский казакъ, Иванъ Васильевичъ Хохлачевъ, умершій назадъ тому годъ съ небольшимъ, пожертвовалъ 15,000 р. сер. на построеніе вновь предполагаемаго каменнаго храма и колоколь въ 182 пуда и 12 ф.

(¹) Всего четыре корпуса (всѣ деревянныя) и двѣ кельи.

(²) Въ каждой комнатѣ находится по двѣ деревянныя кровати; тюфяковъ и подушекъ нѣтъ. Стѣны зала украшены литографированными и фотографическими картинами, преимущественно изъ исторіи Церкви; впрочемъ, есть и картины изъ послѣдней русско-турецкой войны.

Почти одновременно съ основаниемъ Никольской церкви въ Уральскѣ и Никольского единовѣрческаго монастыря, въ 14 верстахъ отъ него, въ домѣ одной урядницы явилась муроточивая икона св. и чудотворца Николая. Когда вѣсть объ этомъ распространилась по городу, назначено было слѣдствіе: изъ Уфы прибыть въ Уральскъ ключарь каѳедральнаго собора о. Даниловъ, который, при содѣйствіи мѣстнаго православнаго духовенства, открылъ подлогъ и приказалъ икону перенести въ Михайло-Архангельскій соборъ. Послѣ этого разнеслась молва, что въ домѣ дьячихи Бирюковой явилась чудотворная икона Божіей Матери; пѣрвуюю іюнь, въ простотѣ сердца, спѣшили поклониться новоявленной святыни. Скоро небольшой домъ Бирюковой не могъ вмѣщать богомольцевъ,—и икону стали носить изъ дома въ домъ, пока не послѣдовало запрещеніе отъ епархиальной власти. Въ настоящее время икона эта, какъ мы слышали, находится въ домѣ ея владѣтельницы. Почти такимъ же уваженіемъ пользуется у старообрядцевъ другая икона Божіей Матери, находящаяся въ часовнѣ на дворѣ дома Меркуриева въ Уральскѣ, на углу Большой и Крестовой улицъ. Многіе, какъ слышно, приходятъ въ эту часовню съ больными дѣтьми и масломъ изъ лампадки, горящеї предъ иконой, помазываютъ больныхъ дѣтей. Эти выдумки, служившія прибыльной профессіей для лицемѣрно набожныхъ казачекъ, какъ бы подготовляли городскихъ жителей къ принятію дѣйствительно чудотворной иконы Казанской Табынской Божіей Матери; но обѣ этомъ—рѣчь впереди.

21 іюля 1861 года посѣтилъ Уральскъ преосвященный Антоній, епископъ оренбургскій и уральскій. Пріѣздъ архіерея, столь обыкновенный въ другихъ мѣстахъ Россіи, въ Уральскѣ имѣлъ особенный смыслъ послѣ тѣхъ важныхъ перемѣнъ и преобразованій въ Уральскомъ войскѣ, которыя были произведены совмѣстными усилиями генерала Столыпина и преосвященнаго Антонія. Архипастырь былъ принять съ ис-

креннимъ радушiemъ уральскими казаками: всюду встречалъ его народъ, не говоря про молодое поколѣніе, успѣвшее уже проникнуться новыми убѣжденіями, но и старики-казаки, представители отжившихъ идей,— все толпились вокругъ архиастыря и съуваженiemъ смотрѣли на его личность, какъ человѣка, который, сочувствуя видамъ правительства, мѣрами кротости и вѣротерпимости помогалъ молодежи воспитываться въ духѣ православной Церкви и религиозно-нравственномъ направленіи. При вѣзѣ въ Уральскъ, преосвященный былъ встрѣченъ на улицахъ густой толпой народа. И стариkъ, и юноша съ одинаковымъ радушiemъ привѣтствовали архиастыря. На слѣдующій день своего приѣзда, т. е. 22 июля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы, преосвященный служилъ литургію въ Крестовоздвиженской церкви, въ приходѣ Маринского сиротского дома. Во время богослуженія церковь была переполнена народомъ, который, за тѣснотою внутри храма, толпался на паперти, вокругъ церкви и войска, собранного на парадъ и расположеннаго подлѣ храма.

На слѣдующій день преосвященный совершилъ освященіе новаго иконостаса въ Александро-Невскомъ соборѣ. Иконостасъ этого собора, отличающійся новымъ стилемъ и рѣдкимъ вкусомъ, устроенъ, какъ было замѣчено выше, на деньги, пожертвованныя покойнымъ купцомъ изъ уральского войска, А. М. Горбуновымъ⁽¹⁾. По окончаніи освященія и литургіи, пр. Антоній былъ приглашенъ на обѣдь, устроенный для него уральскимъ обществомъ.—Во время обѣда, послѣ обычныхъ тостовъ за здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы, наказный атаманъ обратился къ пр. Антонію съ длинною рѣчью. Рѣчь эта хотя и не чужда риторическихъ украшений и нѣкоторыхъ преувеличеній; но она важна въ томъ отношеніи, что въ ней довольно характерно описыва-

⁽¹⁾ А. М. Горбуновъ скончался въ 1873 г. въ Самарѣ.

ются принятыя противъ раскола мѣры. Мы приведемъ ее въ томъ видѣ, какъ она была напечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ“ (¹).

„Вашингтонъ сказалъ, что администраторы и вообще люди политические должны остерегаться слишкомъ много и часто говорить публично, такъ какъ всякое нами сказанное слово имѣть силу слова печатнаго. Я строго слѣдуя этому правилу вѣликаго Вашингтона и потому очень рѣдко говорю публично; но факты, которые ознаменовали пріѣздъ вашего преосвященства въ Уральское войско, до того знаменательны, что я не смѣю умолчать о нихъ. Уральскъ изстари считался гнѣздомъ раскола и всѣ писатели, упоминавшіе о нашемъ краѣ, говорятъ о немъ, какъ объ убѣжищѣ отсталыхъ идей и предразсудковъ. Однако на пути въ это гнѣздо раскола, въ пограничномъ городѣ нашего войска, въ Илекѣ, вы были приняты, милостивый архипастырь, съ рѣдкимъ радушіемъ и толпы народа подходили подъ благословеніе ваше. Однако же въ Уральскѣ, въ самомъ гнѣздѣ раскола, церкви были переполнены, во время отправляемыхъ вами богослуженій. Въ Уральскѣ, въ этомъ убѣжищѣ предразсудковъ и отсталыхъ идей, при народонаселеніи въ 10,000 душъ, 400 мальчиковъ посѣщаются двѣ казенные и четыре частные школы; на скамьяхъ дѣвичьяго училища дочери дворянъ сидятъ рядомъ съ дочерьми простыхъ казаковъ и людей всякаго состоянія и сословія. Всѣ онѣ, равно какъ и ученицы дѣвичьей школы, дѣти богатыхъ и бѣдныхъ, посѣщаются Церковь Божію. Вы останавливались и говорили съ дѣтьми, подходившими подъ ваше благословеніе. Всѣ они знали главныя молитвы и заповѣди Божіи—и все это въ гнѣздѣ раскола!!! Отчего же такое ложное понятіе объ Уральскомъ войскѣ? — Дѣйствительно, Уральскъ былъ гнѣздомъ раскола, былъ

(¹) Русск. Инвалидъ 1861 г., № 181.

темнымъ уголкомъ Россіи; но это было давно—до вост-
шествія на престолъ Государя Императора Александ-
ра Николаевича, до вступленія на оренбургскую ка-
ѳедру вашего преосвященства“.

„Приявъ бразды правленія, непоколебимый въ
своихъ убѣжденіяхъ Царь нашъ постигъ, что Творецъ
вооружилъ его могучимъ оружемъ самодержавія, един-
ственno для блага своихъ подданныхъ, для того, что-
бы стать впереди ихъ и вести къ мирнымъ побѣдамъ
на пути усовершенствованія. Первымъ подвигомъ его
было освобожденіе крестьянъ—и вся Россія, отъ ма-
ла до велика, провозгласила его *Царемъ-Освободите-
лемъ!*—Это наименование, вырвавшееся изъ груди на-
родной, останется за нимъ въ исторіи. Освободивъ
крестьянъ, мудрый Царь понялъ, что совѣсть и ре-
лигіозныя убѣжденія ждутъ также свободы, и вотъ
одной благонадежной мѣрой за другой *начала прекра-
щаться въ отечествѣ нашемъ строгость противъ ста-
рообрядцевъ*“.

„Вы, милостивый архипастырь, свѣтлымъ взглядомъ
своимъ сразу поняли то положеніе, на которое долж-
но стать духовенство въ отношеніи къ расколу. Что-
бы сообразоваться съ видами Государя Императора,
вы чистосердечно вошли въ эти виды; вы поняли,
что миссионерская дѣятельность на новыхъ основані-
яхъ приобрѣтеть силу небывалую; вы даровали ураль-
скимъ старообрядцамъ всѣ льготы, которыя могли да-
ровать, не преступая законовъ Церкви. И чѣмѣ?—
Вы уже теперь, преосвященнѣйший владыко, вкуша-
ете плоды своей благой дѣятельности: всѣ мы, здѣсь
присутствующіе, можемъ засвидѣтельствовать, что ес-
ли храмы Божіи, пустые за три года передъ симъ,
теперь наполнены народомъ; если въ это же время
окрещено болѣе 5000 младенцевъ и взрослыхъ; если
предубѣженіе противъ школъ мало-по-малу уничтожа-
ется: то мы обязаны всѣмъ этимъ снисходительности
и льготамъ, которыя вамъ были внушены вѣротерпи-
мостью и любовью вашей“.

„Съ того времени миновалось и ожесточение старообрядцев противъ православныхъ властей. Первый шагъ сдѣланъ!.. Сліяніе совершается!—Уральцы скоро стряхнутъ съ себя послѣднія лохмотья обетшальныхъ предразсудковъ и, вмѣстѣ съ людомъ русскимъ, будутъ достойны наименованія народа будущности. Мы надѣемся, ваше преосвященство, что этому преобразованію помогутъ намъ архиастырскія молитвы ваши. Мы надѣемся, что Богъ поможетъ вамъ продолжать свое шествие по пути вѣротерпимости, который вы избрали, и потому молимъ Всевышняго, чтобы Онъ даровалъ вамъ многія лѣта!!!“

Преосвященный былъ видимо растроганъ. Онъ благодарилъ атамана Столыпина за содѣйствіе, оказанное ему въ дѣлѣ ослабленія раскола, *относя къ нему большую часть успѣха, имѣвшаго слѣдствиемъ такой благодѣтельный переворотъ въ религіозныхъ убѣженіяхъ уральцевъ.* „*Мое оружіе—молитва*“, заключилъ свою рѣчь взволнованнымъ голосомъ архиастырь. 25 іюля пр. Антоній оставилъ Уральскъ.

Не смотря на сильную привязанность Уральского войска къ старинѣ, ея обычаямъ и порядкамъ, Столыпинъ своими нововведеніями и мѣрами, направленными къ ослабленію раскола, не только не возбудилъ въ войскѣ неудовольствія противъ себя, а, напротивъ, заслужилъ величайшую любовь, уваженіе и добрую память о себѣ среди казаковъ, которые до сихъ поръ съ непрітворною благодарностью и нерѣдко вспоминаютъ А. Д. Столыпина,—имя это, вѣроятно, долго еще не забудется на берегахъ Урала.

Дѣятельность А. Д. Столыпина, дѣйствительно, въ многомъ была полезна для Уральского войска; не прошла она безслѣдно и въ исторіи уральского раскола: Столыпинъ, какъ мы знаемъ, уничтожилъ полу-вѣковое гнѣздо раскола—Сергіевскій скитъ, замѣнивъ его единовѣрческимъ монастыремъ; онъ же наложилъ руку и на другіе скиты въ войскѣ, теперь уже несуществующіе или пошатнувшіеся въ своемъ основаніи.

Благодаря заботамъ и энергіи Столыпина, Уральское войско выстроило шесть новыхъ церквей, при чёмъ болѣе двухъ съ половиною тысячи душъ перешло изъ раскола въ православіе ⁽¹⁾, и крещено до 5000 дѣтей и взрослыхъ, которые могли остаться некрещенными. Столыпинъ положилъ начало народному образованію въ войскѣ; открылъ особое училище для дѣтей духовнаго званія въ самомъ Уральскѣ; не довольствуясь официальными цифрами, онъ, при помощи своихъ агентовъ, привелъ въ извѣстность число раскольниковъ въ войскѣ, наиболѣе близкое къ дѣйствительности; онъ же раскрылъ мѣста пріюта бѣглыхъ поповъ и т. п. Всѣ эти факты на столь знаменательны, что исторія не должна ихъ игнорировать, и будущій историкъ Уральского войска едвали пройдетъ ихъ молчаніемъ.

Въ 1860 году скончался оренбургскій генераль-губернаторъ А. А. Катенинъ, при помощи и содѣйствіи котораго Столыпинъ старался ослабить расколъ въ Уральскомъ войскѣ и вывести послѣднее на путь гражданственности и цивилизациіи. Мѣсто Катенина занялъ генераль-адютантъ Александръ Павловичъ Безакъ, который былъ совершенно иныхъ воззрѣній на Уральское войско: онъ не желалъ его тревожить тѣми или другими преобразованіями и мѣрами ⁽²⁾, направленными къ ослабленію раскола. Понятно, что и Столыпину трудно было теперь продолжать свое дѣло, по принятому имъ плану, такъ-какъ онъ не могъ идти наперекоръ желаніямъ главнаго начальника края. Такимъ образомъ, Столыпинъ долженъ былъ или отказаться отъ принятаго имъ образа дѣйствій, или же оставить свой постъ, — онъ избралъ послѣднее: въ 1862 г. онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а мѣсто наказанаго атамана занялъ генералъ В. Д. Даневиль.

⁽¹⁾ Въ 1860 г. обратившихся было 1368 чел., въ 1861—567 ч., въ 1862 г.—517 ч. обоего пола.

⁽²⁾ Ур. вѣд. 1868, № 6, стр. 5.

Съ объявленіемъ послѣдней турецкой войны, пре-старѣлый севастопольскій герой снова вступилъ въ службу и, по взятію Никополя, былъ назначенъ комендантъмъ этой крѣпости. Вмѣстѣ съ Столыпиномъ вступили въ военную службу и два его сына, изъ которыхъ одинъ едва остался живъ, во время геройской защиты русскими Шипкинскаго прохода.

Съ 1862 года въ средѣ уральскаго раскола начинаются движенія и несогласія, вызванныя появлѣніемъ „Окружнаго посланія“.

Прежде всѣхъ открытымъ врагомъ „Окружнаго посланія“ и его защитниковъ явился лжеепископъ Софроній съ своими приверженцами. При этомъ онъ руководился и многими чисто личными побужденіями, — чтобы производить смуту. Съ 1859—1861 г. Софроній считался заштатнымъ епископомъ, а въ 1861 году, по рѣшенію собора, ему дана была въ управлѣніе Симбирская епархія (¹); въ слѣдующемъ году Софроній самовольно оставилъ Симбирскую епархію, а также и временно вѣренныя ему епархіи: Пензенскую, Тамбовскую и Воронежскую (²). Явившись въ Казань, а потомъ въ Москву, онъ сталъ ходатайствовать, чтобы ему была поручена Казанская епархія, будто бы неимѣвшая епископа (³). Потерпѣвъ неудачу въ этомъ, Софроній пошелъ еще дальше: онъ началъ домогаться права на епископскія дѣйствія повсюду, безъ ограничія и различія епархій (⁴); но ему удалось только получить отъ завѣдывавшаго тогда старообрядческими дѣлами Онуфрія разрѣшительную грамату на епископскія дѣйствія въ тѣхъ епархіяхъ, где не было

(¹) См. «Соборное рѣшеніе бывшему епископу симбирскому Софронію» въ соч. Монастырева: «Истор. очеркъ австр. священства», въ прилож. № 3.

(²) Тамъ же, § 2.

(³) Тамъ же, § 3.

(⁴) Ib. § 5.

епископовъ⁽¹⁾. Заручившись граматой Онуфрія, Софроній заявилъ, что онъ желаетъ оставаться въ Москвѣ, такъ какъ въ ней де епископа нѣтъ⁽²⁾. Московскій духовный совѣтъ потребовалъ отъ Софронія, чтобы онъ оставилъ предосудительный образъ дѣйствій, а грамату, несправедливо данную ему Онуфріемъ, возвратилъ. Софроній не послушался — и грамата была уничтожена особымъ формальнымъ постановленіемъ⁽³⁾. Озлобленный противъ Московскаго духовнаго собора, Софроній, разъѣзжая по старообрядцамъ, „точно песь или волкъ голодный, рыкая на все духовенство русское, вербовалъ себѣ сторонниковъ“, и успѣль расположить въ свою пользу очень многихъ. Когда среди раскольниковъ пошли невыгодные толки объ „Окружномъ посланіи“, Софроній, воспользовавшись этими толками, стала разъевать въ Оренбургскомъ краѣ нелѣпая сужденія о Московскому соборѣ, о духовенствѣ и особенно объ „Окружномъ посланіи“, называя его ересью, нововведеніемъ и предательствомъ „Великороссійской Церкви“. — Желая придать своимъ дѣйствіямъ видъ законности, онъ захотѣль перетянуть на свою сторону и безхарактернаго митр. Кирилла. Съ этою цѣллю Софроній отправился за границу, къ бѣлокриницкому митрополиту, но былъ арестованъ. Послѣ этой первой неудачи, онъ рѣшился предпринять новую поѣздку, и для того, чтобы не быть узнаннымъ, обрѣзаль себѣ волосы перочиннымъ ножемъ, и, пробравшись въ Вѣлую Криницу, стала ходатайствовать предъ митрополитомъ о предоставлениіи ему церковно-іерархическаго управлениія всей Россіей⁽⁴⁾.

Междудѣньемъ, какъ Софроній находился въ Вѣлой Криницѣ, Московскій совѣтъ отправилъ въ Оренбург-

⁽¹⁾ Ib. § 4.

⁽²⁾ Ib. § 4.

⁽³⁾ Ib. § 6.

⁽⁴⁾ Тамъ же, § 9.

скій край Пафнутія, казанского епископа, который долженъ былъ разсѣять „*сатанинские толки*“ Софронія о Московскомъ соборѣ и объ „Окружномъ посланіи“. Пафнутій, впрочемъ, не могъ вполнѣ достигнуть цѣли; ему удалось только рукоположить тамъ двухъ епископовъ: 6 декабря 1862 г. онъ посвятилъ нѣкоторого Савватія въ епископа тобольского, для сибирскихъ старообрядцевъ, а 8 декабря—Константина въ епископа оренбургскаго, для уральскихъ старообрядцевъ. Когда Софронія, по его возвращеніи изъ-за границы, предали соборному суду, и когда отъ лица собора русскихъ епископовъ ему было предложено нѣсколько вопросовъ; то Софроній возвратилъ эти вопросы назадъ и заявилъ, что онъ самый соборъ признаетъ незаконнымъ и пристрастнымъ и, считая себя подчиненнымъ одному митрополиту, не находить нужнымъ отвѣтчать на предложенные ему вопросы. Не смотря на неоднократныя приглашенія явиться на соборъ, Софроній остался при своемъ рѣшеніи (¹), чѣмъ оказалъ явное пренебреженіе къ собору. Такъ какъ Софроній опирался на митрополита; то въ опредѣленіи собора было сказано, что „*Софроній митрополитомъ и сущимъ при немъ соборомъ*“ давно уже изверженъ изъ своего сана. Убѣдившись, что прежнее изверженіе нисколько не вразумило Софронія, а сдѣланное ему снисхожденіе имѣло одни вредныя послѣдствія, соборъ, 29 июля 1863 года постановилъ слѣдующее рѣшеніе: 1) „*Бывшій епископъ симбирскій Софроній, неявившійся по приглашенію на соборъ, на основаніи 74 апост. правила, заочно извергается изъ всякаго священнаго званія и долженъ съ этихъ поръ именоваться только инокомъ Софроніемъ „даже до смерти живота своего“.*“ 2) Если онъ смиренно покорится этому рѣшенію и будетъ вести приличный иноку образъ жизни, то наравнѣ съ про-

(¹) Ibid. § 13.

чиши можетъ быть допускаемъ къ исповѣди и причастію. 3) Если же онъ и послѣ этого будетъ продолжать священнодействовать, совращать другихъ и пораждать раздоры и несогласія, то, на основаніи 28 правила св. апостолъ, „отъ Церкви да отсычетъся“⁽¹⁾. — Это постановленіе собора было подписано архіепископомъ московскимъ Антоніемъ и восьмью епископами⁽²⁾, и утверждено даже митрополитомъ Кирилломъ, сторонникомъ Софронія.— Но соборное осужденіе мало повліяло на Софронія,— и послѣ него онъ продолжалъ совершать священныя дѣйствія: 9 сентября того же (1863) года онъ рукоположилъ въ іереи въ г. Боровскѣ своего діакона Іоанна, а въ декабрѣ постригъ въ иночи Сергія Столбова, названнаго при постриженіи Саввой, который 1 января 1864 г. былъ рукоположенъ Софроніемъ въ священники. Всльдь за тѣмъ Софроній отправился на Ураль, который съ этого времени дѣлается главною резиденціею этого неукротимаго человѣка.

Явившись въ уральскіе предѣлы, Софроній прежде всего постарался удалить тамошняго епископа Виталія. Для достиженія этой цѣли, онъ вошелъ къ нему въ особое довѣріе, и въ короткое время вывелъ всѣ темныя стороны его жизни и дѣятельности предъ „Духовнымъ совѣтомъ“, такъ что „совѣтъ“, не смотря на личность доносчика, не могъ не довѣрить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ его обвиненій— и Виталій былъ удаленъ на покой, подъ предлогомъ будто бы слѣпоты⁽³⁾. — Оставшись на Уралѣ одинъ, Софроній сталъ проповѣдывать ученіе прямо противоположное

(1) Ibid. § 1, 2, 3, стр. 298—299.

(2) Подъ нимъ подписались: Аѳанасій саратовскій, Пафнутий казанскій, Варлаамъ балтовскій, Савватій тобольскій, Онуфрій, Іустинъ, за епископа оренбургскаго Константина подписался іеродіаконъ Викентій, а за Іова кавказскаго—іерей Павелъ.

(3) Сборн. Попова, вып. V, стр. 208. Русск. Вѣстн. 1865 г., мартъ, 337.

ученію, изложенному въ „Окружномъ посланіи“. Онъ говорилъ, что „въ Россіи нынѣ господствующая Церковь вѣруетъ во иного Бога Іисуса, рожденаго осмью годами послѣ Спасителя миру Іисуса Христа; что подъ именемъ Іисуса должно подразумѣвать сына погибели—антихриста; что за царя не должно совершать на святой прокомидіи приношеніе, яко за служителя антихристова; что епископы, издавшіи и пріимшіи „Окружное посланіе“, отступили отъ истинныя вѣры, виали въ ересь и суть горше аріанъ; и что, наконецъ, въ „Окружномъ посланіи“ заключается 120 ересяй“⁽¹⁾.

На первыхъ порахъ это новое учение заняло головы многихъ уральскихъ раскольниковъ; пошли разные толки и споры; явились окружники и противоокружники, или раздорники. Между тѣмъ, Софроній, не смотря на рѣшеніе собора, продолжалъ священнодѣйствовать и совершать епископскія дѣйствія. Вскорѣ, по своемъ прибытии въ Уральскъ, онъ рукоположилъ въ священники иѣкоего Козьму. Узнавъ о новыхъ продѣлкахъ Софронія, соборъ опредѣлилъ: 1) „Изверженаго епископа Софронія, дерзнувшаго и по изверженіи совершать святительскія дѣйствія, отъ Церкви отлучить и съ нимъ, какъ съ отлученнымъ, всѣ православные христіане въ моленіи да не совокупляются. 2) Всѣ учиненные Софроніемъ послѣ изверженія дѣйствія признаются недѣйствительными, и поставленные имъ во священники лица отъ сана да будутъ обнажены и должны считаться въ томъ званіи, въ какомъ были до посвященія; если же оставшіеся изъ нихъ въ живыхъ Савва и Козьма, по объявленіи имъ настоящаго опредѣленія, позволятъ себѣ священодѣйствовать, то будутъ подвергнуты отлученію“. — Это опредѣленіе собора подписали: Антоній московскій и владимірскій, архимандритъ Евфросинъ

(1) Совр. Лѣт. 1867 г., № 22.

и монахъ Антоній,—довѣренные митрополита Кирилла,—а также: Пафнютій казанскій, Варлаамъ балтовскій и Аркадій славскій, экзархъ некрасовцевъ. Но и это опредѣленіе не испугало и не смирило Софронія: три раза низверженный соборомъ и наконецъ отлученный отъ Церкви онъ по прежнему продолжалъ дѣлать, что ему было угодно, а его приверженцы видѣли въ немъ епископа, и признавали поставленныхъ имъ поповъ за „истовыхъ“.

Но своевольный образъ дѣйствій и попраніе Софроніемъ всѣхъ опредѣленій собора вооружили противъ него болѣе здравомыслящихъ изъ уральскихъ раскольниковъ; особенно послѣдніе были возмущены нелѣпымъ ученіемъ Софронія объ имени *Iucusъ*. Нѣкоторые обратились было за разъясненіемъ своихъ сомнѣній къ садовской игуменѣ Порфирию и къ начетчику—казаку С. Л. Истомину; но попытки были напрасны: ни Порфирия, ни Истоминъ не могли дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ на вопросы „сумнящихся“. Внутреннее беспокойство совопросниковъ усилилось еще болѣе, когда они столкнулись съ противниками австрійского священства, изъ которыхъ особенно выдѣлялся начитанностью и діалектикой Хрисанфъ Исаевъ, иконописецъ изъ города Николаева Самарской губерніи. Исаевъ въ спорѣ съ австрійцами, между прочимъ, указывалъ на то, что Амвросій—грекъ, а Арсеній Сухановъ въ своемъ „Проскинитарії“ замѣчаетъ, что онъ былъ въ Греціи и истинной вѣры тамъ не нашелъ. „Греція,— доказывалъ Исаевъ,— отпала отъ православной вѣры, во время нашествія на Царьградъ турокъ. Когда греки обратились за помощью къ папѣ; то онъ предложилъ имъ три условія: 1) обливательное крещеніе, 2) трехперстное сложеніе, и 3) хожденіе безъ креста; греки согласились и получили помощь противъ турокъ. Между тѣмъ въ „Кормчай“ прямо сказано, что *крещеніе должно совершаться чрезъ погружение въ воду*, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа; поэтому „Кормчая“ и „Филаретовъ потребникъ“ совѣту-

ютъ обливанцевъ перекрещивать, а Амвросій — обливанецъ". Доводы Исаева вселили большое сомнѣніе въ нѣкоторыхъ приверженцевъ австрійскаго священства на Уралѣ. Подъ вліяніемъ этихъ сомнѣній, двое австрійцевъ: М. Е. Блиновъ⁽¹⁾ и Смирновъ отправились, въ качествѣ депутатовъ, въ Москву, чтобы разузнать истину. Явившись въ Москву, они посѣтили въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета и Пафнутія, епископа коломенскаго; послѣдній бесѣдовалъ съ уральскими гостями всю ночь и успокоилъ ихъ слѣдующимъ образомъ: показавъ имъ „Кормчую“ Іосифовской печати, онъ нашелъ то мѣсто, где говорилось о посвященіи русскихъ патріарховъ: Филарета и Іова патріархами іерусалимскимъ и константинопольскимъ; прочитавъ это мѣсто, Пафнутій спросилъ: „нашествие турокъ на Царьградъ было за 400 лѣтъ до нашего времени, а у насъ патріархи были не болѣе 250 лѣтъ тому назадъ; слѣдовательно, и наши патріархи тоже обливанцы?!“—Совоцросники не знали, что отвѣтить, и совершиенно успокоились. Блиновъ пожелалъ принять отъ Пафнутія муромазаніе, въ духѣ австрійской іерархіи, что епископъ и совершилъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Смирновъ же былъ „исправленъ“ послѣ, по возвращенію въ Уральскъ, инокомъ Израилемъ. При своемъ отѣздѣ изъ Москвы, они получили отъ Пафнутія будто бы св. тайны, въ видѣ порошка, а по прибытии въ Уральскъ должны были, по совѣту того же Пафнутія, обратиться за священникомъ, который бы могъ исправлять ихъ „духовныя нужды“, къ садовской игуменѣ—Порфирию⁽²⁾.

⁽¹⁾ М. Е. Блиновъ переселился въ Уральскъ, лѣтъ 20 или болѣе тому назадъ, изъ деревни Кочемы Георгіевскаго уѣзда Рязанской губерніи; впослѣдствіи онъ перешелъ въ православіе и доселе проживаетъ въ Уральскѣ.

⁽²⁾ Такъ передавалъ намъ о своемъ путешествіи самъ М. Е. Блиновъ, который нѣредко бывалъ у насъ и любилъ бесѣдовать о предметахъ вѣры.

Междъ тѣмъ „богохульное“ ученіе Софронія и послѣ этого не давало покоя многимъ изъ уральскихъ раскольниковъ австрійского толка. Въ первой половинѣ мая 1866 года, въ Москву явились снова нѣкоторые изъ „благоразумныхъ христіанъ уральскихъ“, которые, будучи возмущены нелѣпымъ ученіемъ Софронія, намѣрены были повѣдать о томъ собору „боголюбивыхъ епископовъ“. Послѣдніе, выслушавъ изъ устъ уральскихъ христіанъ ученіе Софронія, признали его „ложнымъ и богопротивнымъ“. Узнавъ, что Софроній находился въ это время въ Москвѣ, они предложили уральцамъ пригласить Софронія на „соборное разглагольствіе о его лжеученії“; или, если онъ самъ не пойдетъ, просить его, чтобы онъ „поручилъ кому-либо за себя глаголати“. Софроній, какъ и слѣдовало ожидать, самъ отказался явиться на „соборное разглагольствіе“, а предложилъ, вмѣсто себя, пригласить Давыда Антипова. о коемъ заявилъ, что Антиповъ даже болѣе его знаетъ, что онъ скажетъ, то все будетъ свято, и что онъ во всемъ съ нимъ согласенъ. При этомъ Софроній высказалъ довольно оригинальное сужденіе о составителяхъ „Окружного посланія“: „посланіе,—говорилъ онъ,—составлено не нашими—*гдѣ имъ такъ написать!* Его составляли четыре человѣка студенты, кои, по вся вечеры къ нимъ приходяще, цѣлыми ночи просиживая, писаху, и написаша множество бумагъ, вѣсомъ болѣе пуда, и отъ тѣхъ составиша посланіе, а прочая вся, боящеся свѣтскаго начальства, въ рѣку ввергоща. А студенты-то знаете кто? — безбожники! Они составили посланіе, и отъ нихъ можетъ-ли что добро быти!“ Уральцы, по указанію Софронія, обратились къ Давыду Антипову, который охотно принялъ вызовъ на состязаніе. Начались „соборные разглагольствія“, продолжавшіяся въ теченіе семи дней; Антиповъ оказался самымъ закоренѣлымъ фанатикомъ противо-окружникомъ: мнѣнія, какія онъ развивалъ на разглагольствіи, въ сущности, тѣ же самыя, какія

проводить и Софроній ⁽¹⁾. Затѣмъ, какъ извѣстно, мнѣнія Софронія и Давида Антипова были утверждены Кирилломъ, а „Окружное посланіе“ предано осужденію; между тѣмъ въ Москвѣ появился новый Антоній, — епископъ противокружниковъ, и такимъ образомъ согласіе австрійскаго священства формально распалось на двѣ секты.

Хотя „Окружное посланіе“ было осуждено верховнымъ владыкою старообрядческаго мѣра; но это не измѣнило убѣждений окружниковъ. Между тѣмъ Софроній отправился въ Калугу, въ качествѣ проводника понятій противныхъ „Окружному посланію“, и какъ бы предъявителя московскихъ и бѣлокриницкихъ опредѣленій раздорниковъ. Прибывши въ Калугу, онъ предъявилъ бѣлокриницкій актъ, и сталъ требовать, чтобы окружники шли къ нему за прощеніемъ ⁽²⁾). На это ему отвѣчали: „когда наша рѣка Ока возвратитъ свои струи вспять, тогда и мы пойдемъ за прощеніемъ къ Софронію: отъ клятвопреступниковъ прощенія не просятъ... Они хотятъ насъ приписать подъ чинъ ⁽³⁾; кто же изъ насъ отдался отъ соборной Церкви, мы или они? — Мы ереси за собой никакой не видимъ; не намъ у нихъ просить прощенія... Если нашли ересь въ „Окружномъ посланіи“, пущай укажутъ... Тамъ (на соборѣ) 8 июля благодать не была, а что Давыдъ (Антиповъ) говорилъ, а митрополитъ подтверждалъ... Святитель чужимъ умомъ проживаетъ“ ⁽⁴⁾.

Не менѣе поражены и возмущены были раздорническими опредѣленіями и на Уралѣ. Еще въ то время, когда происходило московское разглагольствіе

⁽¹⁾ Подробности см. въ «Истор. очеркѣ австр. священства» Монастырева, стр. 155. и «Совр. Лѣтн.» 1867 г., № 22.

⁽²⁾ Софроній по бѣлокриницкому акту снова получилъ званіе епископа, вопреки всѣмъ раньше состоявшимъ постановленіямъ старообрядческихъ соборовъ.

⁽³⁾ Т. е. принимать какъ еретиковъ.

⁽⁴⁾ Совр. Лѣт. раск. 1869, стр. 103, 201 въ прилож.

Давыда Антипова, инокини уральского Садовского скита обратились съ письмомъ къ одному изъ известныхъ московскихъ старообрядцевъ, прося его увѣдомить о результатахъ совѣщаній окружниковъ и раздорниковъ. Исполняя ихъ желаніе, И. П. Б—въ, въ домѣ котораго происходили совѣщанія, писалъ въ Садовской скитѣ: „Никакого мира нѣть и быть не можетъ; никакой здравомыслящій человѣкъ не рѣшится принять такой беззаконный миръ и подвергнуть себя проклятию. Пусть они (т. е. раздорники) остаются проклятыми. Они постановили, что кто будетъ съ окружниками пить, есть и вкушать Богу молиться, тотъ да будетъ проклять; а сами съ окружниками на поминкахъ, въ гостяхъ, и пьють, и єдятъ, и на кладбищѣ (Рогожскомъ) вмѣстѣ Богу молятся. Ясно, что они сами себя предали проклятию“⁽¹⁾. — Игуменья Садовского скита Порфирия сообщила инокинямъ, что Софоній отправился въ Москву на соборъ; почему садовскія обитательницы интересовались знать, какую роль будетъ играть на соборѣ ихъ уральскій „златоустъ“, владыка Софоній. „Еще вы пишете, — отвѣчалъ имъ на это Б—въ, — что Софоній, какъ сказывала вамъ Порфирия, уѣхалъ въ Москву на соборъ; слухи есть, что будто бы въ Москвѣ, но не на соборѣ, а развѣ сидѣть подъ разборомъ, придумывается, какъ лучше сотворить какую-нибудь пакость и врагу угодить, — онъ на то и рожденъ“⁽²⁾. — Намъ неизвестно, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ отвѣтъ на садовскихъ монахинь, поклонница Софонія; но только онъ не помышлялъ ему и послѣ того пребывать въ ихъ трущобахъ и пользоваться ихъ гостепріимствомъ. Громы проклятий Московскаго собора и невыгодныя мнѣнія о Софоніи окружниковъ, подобныхъ Б—ву, оказывались недѣйствительными относи-

⁽¹⁾ Ур. в. вѣд. 1870 г.; № 26. Годъ сего открытия. Т. ⁽²⁾

⁽²⁾ Ур. в. вѣд. 1870 г., № 26. Годъ сего открытия.

тельно Бѣлогорскихъ трущобъ (¹), и въ ихъ *темныхъ* уголкахъ попрежнему совершились *темные* дѣла (²).

Затѣмъ, когда вопросъ объ „Окружномъ“ быль перенесенъ уже за границу, со стороны уральскихъ раскольниковъ не разъ раздавались жалобы на несправедливыя опредѣленія относительно „Окружнаго посланія“ и на невозможность примиренія съ такими мнѣніями, каковы были мнѣнія противокружниковъ. Въ началѣ сентября 1868 года уральскіе окружники писали въ Москву: „за границей изданъ мирный актъ, но въ немъ ни слова не упомянуто о Кирилловомъ и прочихъ лжеученіяхъ; слѣдовательно, о семъ ученіи на соборѣ за границей не было никакого вопросу къ митрополиту Кириллу; должно быть оно и осталось при нихъ. О Боже! избави насъ таковыхъ лжеучителей, аще не покаются. Всѣ мы радуемся добромъ миру, ведущему ко спасенію, а если будемъ мириться о нарушеніи истины, то зловредно есть; а видится, что таковой миръ и начинается сейчасъ. Итакъ нынѣ многіе сему начинаемому неистинному миру не радуются, а желаютъ благаго, праваго, истинѣ непротивнааго мира, дабы всѣ мы вообще неуклонно держались тѣхъ постановлій, какъ было двѣsti лѣтъ тому назадъ. Вся тая преданія, ученія имѣть всѣмъ единодушно; а не такъ мудрствовать, что Госусть—инъ богъ, антихристъ;.. что онъ осмью годами моложе Христа, и что онъ распять на крестѣ четвероконечномъ“ и проч.

„Лишь одни безпоповцы такъ учили,
И по достоинству себѣ награду получили.
Они всего благодатнаго закона лишились,
И до конца въ своей ереси утвердились.“

(¹) Бѣлогорскія трущобы, вѣроятно, — псевдонимъ садовскихъ скитовъ, такъ какъ самъ Уральскъ называется иногда „Бѣлогорскъ“ (отъ мѣстности — *Бѣлыя горки*, расположенной на западъ отъ города), подобно тому какъ, напримѣръ, Казань называется „Черноозерскъ“, Симбирскъ — «Приполжскъ» и т. п.

(²) Ур. вѣд. 1870 г. № 35.

Вотъ до чого доводятьъ отступленья
Отъ праваго ученья!...

Теперь какъ будемъ мириться съ ними
Когда не раскаиваются въ лжеученіи, изданомъ ими⁽¹⁾.

Въ то же самое время австрійскій попъ Павель Биряевъ, обратившійся послѣ въ единовѣріе ⁽²⁾, изложилъ въ стихахъ свое соболѣзвованіе объ уничтоженіи „Окружнаго посланія“.

Это стихотвореніе озаглавлено „*Плачъ окружнаго посланія*“; оно помѣщено въ сочиненіи г. Монастырева: „Историческій очеркъ австрійскаго священства“ ⁽³⁾; но мы считаемъ нeliшнимъ привести его и здѣсь, какъ выраженіе неподдельныхъ чувствъ одного изъ уральскихъ окружниковъ:

„О братія моя, братія! пойдемъ-ти-ка мы,
Моя братія, во царскій градъ Москву;
Посмотримъ-ти-ка мы, братія,
Благочестивыхъ изложеній терзанія.
Вонмемъ-ка мы, братія,
Окружнаго посланія рыданія.
Горько оно рыдаетъ,
Погибель чадомъ своимъ отъ злыхъ исовъ смотряеть;
Изъ рукъ-бо его пять лѣтъ дѣтей терзали,
Нынѣ же едва не въ конецъ его прокляли.—
„О горе мнѣ!“ вопіеть оно ко мнѣ.
„Пси на мя возсташа,
Пять лѣтъ мене терзаша,
Нынѣ же милыхъ чадъ моихъ отняша,
И едва не въ конецъ меня еретици прокляша!....
О горе мнѣ, свѣтъ ученія гдѣ?
Мои присны въ путь нечестія бѣжали,
Клятвой благочестію угрожали.
О бѣды, о бѣды! торжествуетъ веліарь
Въ томъ, что многихъ онъ поймалъ.“

⁽¹⁾ Совр. Лѣт. 1869 г., стр. 196—197 въ прилож.

⁽²⁾ Объ его обращеніи будетъ сказано дальше, въ VIII гл. наст. очерка.

⁽³⁾ Смотр. въ прилож. № 4, стр. 299—304.

О горе мнѣ, мили чада гдѣ?
 Господи, сколько я ихъ ни держало;
 Но само клятвы не избѣжало!
 О горе мнѣ, свѣтъ Аркадій-то гдѣ?
 Былъ онъ благочестивъ,
 Теперь же стала нечестивъ.
 О горе мнѣ, Варлаамъ и Савватій гдѣ?
 Однѣ въ Богу преселился,
 Другой въ крѣпость заключился.
 О святіи мужи! посмотрите на мя,
 И хоть ты, владыко Савватій, о мнѣ потужи!
 Меня въ третіе разбираютъ,
 Аки зміи, пси терзаютъ;
 Непротивно, что разбираютъ,
 Но ужасно—проклинаютъ.
 О горе мнѣ, о горе мнѣ,
 Владыко Пафнутій гдѣ?
 Только однѣ онъ свѣтъ остался
 И за истину твою, Господи, съ Антишемъ сражался.
 Наконецъ же угоньзнули,
 За границу шагъ шагнули
 И прокляли меня тамъ.
 О горе мнѣ, свѣтъ ученія и истины гдѣ?
 Теперь что же говорять?—
 Крестъ Христовъ прохлясть велять.
 Но на семъ они не стали,
 А Пресвятую Богородицу антихристородицею обозвали.
 О проклятые они, всѣ съ ума они сошли.
 У нихъ всякий не пророкъ,
 А говоритъ, чтотъ Іисусъ—иной богъ.
 О лютый звѣрь пантеръ,
 Съ ученіемъ изъ ада прилетѣль.
 И что дѣлать теперь стану?—
 Молиться Богу не престану.
 Господь вѣрныхъ не оставитъ,
 Но на разумъ ихъ наставить,
 И Богъ мира будетъ съ нами,
 Обличить невѣждовъ нами.
 Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!“ (¹)...

Между тѣмъ, какъ истинные окружники оплакивали такъ жалобно свою судьбу, Софроній торжествовалъ и продолжалъ раздавать на Уралѣ дары мнимой благодати священства, безцеремонно эксплуатируя довѣрчивыхъ изъ казаковъ въ свою пользу; впрочемъ, дѣло не обошлось безъ скандаловъ. Нѣкто Тарасій былъ рукоположенъ Софроніемъ въ іеромонахи; но при этомъ ставленной граматы Софроній ему не далъ, почему многіе уральскіе раскольники не хотѣли признавать Тарасія за іеромонаха. Узнавъ, что Софроній находится въ Бѣлогорскихъ трущобахъ⁽¹⁾, Тарасій явился къ нему съ просьбой о выдачѣ граматы. Софроній объявилъ просителю, что онъ желаетъ рукоположить его въ санъ архіерея и назначить своимъ намѣстникомъ. Заручившись на это согласіемъ одной только игумены Садовскаго скита—Порфирии, Софроній распорядился, чтобы рукоположенный имъ дьяконъ Пименъ⁽²⁾ написалъ орла (подножіе архіерея) и къ назначенному времени, вмѣстѣ съ попомъ Назаріемъ, явился въ Бѣлогорскъ. Приказаніе было исполнено: казаки А—мъ Т—въ и И—чъ Д—въ вскорѣ привезли Софронію написанного Пименомъ орла и спросили, когда онъ велить явиться самимъ—Пимену и Назарію, для рукоположенія Тарасія; Софроній заявилъ, что рукоположеніе Тарасія отложено имъ до другаго времени. Посланные возвратились во свояси и сообщили о томъ Назарію и Пимену. Дорогой, казакъ А. Т—въ встрѣтилъ свою жену и дочь, которая ѿхали въ трущобы, чтобы посмотретьъ на посвященіе Тарасія въ архіереи. Т—въ передалъ имъ, что Софроній отложилъ рукоположеніе Тарасія до другаго времени. Выслушавъ его, онъ всетаки пожелали посѣтить Трущобы, резиденцію Софронія: „я почти уже доѣхала,—отвѣ-

⁽¹⁾ Псевдонимъ садовскихъ скитовъ.

⁽²⁾ Пименъ былъ посвященъ 3 февр. 1868 г. См. Урал. в. вѣд. 1870 г. № 14.

чала жена Т—ва,—что же ворочаться?!—лучше доѣду и повижусь со владыкой и матерью Порфирием“.—Раставшись съ мужемъ, В—а Т—ва прѣѣзжаетъ съ дочерью въ Бѣлогорскія трущобы и, къ своему удовольствію, узнаетъ отъ Порфирия, что владыка назначилъ совершилъ рукоположеніе Тарасія въ этотъ день. Когда Т—ва передала Порфирию свой разговоръ съ мужемъ; то игуменья Порфирия замѣтила: „*владыка паки вздумалъ*“.—Какъ же отцовъ-то Кузьму, Назарія и Пимена о томъ не извѣстили,—возразила Т—ва,—надо ихъ пригласить, вѣдь они дожидаются“!—„Нѣть!“ отвѣтила Порфирия,—владыка разсудилъ все сіе совершилъ *потише*, безъ нихъ, онъ такъ говорилъ мнѣ: „ну, мать, намъ больше никого ненужно; ты пригласи инокинь, чтобы *васъ было 12 числомъ, аки 12 апостоловъ со Христомъ*; еще здѣсь есть діаконъ Іоаннъ, при сихъ и совершу я рукоположеніе“.—Дѣйствительно Софоній такъ и поступилъ; но тутъ-то корыстолюбіе и попутало мздоимца Софонія.

При рукоположеніи Тарасій вспомнилъ, что при немъ былъ бумажникъ съ деньгами; не желая, по выражению раскольниковъ, быть „*поставленнымъ на мзды*“, Тарасій вынулъ бумажникъ и отдалъ его на сохраненіе Порфирию, а она передала его Софонію. Новопоставленный епископъ и не думалъ, что его бумажникъ и деньги, которыхъ была значительная сумма, навсегда останутся у безсудного Софонія и его пріятельницы—Порфирия. Когда рукоположеніе было кончено, Софоній отказалъ Тарасію въ выдачѣ архіерейской граматы: „*здѣсь, — замѣтиль Софоній, — не мѣсто выдавать такой документъ; мы напишемъ его въ Москвѣ вмѣстѣ съ Антоніемъ*“ (¹).

Съ надеждой на полученіе граматы, безъ денегъ и бумажника, уѣхалъ новый епископъ Тарасій изъ Бѣлогорскихъ трущобъ. Пропшелъ почти цѣлый годъ, а

(¹) Антоніемъ 2, раздорническимъ епископомъ.

Тарасій все ждалъ окончательного о себѣ распоряженія и ставленной граматы. Между тѣмъ Софроній, разсмотривая бѣлокриницкій актъ 8 іюля 1868 г., обратилъ внимание на третій пунктъ этого акта, въ которомъ говорилось: „*а епископъ Софроній остается въ своемъ санѣ епископа*“. Вспомнивъ при этомъ, какъ отцы собора отнеслись къ рукоположенному имъ во всероссійскаго патріарха иноку Израилю, Софроній, опасаясь еще худшихъ послѣдствій за самовольное рукоположеніе Тарасія, рѣшился заблаговременно уничтожить данный имъ Тарасію санъ архіерея, какъ своего намѣстника; но для этого нуженъ былъ какой-либо благовидный предлогъ: Тарасія обвинили въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ онъ кропилъ св. водой, взятой имъ отъ окружниковъ, а, по мнѣнію Софронія и Порфирия, ограбившихъ Тарасія, это одно было уже великою ересью; почему они признали Тарасія заслуживающимъ не только запрещенія священнодѣйствовать, но и окончательного лишенія сана.

Тарасій, ничего не подозрѣвая, явился въ Бѣлогорскія трущобы за полученіемъ архіерейской граматы; Софроній въ это время находился у Порфирия. Мать игуменья, спрятавши владыку за занавѣсъ, объявила Тарасію, что владыки нѣтъ и, вместо граматы, показала ему будто бы присланный Софроніемъ изъ Москвы документъ, въ которомъ Софроній налагалъ на своего намѣстника запрещеніе и грозилъ окончательнымъ лишеніемъ сана. Видя такой исходъ дѣла, Тарасій обращается съ жалобой на Софронія и Порфирию къ попечителю А. Т—ву, жена котораго присутствовала при посвященіи Тарасія въ епіскопы. Т—въ и другіе были поражены такой продѣлкой Софронія; но дѣлать было нечего: жаловаться на *безсуднаго и безстрашнаго епископа* было некому, а предавать огласкѣ такое дѣло, которое могло скомпрометировать ихъ уральского „златоуста“, было бы рисковано, въ видахъ безукоризненности старой вѣры и ея приверженцевъ. Чтобы нѣсколько успокоить не-

счастнаго и ограбленнаго Тарасія, они приняліи его съ подобающею честью, какъ епископа, и просили у него благословенія. Между тѣмъ попъ Козьма, рукоположенный Софроніемъ, получилъ отъ послѣдняго предписаніе, гласившее, что „Тарасій запрещенъ и достоинъ изверженія изъ священнаго сана за то, что бралъ у окружниковъ св. воду“; почему Козьма сдѣлалъ строжайшій выговоръ Т — ву и другимъ, что они осмѣлились принять Тарасія какъ архіерея; послѣдніе заявили, что они не знали о наложенномъ на Тарасія запрещеніи. Тарасій представилъ съ своей стороны доказательства того, что онъ не знаетъ за собою никакой вины и прѣхаль въ Бѣлогорскъ только за тѣмъ, чтобы покончить свое дѣло съ Софроніемъ, рукоположившимъ его въ архіереи. Однако же, несмотря на всѣ доводы Тарасія, Козьма, Назарій и Пименъ отказались признать его архіереемъ, ссылаясь на то, что они не видѣли его посвященія въ санъ епископа. Тарасій сослался на 12 иноокинь, бывшихъ при его посвященіи; но иноокини, предупрежденныя Софроніемъ и Порфирией, единогласно заявили, что онъ никакой хиротоніи надъ Тарасіемъ не видали; одинъ діаконъ Пименъ не могъ отказаться отъ написанного имъ, по приказанію Софронія, орла. Впрочемъ, когда это дѣло огласилось, нашлось немало лицъ, которые пожелали прервать всякия спошенія съ Софроніемъ и его пріятельницей Порфирией⁽¹⁾; а Тарасій, несмотря на запрещеніе отъ Софронія, незаконно епископствуетъ на Уралѣ до настоящаго времени, какъ и рукоположившій его⁽²⁾ Софроній, неимѣющій опредѣленной епархіи.

Въ то время, какъ въ Бѣлой Криницѣ, Москвѣ и Гуслицахъ шли жаркіе диспуты между окружника-

(1) Ур. в. вѣд. 1870, № 5.

(2) Церковно-общ. Вѣстн. 1875 г., № 4.

ми и раздорниками, австрійскіе попы спѣшили воспользоваться своимъ положеніемъ, какъ весьма выгодной профессіей: они разъѣзжали по отдаленнымъ уголкамъ старообрядческаго міра и старались усердно стричь волну съ простодушныхъ овечекъ, питаюсь и отъ млечка ихъ, указывая на то, что „насущему стадо подобаетъ и отъ млечка ясти“.—Въ одну изъ казачьихъ станицъ прїезжаетъ разъ австрійскій попъ Павель. Слухъ объ его прїездѣ быстро облетѣлъ всю станицу, а въ желающихъ крестить дѣтей, вѣнчаться, исповѣдываться и причащаться недостатка не было: почти все населеніе станицы состояло изъ раскольниковъ. Раньше этого обязанности попа въ станицѣ исполнялъ одинъ стариkъ изъ мѣстныхъ жителей. Предположивъ въ Павлѣ опаснаго конкурента, попъ-стариkъ заявилъ объ его прїездѣ становому приставу, который вскорѣ съ понтыми окружилъ тотъ домъ, гдѣ находился попъ Павель и куда собрались раскольники; послѣдніе заперли двери и отка-зались впустить пристава. Становой приказалъ огнить домъ карауломъ; попытка нѣкоторыхъ убѣжать чрезъ окна и дымовую трубу кончилась безуспѣшно: вездѣ были часовые. Видя безвыходное положеніе, члены собранія стали придумывать, какъ бы скрыть улики и не выдать своего духовнаго отца, въ случаѣ обыска и производства слѣдствія. Прежде всего нужно было куда-нибудь припрятать священные принадлежности: раскольники разобрали въ сѣняхъ полъ, вырыли яму, вещи положили въ нее и зарыли; зарытая яма была заставлена кадками и прочей домашней утварью. Чтобы скрыть или замаскировать своего попа, раскольники порѣшили остричь ему волосы, что тотчасъ и было сдѣлано; но принятый раскольниками мѣры предосторожности не достигли желаемыхъ результатовъ. Опытному приставу удалось открыть священные вещи и узнать остриженного попа Павла. При допросахъ Павель сначала назывался елабужскимъ мѣщаниномъ, а

потомъ заявилъ, что онъ не *попъ* и не мѣщанинъ, а просто—*солдатъ*, и что его зовутъ не Павломъ. Когда стали допрашивать другихъ, захваченныхыхъ въ домъ, оказалось, что въ числѣ ихъ были жители Илецкой Защиты и между ними, какъ говорятъ, одинъ чиновный тузъ, который на вопросъ пристава: для чего онъ тутъ—отвѣтилъ: „по торговымъ дѣламъ“. — Не смотря на то, что становой запретилъ ему выѣздъ изъ станицы, онъ постарался скрыться; посланная за нимъ погоня не могла его поймать. Чѣмъ кончился арестъ попа Павла и захваченныхыхъ съ нимъ раскольниковъ, намъ неизвѣстно. Изъ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостей (¹), между прочимъ, видно, что Павелъ нерѣдко посещалъ уральскихъ раскольниковъ, среди которыхъ онъ имѣлъ немало приверженцевъ, и вельзъ полемику о дѣлахъ вѣры съ Е. С. С., лицемъ очень авторитетнымъ между уральскими старообрядцами. Недовольный воззрѣніями Павла на дѣла и вопросы вѣры, а также и тѣмъ, что Павелъ огласилъ какое-то письмо, Е. С. С. написалъ Павлу особое письмо, въ которомъ изъявлялъ свое неудовольствіе и, будучи самъ противникомъ поповщинской секты, старался расположить къ тому же и Павла. Изъ письма Е. С. С. также видно, что, по случаю ареста Павла, произошелъ довольно крупный скандалъ среди удальскихъ старообрядцевъ, въ чемъ Е. С. С. и обвиняетъ Павла: „Публикація ваша того ли хотѣла,—писаль онъ Павлу,—что *Никита Ивановичъ*, взявъ *Хрисанфа Исаича* за волосы съ одной стороны, а *Федоръ Устиничъ*—съ другой, тянули каждый къ себѣ, такъ что у него—глаза подѣ лобъ“.

Подобные случаи, когда простой искатель приключений разыгрывалъ роль попа, стараясь набить себѣ карманъ, бывали нерѣдко среди уральскихъ старообрядцевъ. Въ одинъ изъ казачьихъ форпостовъ яв-

(¹) 1870 г., № 21.

ляется однажды неизвестный человѣкъ, выдававшій себя за попа; къ нему спѣшать исповѣдываться, причащаться, крестить дѣтей и т. п.; загадочный попъ собираетъ большую сумму денегъ и скрывается. Всльдь за нимъ прїѣзжаетъ другой попъ и увѣряетъ жителей форпоста, что у нихъ былъ „*попъ неистовый*“, и что они могутъ загладить свои грѣхи не иначе, какъ принявъ отъ него „*исправу*“. — Многіе, не желая „*оставаться во грѣхѣ*“, пришли за исправлениемъ къ „*истовому*“ попу, который, получивъ приличное вознагражденіе, также поспѣшилъ скрыться. Послѣ обнаружилось, что оба попа были самозванцы, умѣвшіе пользоваться обстоятельствами для собственной наживы. Еще характеристичнѣе слѣдующій случай: прїѣзжаетъ въ одну станицу человѣкъ, на видъ очень почтенный, и объявляеть, что онъ австрійскій священникъ. Когда къ нему явилось нѣсколько человѣкъ, желавшихъ исповѣдываться и причащаться, осторожный попъ совершать какія-либо таинства или требы въ самой станицѣ не рѣшился, а назначилъ день, въ который желающіе должны были выѣхать въ поле. Въ назначенный день нѣсколько человѣкъ собралось въ указанномъ мѣстѣ; нѣкоторые явились съ дѣтьми, чтобы надѣй послѣдними было совершено крещеніе. Такъ какъ у попа не было купѣли, то онъ крестилъ младенцевъ въ котлубанѣ⁽¹⁾. Усердные старовѣры, собравшіеся въ значительномъ числѣ, принесли съ собой и приличное угощеніе, помимо щедрой платы за требоисправленіе. Скоро заѣзжий батюшка и женщина, выданная имъ за попадью, подкутили и начали между собою счеты; крупный разговоръ перешелъ въ скору, кончившуюся потасовкой между мнимымъ попомъ и попадьей. Въ этой жаркой и неосторожной схваткѣ попъ поплатился своей накладной бородой и парикомъ. Можно представить себѣ изумленіе со-

(1) Котлообразная яма.

бравшихся старообрядцевъ, когда они увидѣли предъ собою бритое лицо солдата.... Попъ-солдатъ, не смотря на хмѣль, быстро прыгнулъ въ свою таратайку и ускакалъ, въ надеждѣ, что найдетъ и еще подобныхъ же ревнителей „древняго благочестія“⁽¹⁾. Столь соблазнительные случаи и внутренняя вражда двухъ партій въ австрійской іерархіи, безъ сомнѣнія, не обѣщали ничего хорошаго въ будущемъ для старообрядческаго міра.

VIII.

Движеніе среди раскола въ пользу православной Церкви. — Случаи обращенія изъ раскола на Уралѣ. — Присоединеніе къ Церкви Пимена Ерофеева, Павла Бирюева, Назарія Чапурина и др. — Увеличеніе числа храмовъ въ Уральскомъ войскѣ. — Усиленіе народнаго образованія въ краѣ при атаманѣ Веревкинѣ. — Тяжелая година. — Волненія среди Уральского войска при введеніи положенія 9 марта 1874 г. — Собесѣданія и диспуты съ раскольниками. — Моленные дома раскольниковъ и единовѣрческія часовни въ войскѣ. — Вліяніе церквей на войско и ихъ малочисленность въ краѣ. — Заключеніе.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія, среди старообрядцевъ, начинается сильное движение въ пользу Церкви. Распаденіе австрійской лжеіерархіи на враждебныя партіи, споры и ссоры ихъ представителей, кончавшіяся иногда бранью и потасковкой, подкупы, обманъ и лицемѣrie, обнаружившіеся въ средѣ раскольниковъ, — все это заставило нѣкоторыхъ изъ здравомыслящихъ старообрядцевъ серьёзно задуматься надъ своимъ положеніемъ и основами австрійской лжеіерархіи. Во главѣ этихъ лицъ всталъ Пафнутій, епископъ коломенскій, который былъ душою ревнителей старой вѣры и главнымъ двигателемъ по всѣмъ возникавшимъ у нихъ вопросамъ и планамъ. Надобно замѣтить, что Пафнутій принялъ

(1) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 5, стр. 8 и 9.

на себя епископскій санъ не изъ-за властолюбія и корыстолюбія, а изъ желанія принести посильную помошь расколу. Въ этихъ видахъ онъ ввелъ употребленіе проповѣди при богослуженіи, пользуясь также всякимъ удобнымъ случаемъ для бесѣды о вѣрѣ и въ частныхъ домахъ; а его рѣчь, полная силы, энергіи, убѣдительности и простоты, всегда приковывала къ себѣ вниманіе слушателей,—словомъ, это былъ вліятельный, умный, начитанный и потому весьма дорогой и полезный для старообрядческаго міра человѣкъ⁽¹⁾. Желая выработать болѣе прочныя основы для раскольнической іерархіи, онъ заключился въ уединеніи и занялся внимательнымъ и беспристрастнымъ разборомъ ученія Павла, извѣстнаго основателя австрійской лжеіерархіи, о двухсотлѣтнемъ прекращеніи богоучрежденной іерархіи въ Церкви Христовой, по примѣру Церкви ветхозавѣтной въ періодъ семидесятилѣтняго пленя Вавилонскаго. Но беспристрастный разборъ этого ученія привелъ Пафнутія къ тому выводу, что ученіе Павлово, въ которое онъ прежде такъ сильно вѣрилъ, неосновательно, шатко. Вследствіе такого убѣжденія, Пафнутій рѣшился навсегда оставить расколъ, и присоединился къ Церкви.

Примѣръ Пафнутія коломенскаго увлекъ за собою и другихъ: епископъ *Онуфрій* также навсегда разстался съ расколомъ, а 23 июня 1865 года, въ Троицкой единовѣрческой церкви, преосвященнымъ Леонидомъ былъ совершенъ обрядъ присоединенія къ Церкви архидіакона *Філарета*, священноинока *Іоасафа* и іеродіакона *Мельхиседека*⁽²⁾; спустя мѣсяцъ послѣ этого, въ томъ же храмѣ были приняты въ лоно св. Церкви: епископъ тульскій *Сергій* и протодіаконъ Антоній Шутова—*Кириллъ Семеновъ*⁽³⁾. Въ

(1) Русск. Вѣсти. 1865 г., декабрь, стр. 613.

(2) Душеп. Чт. 1865 г., ч. 2, стр. 86. Извѣст. и зам.

(3) Русск. Вѣсти. 1865 г., № 12.

1868 г. присоединяются къ Церкви, на правахъ единовѣрія, епископъ тульчинскій *Густинъ*, архимандритъ *Геронтій*, священномонахъ *Козьма* и іеродіаконъ *Ипполітъ*⁽¹⁾. Въ слѣдующемъ году въ Казани обращается въ единовѣріе священномонахъ *Пафнутий*, предназначавшійся въ сань епископа черниговскаго⁽²⁾, а въ 1870 году переходятъ въ православіе: *Геннадій*, бывшій епископъ пермскій, архимандритъ Мануиловскаго монастыря *Варсонофій*, діаконъ города Хвалынска *Софроній* и др.

Такимъ образомъ люди, которые прежде были самыми ревностными приверженцами раскола, теперь сами открыто и искренно признали его несостоятельность. Понятно, что переходъ этихъ лицъ въ православную Церковь наносилъ сильный ударъ и безъ того уже пошатнувшемуся зданію австрійской лжейерархіи: расколъ лишился въ нихъ своихъ безкорыстныхъ защитниковъ, людей умныхъ и вліятельныхъ; притомъ же некоторые изъ нихъ скоро сдѣлались апологетами православной Церкви, прямо или косвенно располагая своихъ прежнихъ собратій къ оставленію раскола.

Всѣ эти явленія въ старообрядческомъ мірѣ, благодаря существующимъ между раскольниками сношениямъ, не могли пройти безслѣдно и на Уралѣ. Многіе изъ уральскихъ раскольниковъ и безъ того неблагосклонно смотрѣли на австрійскую лжейерархію, раздираемую различными беспорядками; теперь же, когда они узнали о присоединеніи къ Церкви, такъ сказать, столповъ и руководителей австрійского священства, сомнѣнія ихъ въ истинности основъ бѣлокриницкой лжейерархіи усилились еще болѣе⁽³⁾. Проживающій въ Уральскѣ Андрей В. *Мастеровъ* начи-

(1) Всемірн. Трудъ 1868 г., юль, 264. Совр. Лѣт. раск. 1870 г., XXXIV.

(2) Вечерн. Газета 1870 г., № 4. Прав. Собесѣди. 1870 г., ч. I.

(3) Русск. Вѣсти. 1866 г., январь, 204 и 207.

еть выписывать издаваемый во Псковѣ священникомъ Голубовымъ журналъ „Истина“; внимательно и нѣсколько разъ перечитываетъ каждую полученную имъ книгу; разсуждаетъ, по поводу ихъ содерянія, съ другими и въ концѣ концевъ обращается къ Церкви (¹), увлекая за собою и другихъ; тѣмъ же кончаетъ и кузнецъ Блиновъ (²), провѣдшій нѣсколько мѣсяцевъ въ уединеніи за чтеніемъ книгъ, касающихся вопросовъ старообрядства. Вмѣстѣ съ Блиновымъ обратилось къ православной Церкви и нѣсколько казаковъ изъ Дарьинскаго форпоста. Въ теченіе одного 1868 г. къ Никольской уральской церкви присоединилось 139 человѣкъ обоего пола изъ казачьаго сословія безпоповицкой секты (³). Но особенно было не-пріятно для послѣдователей и ревностныхъ защитниковъ австрійскаго священства на Уралѣ обращеніе въ единовѣріе Пимена Ерофеева и Павла Биряева, изъ которыхъ первый былъ діакономъ, а второй—священникомъ австрійской лжеіерархіи.

Пимень Евлампіевъ Ерофеевъ, въ сентябрѣ 1869 г., вошелъ въ секретную переписку съ священникомъ Кушумекой Преображенской церкви, Иоанномъ Авдѣвымъ, прося его разъяснить различныя недоумѣнія въ вопросахъ вѣры. Случалось, что Пимень посыпалъ о. Иоанна и лично, но всегда ночью, тайкомъ отъ другихъ. Скоро узналъ объ этихъ собесѣданіяхъ протоіерей Михайло-Архангельского уральскаго собора С. Назаровъ. Стараясь поддержать дѣло обращенія Пимена, протоіерей Назаровъ посыпалъ Авдѣву книги духовнаго содерянія, направленныя къ

(¹) Въ настоящемъ году А. В. Мастеровъ избранъ въ церковные старосты къ Михайло-Архангельскому уральскому собору.

(²) Блиновъ лично намъ передавалъ, что Леонасій, бывшій еписк. саратовскій, не разъ уговаривалъ его принять на себя званіе и санъ епіскопа уральскаго.

(³) Рапортъ свящ. Наленова наказному атаману Ур. войска. Ур. вѣд. 1869 г., № 3, стр. 10.

опроверженію раскольническихъ мнѣній и австрійского священства. Собесѣданія и ночные диспуты Пимена съ о. Іоанномъ продолжались болѣе полугода. Наконецъ Ерофеевъ, убѣдившись въ неправотѣ основъ австрійской лжеіерархіи, на второй недѣлѣ Великаго поста (1870 г.), открыто заявилъ священнику Авдѣеву о своемъ желаніи присоединиться къ Церкви, на правахъ единовѣрія. О. Іоаннъ Авдѣевъ немедленно донесъ о томъ протоіерею Назарову, который предложилъ Ерофееву, чтобы онъ приготовился къ принятію св. таинъ.

Присоединеніе Ерофеева къ единовѣрію было совершено, въ недѣлю Крестопоклонную, самимъ протоіереемъ Назаровымъ въ Кушумской церкви, при многочисленномъ собраніи народа. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ самъ С. Назаровъ: „Послѣ воскресной утре-ни и поклоненія животворящему кресту, Ерофеевъ, не выходя изъ церкви, исповѣдался у священника Авдѣева; затѣмъ послѣдовало присоединеніе, совершенное мною по чиноположенію церковному. Церковь ~~на~~ этотъ разъ была переполнена народомъ; при чтеніи молитвъ Ерофеевъ былъ сильно взволнованъ и почти *рыдалъ*. Отрицанія отъ ересей и отступствъ, противныхъ истинѣ и св. Церкви, и символъ вѣры онъ произнесъ хотя волнующимся, но твердымъ голосомъ; послѣ чего совершено надъ нимъ таинство миропомазанія, и вскорѣ началась божественная литургія, во время которой присоединившійся до причащенія стоялъ, съ зажженою свѣчкою въ рукахъ, предъ мѣстою иконой Спасителя“ (¹). — Причастившись св. таинъ, по заамвонной молитвѣ, Ерофеевъ обратился къ предстоящимъ съ приличною слушаю рѣчью, Въ этой рѣчи, изливъ свои благодарныя чувства къ Богу, бывшій діаконъ австрійской лжеіерархіи торжественно заявилъ: „отнынѣ я несмѣ расколѣникъ и раздорникъ,

(¹) Уральск. вѣд. 1870 г., № 14, стр. 4.

но сынъ единыя святыя соборныя и апостольскія Церкви“!—Испрашивая далѣе молитвъ за себя у предстоящихъ, Ерофеевъ сознается, что онъ „*блуждалъ во тьмъ раскона*. гналь Церковь Божію и, къ немалому сожалѣнію, много успѣвалъ въ дѣлѣ совращенія съ пути истины простодушныхъ на путь заблужденія, въ которомъ и самъ находился“. Далѣе, прося прощенія у Бога и людей за свою ревность не по разуму, Ерофеевъ доказываетъ, что бѣглопоповиціна и смѣнившая ее австрійская лжеіерархія есть „*садъ, сюже не насадилъ Отецъ Небесный*“; въ заключеніе Ерофеевъ снова просить слушателей помолиться о немъ Богу⁽¹⁾.

Обращеніе Пимена Ерофеева, безъ сомнѣнія, было очень непріятно для приверженцевъ австрійского священства. Игуменья и сестры Садовскаго скита, узнавъ о намѣреніи Пимена присоединиться къ Церкви, писали ему: „видно вы оставили отеческія книги читать, а начали въ отверженія вникать, умъ свой помрачили, и благодать Божія отъ васъ отступила, и изъ усть вашихъ исходитъ гнилость, а прежде изъ усть вашихъ истекалъ источникъ кипящей благодати паче меда и сота, на пользу всѣмъ слышащимъ и старшимъ на радость, а нынѣ на облазнь, себѣ на погибель и старшимъ на великую скорбь“⁽²⁾.—Но Ерофеевъ не обратилъ вниманія на скорбь трущобныхъ воздухательницъ.—Озлобленные противъ него раскольники, не смотря на прежнее уваженіе и довѣріе къ Пимену, старались теперь распространять о немъ разные нелѣпые толки. Обращеніе Пимена, дѣйствительно, причинило не мало огорченій раскольникамъ. Они, какъ было слышно, задумали даже варить муро; но присоединеніе Пимена къ Церкви заставило ихъ отложить это дѣло. Не всѣ отнеслись сочувственно къ обращенію Пимена и въ Кущумскомъ фор-

(1) Вся рѣчь буквально помѣщается въ Приложениіи за № 4.

(2) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 17, стр. 2.

постѣ , гдѣ было совершено его присоединеніе къ Церкви; нашлись и тамъ люди, которые стали распространять слухи, что Пименъ опять скоро оставитъ Церковь, усмотрѣвъ въ ней неправоту (конечно, несуществующую); что строго отправляемая неспѣшная служба въ Кушумской церкви совершается такъ только для него одного; что онъ уже раскаявается въ своемъ обращеніи къ Церкви и т. п. Какъ бы въ опроверженіе всѣхъ этихъ и другихъ неизѣпыхъ толковъ, Ерофеевъ 17 мая, предъ самымъ началомъ литургіи, пришелъ въ церковь съ своими троими дѣтьми, и просилъ священника присоединить ихъ къ Церкви и причастить св. таинъ, что о. Иоаннъ, (Авдѣевъ) охотно исполнилъ въ тотъ же день. Сообщая объ этомъ въ мѣстную газету, о. Иоаннъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „жена Ерофеева, воспитанная въ расколѣ , еще медлитъ переходомъ въ Церковь и ждетъ, не перейдетъ ли еще кто въ Церковь изъ болѣе значительныхъ раскольниковъ, и тогда только предполагаетъ на что-нибудь рѣшиться. У Пимена съ извѣстнымъ Назаріемъ нерѣдко случаются жаркие диспуты ⁽¹⁾, въ защиту православной Церкви; но я,— замѣчаетъ о. Иоаннъ,— при всемъ моемъ желаніи и стараніи видѣться съ „благоговѣйнымъ мужемъ“ Назаріемъ, какъ именовали его А—мъ Т—въ съ братіею, доселѣ, со временемъ поступленія моего на настоящій приходъ, ни разу не видался съ нимъ, и, вмѣсто личныхъ убѣждений моихъ—оставить лжесвященство, не такъ давно послалъ ему письмо, на которое пока неѣть ни привѣта, ни отвѣта“ ⁽²⁾.—25 июня 1870 года состоялся приказъ по войску слѣдующаго содержанія: „По ходатайству епархиального начальства, казакъ Пименъ Евлампіевъ Ерофеевъ отчисляется изъ военнаго вѣдомства *въ духовное*, для замѣщенія

⁽¹⁾ Дальше мы увидимъ, къ чemu привели эти диспуты Назарія (Чапурина).

⁽²⁾ Уральск. в. вѣд. 1870 г. № 24, стр. 4.

на причетническую должность при одной изъ уральскихъ войсковыхъ церквей, о чемъ и дѣлается извѣстнымъ по войску⁽¹⁾. Между тѣмъ бывшій пріятель Пимена попъ Козьма потерялъ всякое довѣріе и уваженіе между своими пасомыми, и въ томъ же (1870) году, будучи вынужденъ оставить ихъ, куда-то скрылся⁽²⁾.

Примѣръ Пимена Ерофеева не остался безъ подражанія. Въ началѣ августа 1871 г., прот. Назаровъ получилъ заявленіе отъ осьмнадцати раскольниковъ, пожелавшихъ перейти въ единовѣріе. Между ними особенно обратили на себя вниманіе Павелъ Степановъ Биряевъ, бывшій болѣе шести лѣтъ австрійскимъ попомъ, и уральские казаки: Евсигній Яковлевъ Павловъ, занимавшій мѣсто почетнаго попечителя австрійской Церкви, и Яковъ Аѳанасьевъ Простовъ, отличавшійся прежде сильною приверженностью къ австрійской лжеіерархіи. За нѣсколько недѣль до своего открытаго заявленія о желаніи присоединиться къ Церкви, Биряевъ, тайкомъ отъ другихъ, въ сопровождении извѣстнаго уже намъ кузнеца Блинова, бывалъ иногда у протоіерея Александра-Невскаго собора А. П. Добровидова, прося его совѣта и наставлений, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Вечеромъ 5 августа Биряевъ доставилъ въ Михайло-Архангельскій соборъ подвижную изъ пітофной матеріи церковь со всѣми принадлежностями, какъ то: престоломъ, жертвенникомъ, напрестольными—евангелемъ и крестомъ, дароносицею, священными сосудами и прочими довольно цѣнными вещами⁽³⁾. На другой день въ Михайло-Архангельскомъ соборѣ былъ совершенъ обрядъ присоединенія къ Церкви Биряева и прочихъ 17 чело-

(1) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 26, стр. 4. Пимень Ерофеевъ сначала былъ дѣячкомъ, потомъ діакономъ, а въ настоящее время состоять священникомъ при единовѣрческой церкви въ Бударинской станицѣ, где очень многихъ раскольниковъ обратилъ въ единовѣріе.

(2) Тамъ же, № 24.

(3) Всѣ эти вещи доселѣ хранятся въ упомянутомъ соборѣ.

вѣкъ. Послѣ причащенія св. таинъ Биряевъ также обратился къ предстоящимъ съ рѣчью, въ которой изложилъ вкратцѣ и несостоятельность раскола, на основаніи исторіи и святоотеческихъ твореній⁽¹⁾.

Обращеніе Биряева, какъ человѣка авторитетнаго между австрійцами-окружниками, еще болѣе поколебало вѣру здравомыслящихъ раскольниковъ въ истинность австрійскаго священства, и еще сильнѣе озлобило и вооружило фанатиковъ раскола противъ Церкви и ея духовныхъ дѣтей. Фанатизмъ нѣкоторыхъ уральскихъ раскольниковъ иногда доходилъ до смѣшнаго. Нѣкто З—баевъ, фактически принадлежа къ расколу, но склоняясь на сторону единовѣрія, наканунѣ праздника св. Троицы, былъ у всенощной въ единовѣрческомъ монастырѣ, а за обѣдню, на другой день, отправился въ свою молельню. По окончаніи службы, выйдя послѣ всѣхъ, онъ замѣтилъ толпу мужчинъ, подошелъ и поздравилъ стоявшихъ съ праздникомъ. Но не успѣлъ онъ еще договорить обычнаго привѣтствія, какъ нѣкто Никифоръ Су—въ, указывая на З—баева пальцемъ, началъ кричать: „зачѣмъ этого уніата впустили въ молельню?—Этотъ еретикъ горше прочихъ: онъ вчера былъ у единовѣрцевъ, крестъ ихъ цѣловалъ, а нынѣ пришелъ *нашиятъ святой крестъ* цѣловать, а мнѣ пришлось прикладываться послѣ него,—я и испоганился. Пришелъ домой,—рассказывалъ Су—въ послѣ,—да и ну умываться и вытирать уста, а то совѣсть замучила!—Какъ же,—возразилъ ему одинъ изъ слышавшихъ,—стало быть теперь вашъ крестъ не годится? — „Нѣть,—отвѣтилъ Су—въ,—батюшка Александръ приѣдетъ освятить, а теперь *единовѣрецъ испоганился его*“⁽²⁾.

(1) Помѣщается въ Приложении за № 2-мъ. Въ настоящее время Биряевъ состоить псаломщикомъ при одной изъ единовѣрческихъ церквей.

(2) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 28, въ листѣ 1781 (3).

Выше мы уже упомянули, какое впечатлѣніе произвело на инокинь Садовскаго скита обращеніе къ Церкви Пимена Ерофеева; но еще больше они были поражены, узнавъ о присоединеніи къ Церкви Биряева и съ нимъ другихъ 17 человѣкъ, ревностныхъ приверженцевъ австрійскаго священства. Представьте, каково же было ихъ удивленіе и горе, когда и между ними явились желающія присоединиться къ Церкви! Игуменъ и сестры пришли въ ужасъ, когда узнали, что двѣ инокини: Апполинарія и Павла, принявшия обѣты иночества еще въ 1842 году, и три послушницы (Варвара Капняева, Марья Шильнова и Фекла Платонова) рѣшились принять единовѣріе. Ни просьбы монахинь, ни увѣщанія игумены не могли удержать ихъ въ скиту, — и въ апрѣль 1872 г. они были присоединены къ Церкви въ Михайло-Архангельскомъ соборѣ; въ это же время обратилось въ единовѣріе 15 чел. Федосѣевской секты (¹).

Донося объ этомъ обращеніи наказному атаману, протоіерей Назаровъ замѣчаєтъ: „расколъ, такъ долго и упорно державшійся въ нашемъ раскольническомъ Садовскомъ скиту, теперь, такъ сказать, поколебался въ своей основѣ обращеніемъ къ св. Церкви передовыхъ своихъ скитницъ. Умилительно было видѣть, какъ простодушная осмидесятилѣтняя старица Апполинарія поражена была величиемъ церковнаго богослуженія, неслышавшая его съ дѣтства, и какъ она, по ея разсказамъ, была запугана до этого времени превратнымъ толкованіемъ о Церкви и ея богослуженіи“ (²).—Обратившіеся федосѣевцы принадлежали къ иногородному сословію,—это были оренбургскіе, симбирскіе и самарскіе крестьяне и мѣщане, проживающіе въ Уральскѣ; въ числѣ ихъ была и инокиня прусскаго раскольничьяго скита Варвара Федорова Ильинчева. Въ 1873—1876 г. обратившихся изъ раскола

(¹) Списокъ ихъ помѣщаются въ Приложениі за № 3-мъ.

(²) 1872 г. Уральск. в. вѣд., № 20.

въ православіе въ Уральской области было около ста⁽¹⁾ чел. Но особенно важно по своимъ послѣдствіямъ обращеніе священника австрійской лжеіерархіи Назарія, присоединившагося къ Церкви, на правахъ единовѣрія, въ настоящемъ (1878) году.

Назарій Гавриловичъ Чапуринъ по происхожденію уральскій казакъ изъ Прорвенскихъ Зимовей, находящихся неподалеку отъ Бударинской станицы.— Въ 1871 году онъ былъ заарестованъ въ Гурьевѣ и сосланъ въ Вологду за открытое распространеніе раскола, совершеніе богослуженія со всѣми церковными обрядностями и церемоніями въ частныхъ домахъ у гурьевскихъ раскольниковъ и за кощунство надъ православною Церковію. Въ Вологдѣ онъ пробылъ недолго и снова явился на Уралъ. Благодаря покровительству раскольниковъ, его пасомыхъ, и индифферентному отношенію къ нему полиції, Назарій успѣлъ укрыться отъ вниманія высшей власти, и свободно жилъ на Уралѣ, поселившись въ Бударинскомъ скиту, где онъ до лжеепископа Виктора заправлялъ почти всѣми дѣлами. Священникъ Бударинской станицы, извѣстный уже намъ Пименъ Ерофеевъ, происходящій также изъ казаковъ Назарьевскаго толка, посредствомъ постоянныхъ собесѣдований съ Назаріемъ и его пасомыми, старался убѣдить ихъ перейти въ единовѣріе.— Назарій и его пасомые согласились, но съ тѣмъ, чтобы Назарій былъ рукоположенъ къ нимъ въ священника мѣстнымъ епархиальнымъ архіереемъ; съ этою цѣлью Назарій и отправился въ Оренбургъ. Но преосвященный не согласился рукоположить его въ священники на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ отъ мѣстнаго благочиннаго никакой рекомендациіи о Назаріи; а потому отослалъ Назарія обратно, сказавъ при этомъ, что онъ напишетъ самъ о немъ къ благочинному. Вскорѣ преосвященный обратился къ благочинному съ слѣдующимъ запросомъ: „узнать, при помощи

(1) Смотр. въ Приложеніи № 4.

мѣстной полицейской власти, не тотъ ли это Назарій, который въ 1871 г. проповѣдывалъ расколъ въ Гурьевѣ, и былъ пойманъ, по распоряженію начальника Гурьева Тверитинова, маюромъ Я. Назаровымъ, во время совершенія богослуженія; не тотъ ли Назарій, который за открытое распространеніе раскола былъ конфирмованъ и сосланъ въ Вологодскую губернію?— Дѣло это началось въ половинѣ января настоящаго 1878 г. Казаки, въ качествѣ депутатовъ юзившіе въ Оренбургъ, вмѣстѣ съ Назаріемъ, отъ 200 его пасомыхъ, получили отъ преосвященнаго благословеніе на присоединеніе къ единовѣрческой Церкви. По справкѣ оказалось, что Назарій былъ именно тотъ самый распространитель и проповѣдникъ раскола, который въ 1871 г. былъ пойманъ и сосланъ въ Вологду; почему ему отъ санкціи и было отказано. Не смотря на это, Назарій Чапуринъ, благодаря вліянію на него священника Пимена Ерофеева, присоединился къ Церкви. Бывшіе его пасомые, въ числѣ 70 человѣкъ обоего пола, также присоединились къ Церкви, на правахъ единовѣрія, но не въ одно время и не въ одномъ мѣстѣ. Этимъ присоединеніямъ предшествовало слѣдующее обстоятельство: священникъ Бударинской станицы Пименъ Ерофеевъ, испросивъ разрешеніе у преосвященнаго оренбургскаго Митрофана, съ нѣкоторыми изъ назарѣвцевъ юзилъ въ Воронежъ—посмотрѣть находящіяся тамъ моши, и чрезъ это убѣдилъ ихъ въ правотѣ *православной Церкви*⁽¹⁾. Хотя и не всѣ спутники Пимена вынесли изъ этой поїздки одинаковыя впечатлѣнія; нѣкоторые, напримѣръ, были недовольны куренiemъ табаку духовными лицами, съ которыми они встрѣчались во время поїздки, но за то почти всѣ признали *дѣйствительность* *мошь* въ православной Церкви.

Въ то время, когда происходили означенныя присоединенія изъ раскола, и отчасти въ связи съ этими

(1) Пименъ Ерофеевъ православнаго взгляда на Церковь и ея обряды.

событіями, былъ возбужденъ вопросъ и объ устройствѣ новыхъ церквей въ Уральскомъ войскѣ. До 1866 г. въ войскѣ было 25 храмовъ: 2 собора, одинъ монастырь, военная церковь и 21 приходскихъ (городскихъ и форпостныхъ) церквей. Считая такое число храмовъ на сто тысячъ населенія недостаточнымъ, правительство разрешило употребить на устройство новыхъ церквей 29,894 р. изъ общаго войскового капитала ('). Н. А. Веревкинъ, приступая къ устройству новыхъ храмовъ, прежде всего обратилъ внимание на Круглоозерной форпостъ, гдѣ почти всѣ казаки были раскольники; но между ними скрывались и желающіе ходить въ церковь. Въ октябрѣ 1868 г. постройка храма въ Круглоозерномъ форпостѣ была окончена, а 21 ноября того же года совершено его освященіе, въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Подполковникъ Михайловъ, которому было поручено отъ атамана присутствовать при освященіи церкви, передавалъ послѣ, что торжество освященія происходило при большомъ стечениіи мѣстныхъ и окрестныхъ жителей войскового званія, собравшихся безъ различія пола и возраста, такъ что церковь не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ желавшихъ помолиться Богу въ новоустроенному храмѣ.

Въ 1869 году была выстроена и освящена церковь въ Кожехаровскомъ форпостѣ, во имя Казанской Божіей Матери. Оба упомянутые храма были выстроены на войсковой счетъ; но Н. А. Веревкинъ старался привлекать къ участію въ устройствѣ церквей и станичныя общества, и частныхъ лицъ войскового и иногороднаго населенія. Заботы о томъ атамана Веревкина не остались втунѣ: жители Чаганского форпоста и прилежащихъ къ нему хуторовъ: Васильевскаго и Павловскаго пожелали на собствен-

(1) Ур. в. вѣд. 1869 г. № 8. Представленіе объ этомъ сдѣлано было еще въ 1861 г. атаманомъ Столышинъ, по инициативѣ епископа оренбургскаго Антонія.

ныя средства устроить у себя храмъ, во имя Св. и Чудотворца Николая, въ чёмъ приняли участіе и частныя лица изъ казаковъ и иногородныхъ; одинъ казакъ пожертвовалъ на построеніе храма тысячу рубл. деньгами и колоколъ въ 50 п.

Кромъ увеличенія числа храмовъ не мало забо-
тились и объ увеличеніи числа школъ. Усиленіе об-
разованія и вообще поднятіе умственнаго уровня въ
Уральскомъ войскѣ было искреннимъ желаніемъ и
основою многосторонней и многополезной дѣятельно-
сти бывшаго въ то время наказнаго атамана Н. А.
Веревкина. Благодаря его трудамъ на этомъ пути,
Уральское войско получило возможность давать сред-
нее образованіе своимъ дѣтямъ у себя дома. Въ сен-
тябрѣ 1870 г. въ Уральскѣ были открыты два средне-
учебныя заведенія: мужская классическая гимназія и
женское училище первого разряда, преобразованное
потомъ въ женскую гимназію; на оба заведенія изъ
войскового капитала было ассигновано 36,070 р. (¹)
въ годъ. Но Веревкина особенно беспокоила мысль о
недостаткѣ и плохой организаціи народныхъ школъ:
„съ глубокимъ сожаленіемъ я долженъ сознаться“, —
замѣтилъ онъ при открытии въ Уральскѣ гимназіи, —
„что средства къ первоначальному народному образо-
ванію еще далеко не соответствуютъ средствамъ къ
высшему и среднему образованію въ войскѣ. Правда,
у насъ теперь состоится 39 мужскихъ и женскихъ
школъ, почти съ 1500 учащихся. Правда также и то,
что въ послѣдніе годы преподаваніе въ этихъ шко-
лахъ сдѣлало нѣкоторые успѣхи, и — что особенно
важно — предубѣждение народныхъ массъ противъ
школъ значительно поколебалось; но за всѣмъ тѣмъ
всѣ мы знаемъ, что народныхъ школъ у насъ и мало
и ониъ далеко не таковы, какъ можно бы желать.
Причинъ къ этому много и много встрѣчается здѣсь
затрудненій; но, какъ они ни велики, не должно счи-

(¹) 24,310 р. на гимназію и 11,760 р. на женское училище.

тать ихъ непреодолимыми; можно надѣяться, что настуپитъ время, когда и въ этомъ дѣлѣ первой важности мы въ состояніи будемъ указать на результаты болѣе утѣшительные⁽¹⁾.

Заботясь объ улучшениіи старыхъ и открытии новыхъ школъ въ войскѣ, Веревкинъ обратилъ особенное вниманіе на то, чтобы привлечь къ участію въ развитіи школьнаго дѣла частныхъ лицъ, какъ принадлежащихъ къ Уральскому войску, такъ и иногородныхъ, проживающихъ въ предѣлахъ Уральской области. Старанія атамана оказались не безплодны: нашлись сочувствующіе народному образованію и между казаками и между иногородними жителями войска. Въ 1870 году въ Бударинскомъ форпостѣ, благодаря содѣйствію крестьянина Ив. Истомина, были открыты, при участіи форпостнаго начальника-сотника Бородина, двѣ школы: мужская и женская⁽²⁾. Казакъ Тудаковъ⁽³⁾ исправилъ въ Гурьевѣ народную школу на свои средства⁽⁴⁾. Горбатовскій 2 гильдіи купецъ Павель Ванюшинъ пожертвовалъ 300 р. сер. на постройку въ Илецкомъ городкѣ помѣщенія подъ народную школу⁽⁵⁾. Жители первого Чижинскаго форпоста выстроили школу на мѣстныя средства⁽⁶⁾. Жители Антоновскаго форпоста, добровольно изъявивъ желаніе имѣть у себя школу, пожертвовали на устройство школьнаго дома 150 р. и сами избрали попечителемъ школы Ив. Егорова Карпова⁽⁷⁾. Сотникъ Георгій Череватовъ, проживающій въ Сарайчиковской крѣпости, на собственныя и частію на изысканныя

⁽¹⁾ Ур. в. вѣд. 1870 г., № 39.

⁽²⁾ Тамъ же, № 30.

⁽³⁾ См. Ур. в. вѣд. 1871 г., № 40; 1873, № 14.

⁽⁴⁾ Тамъ же.

⁽⁵⁾ Тамъ же 1871, № 48.

⁽⁶⁾ Ур. в. вѣд. 1872, № 2.

⁽⁷⁾ Тамъ же, № 9.

имъ лично средства заноро перестроилъ школьный домъ и распространилъ его (¹). Можно бы привести еще несколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о сочувствіи и помощи частныхъ лицъ и станичныхъ обществъ народному образованію въ Уральскомъ войскѣ; но, думаемъ, и приведенныхъ нами достаточно для того, чтобы видѣть, насколько Верѣвкинъ съумѣлъ расположить къ школамъ и казаковъ, и иногородцевъ, проживающихъ въ войскѣ. Между тѣмъ приверженцы старообрядства и ихъ домороценные педагоги: *мастера и мастерицы* сильно были недовольны открытиемъ новыхъ школъ и приведеніемъ старыхъ въ лучшій видъ: первые боялись за свои обряды, обычай и порядки, а вторые видѣли въ народныхъ школахъ сильныхъ соперниковъ ихъ *мастерству*. Между населеніемъ форпостовъ возникаютъ двѣ партіи, изъ которыхъ одна ратуетъ за образованіе, а другая за старину, протестуя противъ всякихъ школъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о характерѣ этой борьбы, разскажемъ, какъ происходило открытие народной школы въ Дарынскомъ форпостѣ, находящемся въ стахъ въ 30-ти отъ Уральска по Оренбургскому тракту. Начальникъ форпоста распорядился, чтобы казаки явились къ казармѣ; не заставилъ долго ждать себя и начальникъ. Выйдя предъ собраніе, начальникъ спросилъ: „не желаете-ли, старики, принять школу“? — Въ толпѣ послышался говоръ; собравшіе начали толковать между собою, и потомъ отвѣчали: „нѣть, не желаемъ, сударь“! — Затѣмъ пошли между казаками разные толки и споры, въ родѣ слѣдующихъ:

— Что намъ въ школѣ? — Жили же наши отцы, дѣды и прадѣды безъ школы, — да какъ еще жили?! — Приведи Богъ кому пожить такъ въ наше время!

„Ну что же, хотя отцы ваши и жили хорошо, а все же были неграмотные!“ — замѣтилъ начальникъ, обращаясь къ казакамъ.

(¹) Ур. в. вѣд. 1872 г., № 36.

6 №. эж. авт. (¹)

„Это правда, что неграмотны, да у нихъ всего было много!“ отвѣтилъ молодой казакъ.

„Такъ что же вы мнѣ скажите, старички, о школьнѣ-то?“ снова спросилъ начальникъ.

— Не желаемъ, сударь!

— Не желаете, такъ какъ хотите!

Начальникъ ушелъ. Казаки, покричавъ и поспо-
ривъ между собою, тоже разошлись по домамъ. На-
ступилъ ближайшій праздникъ. Казаки, пообѣдавши и
выспавшись, вышли на улицу, усѣлись каждый на
своей завалинѣ и, по обычаю, пощелкивали отъ-не-
чего-дѣлать сѣмячки (¹). Нѣкоторые изъ казаковъ,
болѣе общительные собрались на завалинѣ того дома,
гдѣ жилъ одинъ вліятельный начетчикъ-старикъ. Онъ
сидѣлъ у окна и читалъ какую-то старинную книгу;
но, замѣтивъ собравшуюся толпу, онъ закрылъ книгу
и вышелъ на улицу. Лишь только старикъ показался
изъ воротъ, казаки сняли шапки, поклонились и про-
говорили:

— Съ праздникомъ С. В.! — здоровенько ли по-
живаетъ?

— Слава Богу! живу пока за родительскія мо-
литвы, — вы здоровы ли?

— Здоровы-то здоровы, да вотъ школа-то болѣ-
но намъ не-по-сердцу! Ну, шутка-ли-дѣло, принять
школу, чего отцы наши боялись какъ огня, а теперь
ужъ, слышно, поговариваютъ нѣкоторые, что надо-де
принять. Мы вотъ и пришли къ тебѣ; какой совѣтъ
ты намъ дашь на счетъ школы-то?

Старикъ, покачивая сѣдой головой, вздохнулъ
и промолвилъ: „о-охъ! Какое время-то приходитъ?“

(¹) Привычка грысть подсолнечными сѣмячками среди уральцевъ такъ распространена, что и знатная уральская казачка немало тратить дорогое времени на это удовольствие. — Недавно еще съ сѣмячками являлись дѣвушки-казачки въ театръ и на балъ, и немало смѣшили тѣмъ иного-родцевъ.

„Да, братцы, время приходитъ тяжкое: всего доброго стало убавляться, а худаго прибавляться, и стали появляться разныя новости, начали, напримѣръ, открывать чутъ не въ каждомъ форпостѣ эти школы“.

„А что, дяденька, говорять, что въ школѣ будуть учить всему даже и Богу молиться?“—перебилъ старика его племянникъ.

— Эхъ ты, дитятко, молодо ты еще и зелено!— Какое тутъ будеть молене, когда ихъ, дѣтей-то нашихъ, будуть учить разнымъ *невѣрнымъ* наукамъ.

Къ толпѣ подходятъ еще двое изъ жителей форпоста, принадлежащіе къ Церкви: „О чёмъ это толкуете, старички?“ спросилъ одинъ изъ нихъ.

„А вотъ толкуемъ о школѣ! Здѣсь подумываютъ открыть школу; вотъ мы и судимъ да толкуемъ: зачѣмъ, моль, намъ это нужно?“ отвѣтилъ кто-то изъ собесѣдниковъ.

„Что же, это дѣло не дурное!“ сказалъ одинъ изъ православныхъ.

Всѣ искося посмотрѣли на него, а начетчикъ съ жаромъ и недовольствомъ замѣтилъ:

„Виши что выдумалъ! дѣло недурное открыть *адово вѣстилище*,—да съ кѣмъ это ты удумалъ сказать-то такъ, умная голова?!“..... Разговоръ о школѣ продолжался довольно долго и все въ этомъ родѣ.

Не смотря на такія рѣзкія сужденія о школѣ приверженцевъ раскола, школа въ Дарьинскомъ форпостѣ была открыта въ 1872 г. и на первыхъ же по-рахъ въ нее поступило болѣе 20 мальчиковъ ⁽¹⁾.

Горячіе диспуты „перковыхъ“ и раскольниковъ по вопросу о школахъ бывали и въ другихъ форпостахъ; но атаманъ Веревкинъ терпѣливо выжидалъ исхода этихъ споровъ, не мѣшаясь въ нихъ и не навязывая школъ, вопреки желанію самихъ казаковъ. Весьма уже важно было и то обстоятельство, что о школ-

⁽¹⁾ Ур. в. вѣд. 1872 г., № 24.

лахъ начали разсуждать по разнымъ уголкамъ войска, и что между казаками образовалась значительная по числу и богатая по средствамъ партія, которая была на сторонѣ школъ и старалась проложить дорогу своимъ дѣтямъ даже въ гимназію; мало-по-малу вліяніе этой партіи распространилось и на тѣхъ, которые рылись въ засаленныхъ тетрадкахъ раскольниковъ, отыскивая мѣста, где бы говорилось что-нибудь о шкотлахъ; наконецъ, дѣло дошло до того, что школы начали открываться, по станичнымъ приговорамъ, и въ такихъ форпостахъ, населеніе которыхъ исключительно состояло изъ раскольниковъ, напр. въ Антоновскомъ форпостѣ, где почти исключительно сосредоточены *богатые раскольники*; некоторые изъ обратившихся къ Церкви раскольниковъ сами пожелали сдѣлаться народными учителями, таковъ, напримѣръ, казакъ Зиновій Истоминъ, сынъ одного изъ ревностнѣйшихъ распространителей раскола австрійского толка (¹); въ самой гимназіи появились ученики изъ дѣтей „некудышниковъ“ и „австрійцевъ“. Но Веревкинъ, какъ и Столыпинъ, встрѣтилъ немаловажное затрудненіе въ лицахъ, которыхъ достаточно были бы подготовлены къ трудной дѣятельности народнаго учителя. На первыхъ порахъ пришлось опредѣлять на эти мѣста учениковъ, исключенныхъ или добровольно вышедшихъ изъ Уральской гимназіи; впослѣдствіи же при Самарской учительской семинаріи было открыто двѣнадцать войсковыхъ стипендій, для приготовленія народныхъ учителей въ войсковыя начальныя школы, и теперь ежегодно командируется туда изъ войска по четыре человѣка изъ лицъ, заявившихъ на то желаніе и удовлетворяющихъ требованіямъ вступительной программы при приемѣ въ учительскія семинаріи.

Ввѣривъ ближайший надзоръ за войсковыми шкотлами особому лицу (²), Веревкинъ постоянно слѣдилъ

(¹) Ур. в. вѣд. 1874 г., № 1, стр. 4.

(²) П. И. Корину, кончившему курсъ въ Уфимской духовной семинаріи, который и доселе исправляетъ должность инспектора войсковыхъ школъ; онъ же и редакторъ Ур. в. вѣдомостей.

и самъ, какъ шло дѣло въ начальныхъ школахъ, и, при каждомъ удобномъ случаѣ, старался поощрять труды тѣхъ изъ учителей, которые добросовѣстно работали на избранномъ ими поприщѣ. Свою любовь къ просвѣщенію Веревкинъ переносилъ на всѣхъ, кто служилъ этому дѣлу. Мыувѣрены, что знатчие его хорошо долго не забудутъ этого молчаливаго, но много думавшаго и много сдѣлавшаго добра другимъ человѣка.

Съ радостію привѣтствуя всякое присоединеніе къ Церкви изъ раскола, Веревкинъ чуждъ былъ религіозной нетерпимости и какихъ бы то ни было принужденій въ дѣлахъ вѣры; ту же мысль онъ старался провести между духовенствомъ Уральскаго войска и среди педагогической корпораціи войсковой гимназіи, ближайшій надзоръ за которой, по уставу, ввѣренъ наказному атаману Уральскаго войска. Такъ какъ большая часть учениковъ были дѣти раскольниковъ; то въ первые четыре года въ гимназіи вовсе не было общей утренней молитвы. Во время чтенія молитвъ предъ учениемъ и послѣ ученія также молились не всѣ, большинство просто стояло, обратившись лицомъ къ иконѣ, не крестясь и не кланяясь. Въ высокоторжественные дни всѣ ученики гимназіи безъ исключенія должны были являться въ ту церковь, въ которую собирались служащіе (¹); въ прочие же праздники каждый ученикъ шелъ молиться туда, куда шли его родители; если родители были „некудышники“, то и ученикъ оставался съ ними дома и вель себя подобно имъ. Такого же возврѣнія на дѣло держалась гимназія и въ дни Страстной недѣли, когда ученики должны были исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ, т. е. каждый ученикъ исполнялъ эту священную обязанность, согласно религіознымъ утвержденіямъ своихъ родителей. Во время уроковъ пѣнія ученики

(¹) Обыкновенно въ такие дни всѣ собираются въ Александро-Невский соборъ.

были обучаемы только свѣтскому пѣнію⁽¹⁾. Такая уступчивость со стороны гимназіи была вызвана сопротивлениемъ и опасеніемъ педагогического совѣта, чтобы гимназія не опустѣла, такъ какъ большинство учениковъ ея были дѣти раскольниковъ и притомъ разныхъ толковъ. Съ увеличеніемъ числа учащихся, гимназія стала дѣйствовать самостоятельнѣе, требуя отъ учениковъ строгаго исполненія гимназическаго устава и правиль.

Въ 1873 г. вновь приѣхавшій директоръ⁽²⁾ вводить въ гимназіи общую утреннюю молитву, для чего ученики должны были собираться въ заведеніе за 15 минутъ до начала классовъ. Вначалѣ некоторые изъ учениковъ, являемые на молитву, не крестились и не кланялись; а потомъ, вѣроятно, увлекаемые примеромъ другихъ, стали молиться и они. Чтобы судить о томъ, какъ смотрятъ ученики старшихъ классовъ гимназіи на расколъ своихъ родителей, приведемъ слѣдующій фактъ. — Одинъ изъ учителей уральской гимназіи, явившись разъ на урокъ, замѣтилъ, что ученикъ К., сынъ „некудышника“, молился, при чтеніи: „Царю Небесному.“, вмѣстѣ съ другими тѣмъ же крестомъ, которымъ молились и дѣти православныхъ. Послѣ урока учитель спросилъ ученика К.: „Вашъ отецъ, кажется, придерживается раскола?“—Да, онъ никуда не ходить молиться,—некудышникъ.

— А вы раздѣляете его убѣжденія въ отношеніи вѣры?—Какъ вамъ сказать?—Дома, чтобы не оскорбить старика-отца, я, пожалуй, раскольникъ; здѣсь же и въ душѣ я—православный. — Въ настоящее время этотъ молодой человѣкъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и, безъ сомнѣнія, для раскола потерянъ: образованіе, какъ свѣтъ, и расколъ, какъ

(*) См. напечат. нами замѣтку въ Ур. в. вѣдом. (за 1870 г., № 50): „Нѣсколько словъ по поводу уроковъ пѣнія въ Уральской войсковой гимназіи“.

(*) В. Н. Матвѣевъ, занимающій эту должность и до сего времени.

тьма, несовместимы. Можно утвердительно сказать, что дѣти раскольниковъ, получившія образованіе, больше никогда не вернутся въ среду раскола.

Въ то самое время, какъ дѣти православныхъ и раскольниковъ сближались въ народныхъ школахъ и гимназіи, освоившись съ взглядами и привычками учащихъ и другъ - друга, — наступившія несчастія въ Уральскомъ войскѣ послужили къ сближенію взрослыхъ. За возмущеніемъ въ Киргизской степи въ 1869—1870 г., открылись неурожайные годы и холера. Неурожай 1872 г. былъ предсказанъ стариками заранѣе. Въ Кинделинскомъ форпостѣ распространился слухъ, что въ одномъ изъ окрестныхъ хуторовъ родился чудо-ребенокъ. Когда повивальная бабка хотѣла приступить къ исполненію своихъ обязанностей, младенецъ всталъ на ноги и, отказавшись отъ услугъ бабки, попросилъ посадить его за столъ; ребенокъ попросилъ юсть, а ему *подали воды*: „ну, догадались“,—заговорилъ новорожденный, — „подай вы хлѣба, быль бы у васъ моръ, а *теперь будетъ голодъ*“⁽¹⁾. — Что потомъ случилось съ этимъ чудомъ-ребенкомъ, никому неизвестно. Въ концѣ января, около семи часовъ вечера, небо постепенно приняло красноватый цвѣтъ и оставалось такимъ съ часть времени, а потомъ приняло снова обыкновенный видъ. Это явленіе, зависшее отъ съвернаго сиянія, также было принято за предзнаменованіе неурожая. Предсказанія одного „благословеннаго“ старика пошли еще дальше: онъ увѣрялъ другихъ, что ровно черезъ 28 лѣтъ наступитъ страшный судъ⁽²⁾; некоторые изъ простодушныхъ пріуныли не на шутку, а тутъ какъ разъ подошла и тяжелая година. Весна открылась очень рано, такъ что съ половины марта засѣвали хлѣбъ. Дождей не было почти до половины лѣта: хлѣбъ весь посохъ; луга и степи повыгорѣли, даже листья на деревьяхъ сверну-

⁽¹⁾ Ур. вѣд. 1872, № 17.

⁽²⁾ Тамъ же.

лись; скотъ отошалъ и едва передвигалъ ноги; ското-промышленники и земледѣльцы не знали, что дѣлать; скоро открылась холера, бывшая и въ предшествовавшее лѣто; народъ пріунылъ..... Горе скорѣе, говорять, сближаетъ людей, чѣмъ счастіе: и православные, и раскольники одинаково чувствовали силу постигшихъ ихъ несчастій. Нѣкоторые изъ иногородныхъ лицъ, проживающихъ въ войскѣ, подали мысль просить епархиальное начальство о дозволеніи приносить въ Уральскъ изъ села Табынского Стерлитамакскаго уѣзда Уфимской губерніи чудотворный образъ Казанской Божіей Матери. Эта мысль была принята многими ('),—и епархиальное начальство не замедлило сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе. 16 ноября священно-и-церковно-служители всѣхъ уральскихъ городскихъ церквей, послѣ литургіи, вышли за черту города встрѣтить чудотворную икону Царицы Небесной. Поле, разстилающееся скатертью предъ городомъ, версты на двѣ было усеяно народомъ и лошадьми; всѣ спѣшили впередъ, и пѣше, и конные, перегоняя другъ друга, чтобы скорѣе взглянуть на чудный образъ Богоматери.—Св. иконы, хоругви, богатое облаченіе духовенства, звонъ колоколовъ,—все это дополняло торжественную картину *первой встрѣчи чудотворной иконы въ раскольническомъ городѣ.*—Завидѣвъ святыню еще издали, всѣ начали молиться, многие пали на колѣни; тутъ молились и православные, и единовѣрцы, и благословенные, и некудышники,—*все христианское*,—и только киргизы въ своихъ малахаяхъ смотрѣли съ какимъ-то недоумѣніемъ на происходившее. При внесеніи чудотворного образа въ Александро-Невский соборъ, священникъ Григорій Евладовъ, какъ бы отъ лица города, привѣтствовалъ Дорогую Гостью рѣчью: „Откуду мнѣ сіе, да пріиде

ОБОРОТНАЯ СТОРONA
ОДНОГО ИЗЪ ЧЕРЕНКОВЫХЪ ПОДПИСЕЙ ВЪ МАСТЕРСКОМЪ ОСТОРОЖНО! (1)
СЛѢДУЮЩІЕ (1) Инициатива этого дѣла принадлежитъ иногороднымъ купцамъ: Ф. Н. Митенину и покойному А. А. Юрьеву.

Мати Господа моего ко мнѣ“⁽¹⁾?—Съ этого времени чудотворная икона Табынской Казанской Божіей Матери ежегодно въ декабрѣ приносится въ Уральскъ и остается въ городѣ около мѣсяца.

Во время трехмѣсячной засухи 1872 г. жители г. Уральска разныхъ толковъ снова соединились въ общей молитвѣ къ Богу: въ теченіе недѣли или двухъ иконы изъ всѣхъ городскихъ церквей собирались то къ Александро-Невскому, то къ Михайло-Архангельскому собору, откуда потомъ шли по улицамъ города, совершая въ разныхъ пунктахъ литій, а за городомъ, у Ханской рощи и на мѣстѣ Кочкина пира⁽²⁾, проходило всеобщее молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, при чёмъ молящіе слушали пѣніе и чтеніе пра-вославнаго и единовѣрческаго духовенства,—объ обрядовыхъ различіяхъ въ это время никто и не думалъ, всѣ были заняты однимъ желаніемъ, одной молитвой: „дай дождь земли жаждущей, Спасе!—Миновалъ страшный годъ; наступилъ 1873, болѣе счастливый для уральцевъ и по урожаю хлѣбовъ, и по событіямъ времени: въ этомъ году они сходили съ своимъ храбрымъ атаманомъ Веревкинымъ въ Хиву и принимали весьма дѣятельное участіе во взятіи „заклятаго“ города. Казаки возвратились на родину веселые и довольные, забывъ всѣ трудности степнаго похода. Но конецъ 1874 г. и особенно слѣдующій за нимъ 1875 годъ, безъ сомнѣнія, останутся надолго памятны Уральскому войску по тѣмъ печальнымъ для войска послѣдствіямъ, къ которымъ привело нѣкоторыхъ открытое сопротивленіе новому положенію о воинской повинности и хозяйственному управлѣнію въ Уральскомъ войску, Высочайше утвержденному 9 марта 1874 г.

⁽¹⁾ Оренб. епарх. вѣд. за 1872 г., гдѣ, памъ помнится, было напечатано это слово.

⁽²⁾ Духовенство Никольской и Успенской церквей не участвовало въ этихъ молебствіяхъ; но многие изъ ихъ прихожанъ бывали на этихъ молебнахъ и молились вмѣстѣ съ другими.

Волненіе уральскихъ казаковъ въ 1874—1875 г., какъ и волненія прежнихъ годовъ, не чуждо вліянія раскольниковъ, а потому нeliшне остановиться и на немъ, хотя многое изъ этого волненія намъ теперь еще неизвѣстно, а обѣ иномъ и говорить было бы преждевременно.

Лишь только пронеслась вѣсть о новомъ положеніи въ войскѣ, какъ начались сходки и открылись совѣщанія казаковъ. Не познакомившись должнымъ образомъ съ новымъ положеніемъ⁽¹⁾, казаки-коноводы увѣряли другихъ, что рѣку Ураль у нихъ отнимутъ и переселятъ къ нимъ изъ внутреннихъ губерній крестьянъ, между которыми и раздѣлять войсковую землю и луга. Многіе горячились при этомъ и говорили: „нѣтъ, этому не бывать! кровью мы приобрѣли Уралъ и нашу землю, кровью и продадимъ ихъ!“— Другое старались доказать неприкосновенное и безконтрольное право войска на р. Ураль и его территоію граматой царя Михаила Феодоровича, дарованной Яицкому войску. Изъ архивныхъ бумагъ Уральского войска видно, что грамата эта сгорѣла во время одного пожара, бывшаго въ Яицкомъ городкѣ еще въ XVII столѣтіи⁽²⁾; между тѣмъ коноводы-старики говорили теперь, что грамата, или „владѣнія“ на р. Ураль, была вынесена во время пожара діакономъ Михайлъ-Архангельского собора и зарыта въ землю въ особомъ чугунномъ ящику; будто діаконъ, умирая, завѣщалъ своему сыну не давать этой драгоцѣнности никому, кроме Государя Императора. — Нѣкоторые изъ стариakovъ прибавляли при этомъ, что на „владѣнії“ находятся изображенія четырехъ вселенскихъ патріарховъ, ихъ собственноручная подпись и золотая печать. Эти нелѣпые толки быстро распространялись.

(1) Смотр. положеніе 9 марта 1874 г. въ Ур. вѣдомостяхъ за 1874 г., здѣсь оно напечатано вполнѣ.

(2) Обѣ этой граматѣ мы скажемъ подробнѣе въ отдельной монографіи: «Яицкое войско до появленія Нугачева», которая будетъ напечатана въ одномъ изъ историческихъ журналовъ.

нились по форпостамъ, хуторамъ, уметамъ и зимовъ-
ямъ: вездѣ только и говорили о „владынной“.—Отстав-
ной казакъ Кругло-озерной станицы, Федоръ Василь-
евъ Стяговъ изготоилъ нѣсколько копій съ этой мни-
мой „владынной“ и началъ ихъ распространять между
другими. Число недовольныхъ оказалось очень значи-
тельно, когда начальство стало требовать отъ каза-
ковъ письменного обязательства въ подчиненіи новому
положенію: многие не хотѣли и слышать о томъ. Меж-
ду тѣмъ наказный атаманъ Н. А. Веревкинъ, еще
въ маѣ мѣсяцѣ отправился за границу, для излѣче-
нія раны, полученной имъ при взятіи Хивы. Восполь-
зовавшись отсутствиемъ своего атамана, недовольные
дѣйствовали еще смѣлѣ, находя поддержку въ сво-
ихъ женахъ и материахъ, которыхъ грозили имъ му-
ками ада, въ случаѣ подчиненія новому положенію, и
сулили вѣчное блаженство за непринятіе его: „лучше
пострадайте мученическою смертю, а не губите сво-
ихъ душенекъ!“ говорили онъ. Между тѣмъ воинскій
начальникъ, по соглашенію съ начальникомъ штаба,
распорядился разослать по форпостнымъ школамъ
буквари, въ которыхъ, по обыкновенію, помѣщены
были молитвы съ переводомъ на русскій языкъ и
объясненіями, также—различныя изображенія крест-
наго знаменія съ объясненіями, въ духѣ православ-
ной Церкви; а на первой страницѣ букваря находил-
ся четырехконечный крестъ съ сіяніемъ въ пресвѣте-
ніи, названный казаками-раскольниками „латинскимъ
крыжемъ“. Казаки, подстрекаемые закоренѣлыми рас-
кольниками, вообразили, что начальство, разсылая по
школамъ эти книжки, желаетъ заставить ихъ молить-
ся треперстно и—покланяться кресту четвероконеч-
ному, вместо поклоненія осмиконечному „истовому“
кресту; говорили, что всѣмъ начнутъ брить бороды;
что дѣтей отберутъ и увезутъ куда-то, а куда, неиз-
вѣстно (⁽¹⁾); что служащихъ казаковъ всѣхъ одѣнутъ

(1) Уральск. вѣд. 1875 г., № 48.

въ солдатское платье, а взрослыхъ дѣвицъ заберутъ и отправятъ на корабль въ Англію. Волненіе принимало все большия и большия размѣры. Въ сентябрѣ изъ Оренбурга прибылъ въ Уральскъ первый линейный баталіонъ, а за нимъ слѣдомъ, именно 7 сентября, явился въ городъ и генераль-губернаторъ Оренбургскаго округа, генераль-адъютантъ Н. А. Крыжановскій. 27 человѣкъ, за упорство и подстрекательство другихъ въ неповиновеніи властямъ, были приговорены или къ ссылкѣ въ Сибирь или въ арестантскія роты, но волненіе не утихало. 19 сентября приговоренные къ ссылкѣ 27 чел. были отправлены по назначению, а въ ночь на 20-е число возвратился изъ-за границы атаманъ Веревкинъ. Утромъ 20 числа, принимая съ визитомъ уральскихъ чиновъ и представителей различныхъ частей войска, Веревкинъ сказалъ: „съ удовольствіемъ вижу васъ, господа, здоровыми! одно непріятно, что *въ Уральскомъ войскѣ возникли большія затрудненія по введенію нового положенія*; впрочемъ, при помощи Божіей и вашемъ содѣйствіи, господа, я надѣюсь уладить это дѣло“!

Междудѣй извѣстный намъ Стяговъ и отставной казакъ Царево-Никольского форпоста Евстафій Гузиковъ въ октябрѣ пробрались въ Ливадію и подали на Высочайшее имя прошеніе объ отменѣ положенія 9 марта, подъ видомъ уполномоченныхъ отъ всего Уральскаго войска. Стяговъ и Гузиковъ, какъ самовольно отлучившіеся изъ войска безъ всякаго письменнаго вида, были препровождены на Ураль, а ихъ прошеніе, выполненное нелѣпыхъ возраженій и протестовъ противъ новаго положенія, отправлено къ командующему войсками Оренбургскаго округа.

Оба ходатая, по возвращеніи на Ураль, были задержаны и преданы военному суду въ особо учрежденной въ Уральскѣ временной комиссіи. Многіе изъ недовольныхъ новымъ положеніемъ желали видѣть ходатаевъ и говорить съ ними; но начальство этого не допустило, а продолжало арестовать и отдавать подъ

судъ противниковъ: въ ноябрѣ было вновь заарестовано и выслано изъ войска болѣе 50 человѣкъ. Въ январѣ 1875 г. состоялось слѣдующее рѣшеніе суда: „отставныхъ казаковъ Кругло-озерной станицы Федора Стлагова и Царево-никольского форпоста Евстафія Гузикова, какъ оказавшихся въ числѣ главныхъ дѣятелей, по возбужденію въ войскѣ неповиновенія властямъ, при введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденного, 9 марта 1874 г., положенія о воинской повинности и общественномъ войсковомъ хозяйственномъ управлѣніи, позволившихъ себѣ распространять ложные слухи и нелѣпые разсказы о правахъ войска, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу и на заводахъ на восемь лѣтъ каждого, съ приведеніемъ въ исполненіе надъ ними обрядности по силѣ 1040 ст. ХХIV уст. военн. судебнаго“⁽¹⁾. Это рѣшеніе 28 января конфиrmовано командующимъ войсками Оренбургскаго военного округа и объявлено виновнымъ, которые, по неимѣнію въ то время въ Уральскѣ эшафота, отправлены были въ Оренбургъ, для совершенія надъ ними указанной обрядности; а затѣмъ переданы гражданскому начальству для отсылки ихъ по назначению.

Раскольники, желая возбудить еще большій фанатизмъ въ казакахъ, чуждающихся св. православной Церкви, сочинили слѣдующіе стихи, обращенные къ упорствующимъ:

„Въ сѣмьдесятъ четвертое лѣто,
Настало у насъ житіе цѣльно:
По нашему согрѣщенію,
А по Божію попущенью,
Начали настѣ власти одолывать,
На новое положеніе понуждать;
А мы, христіане, стали о себѣ размышлять,
Какъ намъ христіанамъ жить,
Антихристовы прелести избить.

(1) Ур. в. вѣд. 1875 г., № 9.

Охъ, увы и горе! — *видео* Н эта ошибка П
 Сокрушаютъ нашу волю, од эээ атакуютъ ээ
 Уже мы недостойны *ладд* и ото, ээот *О*
 Стали жить спокойно: *обеща амур* — *видео* П
 За наши земные сласти *видео* *также* *видео* П
 Послалъ намъ Господь злыхъ властей; *видео* П
 Стали дѣлать перемычу, *видео* *также* *видео* П
 Вѣры Христовой измѣну. *видео* *также* *видео* П
 Лишимся, братіе, мірскихъ сластей, — ээот от ээ
 Станемъ противъ злыхъ властей! *видео* П
 За вѣру Христову пострадати, *видео* *также* *видео* П
 А своимъ дѣятамъ путь показати.
 О лживые судіи! за что вѣру Христову оболяли,
 А христіанъ безъ пощады погнали? —
 Мы же имъ отнюдь не досадили, *видео* П
 А они нась въ темницу посадили; *видео* П
 А кто изъ нась предался въ руки, *видео* П
 Не убоялся вѣчныхъ муки; *видео* П
 Мы же, христіане, видимъ душевную бѣду,
 Да не впадемъ въ руки лютому врагу!
 А кто сего не претерпѣваетъ,
 Какъ по глаголу Богъ повелѣваетъ, — *видео* П
 О, какъ наречемся христіане,
 Когда склеблемся аки пьяны?! *видео* П
 Сего ради, братіе, васъ увѣщаю, *видео* П
 Отъ писанія вамъ возвѣщаю!
 Утвердимся, братіе, аки камень,
 И воздадимъ Господеви сердечный пламень.
 Видимъ, братіе, предавшихъ погибель,
 Почто же мы къ нимъ идемъ? —
 Боямся, какъ отъ домовъ насъ разлучатъ,
 А въ день судный какъ станемъ отвѣтчать? —
 О, братіе, ежели на насть власти станутъ,
 О, братіе, на писаніе зрите
 И въ томъ себя утвердите!
 Самъ бо Господь насть свою кровию искупилъ,
 И насть о Господѣ жить попустилъ;
 Но мы того не соторяемъ,
 Житейскія прелести исполнимъ.
 Не гнушайтесь здѣшнаго тѣсненья,
 Не лашайтесь будущаго спасенія;

Просите Небеснаго Творца,—
 Не погубить насъ до конца.
 О, горе люто и бѣда!
 Подпишатся—души вреда.
 Настанет теперь время тѣсно,
 Жить намъ вмѣстѣ неполезно;
 Всего у насъ недостаетъ,
 Тутъ и врагъ на насъ возстаетъ;
 Не то горе—намъ разлука,
 Всѣ Адамовы мы внуки.
 Адамъ прадѣль запись далъ,—
 Весь свой родъ во адъ послалъ;
 И того мы опасаемся,
 Здѣсь живемъ мы, не спасаемся;
 И грѣшимъ мы весь свой вѣкъ,
 Какъ пойдемъ къ Богу въ отвѣтъ?
 Охъ, бѣда и горе!
 Какъ живемъ мы по волѣ.
 Если тѣсно здѣсь пожить,
 За Христа тѣлеса свои положить;
 То за здѣшнее тѣсненіе
 Получимъ отъ Бога спасенье.
 Хотя сидимъ мы здѣсь и скучны,
 Но отъ Бога неразлѣчны;
 Ожидаемъ себѣ конецъ,
 Богъ поможетъ намъ Творецъ” (¹).

Нѣкоторыя казачки выучили эти стихи наизусть, и распѣвали ихъ заунывнымъ, раздирающимъ душу, напѣвомъ на 6-й гласъ; пѣніе сопровождалось глубочайшими печальными вздохами. Стихи эти увлекли нѣкоторыхъ изъ простоватыхъ казаковъ, которые, изъявивши предъ тѣмъ желаніе принять новое положеніе, снова пошли и сказали, что они не принимаютъ „антихристовой прелести“,—и были арестованы. Движеніе на Уралѣ сдѣжалось и предметомъ церковныхъ проповѣдей священнослужителей Уральскаго войска. Протоіерей Назаровъ, при освященіи храма

(¹) См. «Истина» кн. 51, 1877 г. апрѣль—май.

въ Чаганскомъ форпостѣ, высказалъ слѣдующее: „Прі-
вѣтствуя васъ, братіе, съ новоосвященнымъ храмомъ
и призывая къ радости, я въ глубинѣ души скорблю
о васъ. Вы, безъ сомнѣнія, понимаете, что источникъ
этой скорби составляютъ тѣ печальные и грустныя
событія, которыя переживаемъ мы въ настоящее вре-
мя. Радость ваша омрачена неразумнымъ противле-
ніемъ установленной Богомъ власти съ его послѣд-
ствіями. На лицахъ вашихъ видна не радость, а
грусть и тревога. Вы, бѣдные, опустили руки; не
знаете, что дѣлать и что предпринять. Дѣйствительно,
грустно и тяжко становится на душѣ; сердце об-
ливается кровью при одной мысли о томъ, что дѣ-
лается теперь между вами, какое несчастіе постигло
васъ и до чего мы дожили! — Сколько гибнетъ нера-
зумныхъ жертвъ и гибнетъ единственно по закоснѣ-
нію и невѣжеству! — Послушайте, возлюбленные! мы
родились, воспитались между вами, мы, такъ сказать,
всѣ ваши; намъ, кромѣ того, вѣрено попеченіе о ду-
шиахъ вашихъ, за которыя мы должны будемъ отдать
отвѣтъ предъ Господомъ Богомъ. Мы не можемъ не
сожалѣть о васъ и, поэтому, слово наше должно быть
правдою. Вѣдь ваше несчастіе — наше несчастіе, а
ваша гибель — намъ не отрада. Видѣтъ Богъ, я отъ
всей души жалѣю васъ! Трудно сказать, что ожида-
етъ васъ впереди, но, повѣрьте, доброго ожидать не-
льзя. Всѣ сословія благословенной Россіи съ покор-
ностію приняли новое положеніе о воинской повинно-
сти, одни только мы противимся (⁽¹⁾).... Не вѣрьте
никому, что объявленное вами правительствомъ распо-
ряженіе касается вашей опры и вашихъ убѣждений; это
гнусная клевета и вымыселъ, распространяемый

(¹) Мы опускаемъ для краткости тексты св. писанія, приводимые
далѣше почтеннымъ протоіереемъ, въ доказательство необходимости под-
чиненія властямъ.

злонамѣренными людьми. Въ Россіи, кромѣ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, есть и магометане, и евреи, и идолопоклонники. Мы видимъ, что всѣ они свободно исповѣдуютъ свою религию и отправляютъ свое богослуженіе. Вѣротерпимость лежитъ въ основаніи нашего законодательства. За вѣру и за религіозныя убѣжденія у насъ никого не гонятъ и не преслѣдуютъ. Давно уже миновало и то время, когда противъ раскола принимались болѣе или менѣе строгія мѣры. Снисходя къ заблужденіямъ этихъ отщепенцевъ, правительство имъ уже даровало нѣкоторые права и льготы. Еще повторяю и свидѣтельствую предъ симъ св. алтаремъ, что новое положеніе вовсе не касается вѣры и религіозныхъ убѣждений; оно только требуетъ отъ вѣръ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ порядкѣ отбыванія службы и нѣкоторыхъ измѣненій въ управлении войсковымъ хозяйствомъ. Вѣрь вашей ничто не угрожаетъ, никто на нее не посягаетъ; за какую же вѣру воображаютъ себя мучениками ваши мнимые страдальцы?!—Они терпятъ не за вѣру, а за свое неразумное упорство и невѣжество, и ии въ какомъ случаѣ они недостойны высокаго имени мучениковъ. Вы, по своей простотѣ и невѣдѣнію, думаете, что все это дѣлается не по царскому повелѣнію, а только по желанію мѣстнаго начальства,—не вѣрьте и этому! Кто осмѣлитъ злуопотреблять именемъ царя?—Возможно ли, чтобы отъ Высочайшаго имени обнародовались и приводились въ исполненіе распоряженія и преобразованія, на которыхъ бы предварительно не послѣдовало Высочайшаго утвержденія и соизволенія?—Кто знакомъ съ нашимъ государственнымъ строемъ, и съ узаконенными у насъ порядками, тотъ никогда не поверить этому. Настоящее царствование ознаменовало цѣлымъ рядомъ реформъ, направленныхъ къ благоустройству всѣхъ безъ исключенія вѣрноподданныхъ. И намъ ли не отдать себѣ всепѣло отеческой мудрости и попеченію нашего обожаемаго Монарха и Отца! Намъ ли не повиноваться его державной волѣ?!

Всмогритеся, наконецъ, въ прошлое. Въ исторіи на-
шего войска вы найдете въ этомъ отнешеніи немало
поучительного. Наше прошедшее вамъ съ очевидно-
стю докажетъ, какія печальныя послѣдствія влекли
за собою бывшія у насъ прежде смуты и волненія.
Сколько нужно было времени, сколько потребовалось
напряженныхъ съ нашей стороны усилий, чтобы за-
гладить наше прошедшее. Высочайшее вниманіе къ
службѣ нашего войска и Высочайшія милости, коихъ
мы удостоивались, могли льстить насъ надеждою, что
наше прошедшее искуплено нами. Но мы окажемся
недостойны этого вниманія и этихъ милостей, если,
вмѣсто глубочайшей вѣрноподданнической преданно-
сти и полнѣйшей покорности, вновь выкажемъ непо-
виновеніе и упорство. Вы, упорствую и неповинуясь
объявленному вамъ Высочайше утвержденному положенію, вновь являетесь ослушниками воли царской,
и вновь налагаете на себя и вашихъ потомковъ это
позорное пятно. Я знаю, что вы не всѣ еще выпол-
нили то, что требуется отъ васъ правительствомъ,
вы все еще какъ бы выжидаете чего-то. Умоляю васъ,
образумьтесь и выполните требуемое, пока есть врем-
я,—не медлите! Повѣрьте, что начальство такъ же,
какъ и мы, жалѣеть васъ, и если оно медлитъ и не
прибѣгаєтъ къ болѣе строгимъ мѣрамъ, то единствен-
но въ ожиданіи вашего раскаянія и вразумленія.—
Не вѣрьте злонамѣреннымъ людямъ, которые, поль-
зуясь вашей довѣрчивостью и невѣдѣніемъ, намѣрен-
но искажаютъ и превратно истолковываютъ благія
цѣли и желанія правительства” (¹).

Это теплое и задушевное слово о. протоірея возъ-
имѣло желаемое дѣйствіе: 49 человѣкъ казаковъ изъ
непринявшихъ положенія явились къ нему на кварти-
ру, и изъявили полную готовность подчиниться всѣмъ
требованіямъ начальства, и протоіерей Назаровъ лиц-

(¹) Ур. в. вѣд. 1874 г., № 49.

но доставилъ ихъ къ станичному атаману. Остальные казаки также сильно поколебались въ своемъ упорствѣ и раздѣлились во мнѣніяхъ: одни говорили, что нужно скорѣе подписатьсь, другіе, напротивъ, совѣтовали выжидать, что будетъ дальше. Между тѣмъ, въ видахъ наибольшей безопасности дѣйствій начальства, изъ Саратова отправлены были въ Уральскую область два батальона Кутаисскаго полка (¹). Въ маѣ, іюнѣ и юлѣ 1875 г. выслано изъ войска болѣе 500 ч. казаковъ въ Аму-Дарынскій край, съ лишеніемъ казачьяго званія и съ исключеніемъ навсегда изъ войска (²). Но казаки все еще упорствовали: на лѣтніе сборы явились въ Уральскъ, Илекъ и Бородинскій форпостъ только 803 ч., вмѣсто 1193, т. е. на 390 ч. менѣе. Въ августѣ и сентябрѣ снова от направлено изъ войска 1145 ч., въ Туркестанскій военный округъ (³), а неспособные изъ нихъ къ работѣ поселены въ оренбургскихъ крѣпостяхъ съ магометанскимъ населеніемъ, нѣкоторые же были высланы во внутреннія губернія и обращены въ крестьянъ.

Наконецъ стали составлять общественные приговоры и адресы на имя наказнаго атамана; такъ казаки обѣихъ уральскихъ станицъ, въ числѣ 891 ч., составили особый приговоръ, въ которомъ между прочимъ высказали: „Положеніемъ 9 марта 1874 г. Державный Монархъ явилъ новый знакъ особой, высокой Его къ войску нашему милости, подтвердивъ законодательнымъ порядкомъ всѣ старинныя права и привилегіи войска, за вѣрную и честную службу его разновременно дарованыя, и сохранивъ неприкосно-

(¹) Кутаисцевъ потомъ смѣнили гурбіцы, пришедшіе въ Уральскъ въ февралѣ 1876 г.

(²) Ур. в. вѣд. 1875 г. №№ 22, 23, 26, 29 и дал.

(³) Въ Уральскъ явилось 186 ч., въ Бородинскій форпостъ 210, въ Илекъ 407 ч. Ур. в. вѣд. 1875, №№ 26 и 27.

(⁴) Ур. в. вѣд. 1875 г., №№ 34—35, 39 и 41.

венными коренные основы общественного и хозяйственного быта войска и издавна установившийся порядок службы".

"Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и безпрѣдѣльной благодарности отнеслись къ высокой милости царской благомыслящіе и вѣрные долгу службы, чести и присяги казаки. Но, къ глубокому прискорбію войска, нашлись и такие, кои, забывъ долгъ службы и присяги, обязывающей каждого безпрекословно повиноваться законнымъ властямъ, позволили себѣ отказаться отъ исполненія требованій войскового начальства, истекающихъ изъ новаго положенія, какъ напримѣръ: отъ выбора станичныхъ депутатовъ, уплаты подможныхъ денегъ чинамъ учебной сотни и явки на сборные пункты для строевыхъ занятій. Глубоко огорченные недостойнымъ, пятающимъ все войско, поведеніемъ нашихъ собратій, вполнѣ сознавая всю тяжесть преступленія ихъ, мы, обыватели двухъ станицъ г. Уральска, въ числѣ 891 домохозяина, единогласно постановили:

"Въ виду продолжавшагося упорства казаковъ (между которыми, къ прискорбію нашему, оказываются и наши одностаничники) въ неисполненіи Высочайшей воли и въ опасеніи справедливой законной кары, которая можетъ постигнуть все войско, по винѣ упорствующихъ, заявить, чрезъ атамана I отдѣла полковника Темникова, его превосходительству глубокоуважаемому атаману Николаю Александровичу полнѣйшее порицаніе образа мыслей и дѣйствій недостойныхъ собратій нашихъ, позорящихъ своимъ неповиновеніемъ насъ и все войско,—заявить, что между нами не было, нѣть и не можетъ быть ничего общаго. Единогласно и торжественно отчуждаемъ мы ихъ отъ нашей семьи. Пусть несутъ они одни справедливо заслуженное ими наказаніе, и пусть, съ удаленіемъ ихъ изъ нашей среды, возстановится спокойствіе въ нашемъ войскѣ, и оно, попрежнему, сплотится въ одно цѣлое, проникнутое одинаковыми чувствами безпрѣ-

дѣльной преданности Государю и отечеству, честнымъ и вѣрнымъ пониманіемъ своего долга, полнымъ дорѣремъ къ начальству и безпрекословнымъ новиновеніемъ".

"Вмѣстѣ съ симъ всепокорнѣйше просимъ предста-
тельства его превосходительства предъ высшей вла-
стию, да не постигнетъ насъ, нижеподписавшихся и
и всѣхъ другихъ, покорныхъ и вѣрныхъ долгу членовъ
войсковой семьи, участъ, ожидающая тѣхъ, кои дер-
заютъ противиться державшой волѣ Государя Импе-
ратора" ('). (Слѣдуютъ подписи 891 чел.).

Въ такомъ же духѣ составлены были адресы въ Гурьевѣ за подписью 408 чел., въ Сарайчиковской крѣпости (328 ч.), въ Зеленовскомъ форпостѣ (226 ч.), въ Кулагинской (200 ч.) и Яманхалинской стани-
цахъ (159 ч.) ('). Эти 2212 голосовъ смѣло и откры-
то заявившихъ свою готовность принять безпреко-
словно положеніе 9 марта 1874 г., и болѣе 2000 ка-
заковъ, высланныхъ изъ войска за упорство въ Аму-
Даргинскій край, Сибирь и внутрення губерніи, дали
совершенство другой оборотъ дѣлу: волненіе стало ути-
хать, умы успокоились, раскольники притихли, каза-
ки одумались и мало-по-малу принялись за свои дѣ-
ла, которыя были запущены.

Междудѣйствіе изъ сосланныхъ въ Аму-Даргинскій край казаковъ 89 челов. отказались селиться и стро-
иться на отведенныхъ имъ тамъ мѣстахъ. Нѣсколько казаковъ было отдано подъ судъ, какъ зачинщики, и
сосланы въ каторжныя работы; остальные, въ числѣ
77 чел., подвергнуты были аресту въ теченіе времени
отъ одного до трехъ мѣсяцевъ ('). Такъ закончилось
волненіе на Уралѣ, — и казаки теперь, съ краскою
въ лицѣ, вспоминаютъ о первомъ гремени своего

(') Ур. в. вѣд. 1874, № 34.

(") Ур. в. вѣд. 1875 г., №№ 29, 32, 33, 34 и 35.

(") Ур. в. вѣд. 1876 г., № 30.

протеста, выразившагося такъ неудачно въ ихъ волненіи. Въ ноябрѣ 1876 г. Уральское войско простились съ своимъ атаманомъ⁽¹⁾: Н. А. Веревкинъ быль назначенъ членомъ Комитета о раненыхъ⁽²⁾, а на его мѣсто назначенъ генераль-маиръ свиты Его Величества, князь Г. С. Голицынъ.

Въ настоящемъ (1878) году осуществилось желаніе покойнаго священника Успенской церкви Севрюгина, высказанное имъ въ докладной запискѣ атамана Столыпину, именно: въ Уральскѣ открыты публичные диспуты, или собесѣданія съ старообрядцами. Эти собесѣданія происходятъ теперь по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ въ Казанской единовѣрческой церкви; ведеть ихъ священникъ Казанской церкви Поликарпъ Фроловъ. На собесѣданіяхъ бываетъ много и православныхъ, и единовѣрцевъ, и раскольниковъ разныхъ взглядовъ и толкогъ,—и всѣ принимаютъ въ нихъ живое и горячее участіе. Вначалѣ диспуты бывали довольно шумны: одни начинали говорить объ „аллилуїа“, другие, не дослушавъ и не докончивъ „яже объ аллилуїа“, быстро переходили къ новымъ вопросамъ,—къ вопросу о крестѣ, о хожденіи „по-солонь“, о Стоглавѣ, о соборѣ 1666 г. и т. д. Теперь собесѣданія приняли болѣе спокойный характеръ и происходятъ безъ крика и увлечений; вся кому собесѣданію предварительно предшествуетъ программа; обыкновенно объявляется собравшимся на собесѣданіе, что напр., нынѣ будуть разсуждать о томъ-то, о такомъ-то предметѣ, объ этомъ только и говорять. Покойный священникъ Савва Севрюгинъ, какъ мы знаемъ, предлагая Столыпину устроить диспуты между прочимъ, высказалъ, что на эти диспуты раскольниковъ съ православными должны быть допускаемы

⁽¹⁾ Ур. вѣд. 1876 г., № 45.

⁽²⁾ 10 июля 1878 г. Н. А. Веревкинъ скончался въ Гансалѣ.

только люди знающіе, начитанные и благоразумные какъ съ той, такъ и съ другой стороны; что православные должны опираться въ своихъ опроверженіяхъ и возраженіяхъ на старопечатныя книги, такъ-какъ новопечатнымъ книгамъ раскольники не вѣрять. Придавалъ важное значеніе такимъ диспутамъ, о. Савва замѣчаетъ, что это дѣло обюдоостре, что плохіе диспутанты и оппоненты, вмѣсто пользы, могутъ прінести только вредъ: „если,—говорить онъ,—православные не докажутъ раскольникамъ на всѣ ихъ вопросы, тогда они только болѣе восторжествуютъ, не жели убѣдятся“ (¹).

Въ какихъ пунктахъ попреимуществу скученья теперь расколъ, сказать трудно, такъ какъ онъ распространенъ въ войскѣ повсемѣстно.—Моленныхъ домовъ въ Уральскомъ войскѣ официально, съ дозволенія правительства, не существуетъ, богослуженіе же старообрядцы-раскольники совершаютъ тайно въ частныхъ домахъ. Главными заправителями богослуженій въ этихъ домахъ, по большей части, бываютъ иногородные, какъ болѣе опытные и знающіе свое дѣло люди, чѣмъ казаки, между которыми основательные „начетчики“ встрѣчаются рѣже. Особенно бываетъ много молящихся въ домѣ торговца Симакова; въ предпраздники и самые праздники богослуженіе здѣсь отличается торжественной обстановкой, въ чемъ занимаетъ видное мѣсто извѣстный лжеепископъ Викторъ, задумавшій было преобразовать и расширить Бударинскій скитъ; это уральский казакъ, жившій раньше въ Барановскомъ умѣть, находящемся вблизи Бударинского форпоста; намъ передавали, что Викторъ малограмотный и малосвѣдущій человѣкъ, но скромной жизни и кроткаго характера.—По форпостамъ, хуторамъ, уметамъ, зимовьямъ и выселкамъ, гдѣ нѣтъ еди-

(¹) См. гд. V част. очерка.

новѣрческихъ церквей, или куда почти никогда⁽¹⁾ не заглядываетъ приходское духовенство, моленныхъ домовъ еще больше; богослуженіе въ нихъ совершается тайно, изъ боязни начальства. Часовень, гдѣ бы раскольники открыто совершили богослуженіе, ни въ городе, ни въ форпостахъ не имѣется; единовѣрческое же духовенство, у которого приходы растянуты на большое разстояніе, имѣетъ и часовни, въ которыхъ богослуженіе бываетъ открыто и торжественно. Такія часовни находятся, напримѣръ, въ Мергеневскомъ форпостѣ, въ приходѣ Горячинской церкви; въ Красноярскомъ форпостѣ, въ приходѣ Калмыковской церкви; въ Зеленовскомъ форпостѣ, въ приходѣ Кулагинской церкви. Жители всѣхъ форпостовъ, гдѣ находятся часовни, почти исключительно единовѣрцы; самыя часовни построены по ихъ желанію, а потому современемъ легко могутъ быть обращены въ единовѣрческие храмы, что весьма было бы желательно и умѣстно, при недостаткѣ церквей въ войскахъ и при томъ влияніи, которое они оказали и оказываются на уральскихъ казаковъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Можно надѣяться, что еслибы въ каждомъ форпостѣ была церковь и преданный своему дѣлу священникъ; то единовѣріе стало бы все болѣе и болѣе распространяться, а расколъ ослабѣвать. Это видно изъ того, что въ большомъ Круглоозерномъ форпостѣ всѣ до одного были раскольники, но между ними скрывались и желающіе ходить въ церковь; когда построили тамъ церковь, явились и единовѣрцы. То же самое произошло въ Кушумскомъ хуторѣ и въ Чаганской станицѣ, и только въ Сламихиномъ хуторѣ церковь доселѣ почти исключительно посѣщается проживающими тамъ иногородцами.

⁽¹⁾ Антоновскій форпостъ, находящійся въ приходѣ Калмыковской церкви, никогда не посѣщается духовенствомъ; а въ немъ всѣ казаки-раскольники и люди богатые, имѣющіе сотни тысячъ капитала. Чижинская линія, растянутая на 200 верстъ по саратовскому тракту, посѣ-

Пробѣгая мысленно все содержаніе нашего очерка, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ. Первоначальная причины появленія раскола въ Уральскомъ войскѣ были тѣ же, что и въ другихъ мѣстахъ Россіи; но впослѣдствіи среди Уральского войска явились и особенные мѣстныя условія, получившія политическій характеръ, которыя благопріятствовали усилению, распространенію и прочности раскола въ войсковыхъ предѣлахъ. Начиная со временъ Петра Великаго, правительство стремится включить казаковъ въ общую систему управлѣнія, и вводить среди нихъ разныя преобразованія, направленные къ ограничению казачьаго самоуправлѣнія. Казаки опасаясь, что старый вѣчевой строй ихъ общинъ долженъ рушиться, рѣшаются энергично отстаивать свои ста-ринные права и привилегіи. Старшины, есаулы и другія должностныя лица становятся на сторону правительства, и чрезъ то теряютъ довѣріе въ народъ. Возникаетъ двѣ партіи старшинская и народная, или согласная и несогласная (съ видами правительства). Борьба этихъ партій между собою и оппозиція народной партіи стремленіемъ правительства и придаютъ тотъ своеобразный характеръ расколу въ Уральскомъ войскѣ, какой онъ получилъ впослѣдствіи: *старал вѣра съ ея обрядовой стороной сдѣлалась лозунгомъ для соединенія поборниковъ казачества, оплотомъ отъ военно-гражданскихъ реформъ правительства.* Расколъ въ этомъ послѣднемъ видѣ былъ не столько протестомъ противъ православной Церкви, сколько оппозиціей противъ правительства и его сторонниковъ. Сосланные на Ураль, въ 1683 и 1702 г., московские стрѣльцы, зараженные расколомъ, а также несправедливость и взяточничество слѣдователей, сыщиковъ и фискаловъ, явившихся въ разное время

старал вѣра съ ея обрядовой стороной сдѣлалась лозунгомъ для соединенія поборниковъ казачества, оплотомъ отъ военно-гражданскихъ реформъ правительства. Кажды годъ изъ да въ сентябрьскомъ, проходившемъ въ городѣ Уральскѣ, только два раза въ годы: весной, посль Пасхи, и осенью — въ сентябрѣ.

въ войско, еще болѣе усиливаютъ ненависть казаковъ къ Москвѣ и ея поборникамъ, старина же со всѣмъ ея содержаніемъ получаетъ все болѣе и болѣе обаятельное значеніе въ глазахъ Уральскаго войска. Въ самомъ Уральскѣ возникаетъ цѣлая раскольническая слобода, или Шацкій монастырь, и раскольники—казаки, недовольные Москвою, здѣсь только и желаютъ молиться: „*атаманы-молодцы! въ церковь не ходите и книги нынешнихъ не слушайте, нынешня книги новопечатныя*“,—взыгралъ къ народу поборникъ казачьяго сѣмоуправленія, Федоръ Рукавишниковъ; народъ съ жадностю внималъ словамъ своего любимца; священникъ Василій Семеновъ, осмѣлившійся было обличать Рукавишникова въ „*хулени на Церковь*“, быль „*посаженъ въ воду*“. Гоненіе, воздвигнутое на раскольниковъ внутри Россіи, также немало содѣйствовало росту уральскаго раскола. Тѣснимые и бѣжавшіе на Ураль раскольники, приписывая инициативу своимъ гоненіемъ духовной власти, всѣми мѣрами старались подорвать авторитетъ ея и вооружить противъ нея казачество. Скоро обстоятельства сложились такъ, что казаки невольно должны были встать въ враждебное отношеніе къ духовной власти. Казанскіе епископы, которымъ подчинено было прежде Уральское войско въ духовномъ отношеніи, отважились на смѣлые и рѣшительныя мѣры: они пожелали учредить въ Уральскѣ Духовное правленіе, замѣнить священниковъ изъ казачьяго званія иногородными, рѣшились отобрать у войскового духовенства старопечатныя книги и старинныя иконы, замѣнивъ ихъ новыми, и произвести духовную перепись, не скупясь при томъ и на рѣзкія выраженія противъ раскольниковъ. Вслѣдствіе этого, духовная власть и священники скоро потеряли должное уваженіе и довѣріе въ глазахъ казаковъ; многіе, не желая подчиняться ихъ дѣйствіямъ, порвали всякую связь съ Церковью и ея служителями. Уничтоженіе въ 1741 г. Шацкаго монастыря, и начавшіеся послѣ того розыски раскольниковъ, скры-

вавшихся на Уралъ, ни къ чему хорошему не привели: изъ трехъ сотъ пойманныхъ раскольниковъ обратившихся къ Церкви было не болѣе 40 чел., да и тѣ пожелали оставить расколъ единственно изъ боязни пытокъ, прочие же или добровольно уморили себя голодомъ, или предпочли остаться въ каторгѣ, или же замерзли въ степи и потонули въ рѣкахъ, еще во время самыхъ розысковъ, — словомъ, ни розыски, ни пытки въ застѣнкѣ Сыскнаго приказа, ни увѣщанія раскольниковъ въ консисторіяхъ не могли ослабить раскола на Уралъ. Благодаря ходатайству Неплюева, Военная коллегія въ 1756 г. приказала „всякіе розыски и преслѣдованія раскольниковъ на Яикѣ (Уралѣ) прекратить“.

Во второй половинѣ XVIII в. возникаютъ знаменитые въ расколѣ Иргизскіе монастыри, и забираютъ уральскихъ казаковъ въ свои желѣзныя грубыя руки. Подъ могучимъ вліяніемъ иргизской братіи, расколъ на Уралѣ получилъ еще большую прочность. У казаковъ явились и свои истовые попы, и свое муро, и древніе антиминсы, и старопечатныя книги; на войсковой территории возникаютъ знаменитые раскольническіе скиты, какъ Сергіевскій, которые въ свою очередь дѣлаются разсадниками другихъ скитовъ въ войскѣ. Въ самомъ Уральскѣ, какъ бы въ замѣнь разрушенного Шацкаго монастыря, была построена Успенская раскольническая часовня, куда обратилась вся казачья аристократія, во главѣ съ своими атаманами и полицейскими чиновниками, увлекшими за собою большую часть войска. Казачьи атаманы и другие представители казачьяго управления запасаются своими домашними попами: Савелій Сумкинъ отправляетъ всѣ службы и требы у атамана Петра Назарова, а Михайло Пятовъ и Петръ Севрюгинъ у другихъ важныхъ начальниковъ.

Въ первой четверти настоящаго столѣтія расколъ на Уралѣ усилился еще болѣе, вслѣдствіе чрезмѣрной терпимости со всікимъ ересями и сектами. Въ

силу указа, 26 марта 1822 г., поповцы могли безвозвратно держать у себя бѣглыхъ поповъ, лишь бы послѣдніе до своего побѣга не совершили уголовнаго преступленія. Въ это время образуются въ предѣлахъ Уральскаго войска новые раскольническіе скиты: Бударинскій, Филаретовскій и Садовскіе, изъ которыхъ первый и послѣдніе существуютъ до сего времени. Въ сороковыхъ годахъ, вслѣдствіе общаго оскудѣнія священства въ раскольническомъ мірѣ, на Уралѣ являются, по выбору общества, особые „благословенныи“ старцы, или доморощенныи попы, какъ напримѣръ: Г—въ, Н—ъ и др. Австрійская лжеіерархія, возникшая въ 1846 г. въ Вѣлой Криницѣ, надѣлила и уральскихъ казаковъ своими лжеепископами и лжепопами: въ 1852 г. въ предѣлахъ Уральскаго войска появляются раскольническіе архиереи Софроній и Виталій, которые поставляютъ для казаковъ, иногда изъ ихъ же среды, и своихъ поповъ. Малочисленность храмовъ въ Уральскомъ войскѣ, недостатокъ образования въ краѣ, слабая подготовка къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ войскового духовенства и полная зависимость его въ материальномъ отношеніи отъ войска также немало благопріятствовали расколу и раскольнической пропагандѣ на Уралѣ; но коренной источникъ, основа и крѣпость уральскаго раскола заключаются въ общественномъ строѣ, въ изолированномъ положеніи Уральскаго войска, въ его усилившемся что бы то ни стало, поддержать прежнее устройство самобытной и вольной общинѣ,—словомъ, въ его принципѣ: „служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чёмъ невредиму состоять“. Желаніе обособиться и быть у себя полновластными хозяевами всегда дѣлало старину привлекательной въ глазахъ казачества, а „старая вѣра“ постоянно служила Уральскому войску какъ бы оплотомъ противъ всѣхъ военногражданскихъ реформъ, направленныхъ къ слиянію и уравненію казаковъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи.

Протестуя противъ правительственныхъ распоряженій, уральскіе казаки всегда становились подъ знамя „старой вѣры“, разыгрывая изъ себя роль какъ бы мучениковъ, гонимыхъ за вѣру, въ случаѣ неудачи протеста и наказанія виновныхъ. Припомните январскую рѣзню 1772 г., Кочкинъ пиръ, волненія 1837 и 1874 годовъ. Въ 1772 году казаки подъ сѣнью церковныхъ хоругвей и образовъ, въ сопровожденіи облаченаго въ ризы духовенства, при звонѣ церковныхъ колоколовъ, идутъ на убийство шестидесяти человѣкъ, исполнявшихъ волю правительства; перекрестясь двуперстнымъ „*истовымъ*“ крестомъ, они за волосы вытаскиваютъ своего атамана Тамбовщера на дворъ, безпощадно бьютъ его, еще у живаго разрѣзываютъ грудь и звѣрски вырываютъ сердце; тѣ же ревнители старой вѣры „*урядою брадатые*“ рубятъ въ куски генерала Фонт-Траубенберга и безжалостно убиваютъ старшинъ и казаковъ, сторонниковъ воли правительства, поджигая и разоряя ихъ дома. Въ маѣ того же (1772) года, выступая въ походъ противъ генерала Фреймана, посланного для ихъ усмиренія, они *служатъ молебенъ* и рѣшаются проливать кровь единовѣрныхъ христіанъ, заискивая въ то же время расположенія у киргизъ чрезъ Нурали-хана. Послѣ Кочкинка пира, на мѣстѣ экзекуціи виновныхъ, уральцы ставятъ два черные осмиконечные креста, которые ревниво оберегаютъ до сихъ порь (¹). Противники правительственныхъ реформъ, упорные и закоснѣлые раскольники, являются въ глазахъ уральцевъ мучениками, а покорные волѣ правительства—*дѣтами антихриста*. Главные коноводы всѣхъ подобныхъ протестовъ были всегда самые закоренелые раскольники, какъ напр. казаки: Ключенковъ, умерший въ поморскомъ скиту, Павловъ, Фроловъ, Ботовъ и др.

(¹) Эти кресты въ настоящее время, по случаю расширенія города къ сѣверу, очутились среди Большой улицы, почти при самомъ вѣзѣ въ нее отъ вѣтряныхъ мельницъ.

Что касается дѣятельности правительства и его представителей на Уралѣ, по отношенію къ Уральскому войску и расколу; то здѣсь нельзя не замѣтить того колебанія и той неустойчивости, которыми отмѣчена эта дѣятельность, особенно въ прошломъ столѣтіи.— Правительство 28 декабря 1769 г. издаетъ указъ о легионной службѣ, требуя отъ Яицкаго (Уральскаго) войска въ составѣ легиона 334 чел., а 7 декабря слѣдующаго (1770) года, уступая протесту казаковъ, особымъ Ѣказомъ уволняетъ казаковъ отъ легионной службы; два раза (въ 1762 и въ 1803 г.) вводитъ очередную службу, отмѣняя наемку въ Уральскомъ войску, и каждый разъ снова разрѣшаетъ отправлять службу по найму; приказываетъ разыскивать и ловить раскольниковъ, представлять ихъ наувѣщаніе въ консисторіи и Сыскной приказѣ,— и снова велитъ прекратить всякие розыски; дозволяетъ имѣть всѣмъ старообрядцамъ бѣглыхъ поповъ⁽¹⁾, разрѣшаетъ постройку раскольническихъ часовенъ⁽²⁾,— и потомъ все это отмѣняетъ. Такое же колебаніе замѣтно и въ дѣятельности главныхъ начальниковъ Оренбургскаго края и войсковыхъ атамановъ Уральского войска.— Военные губернаторы: Игельстромъ, Волконскій, Сухтеленъ, Обручевъ и Безакъ, а равно и бывшіе при нихъ войсковыми атаманами: Донсковъ, Назаровъ, Бородинъ, Геке и Данdevиль относятся къ расколу въ Уральскомъ войску почти пассивно; между тѣмъ какъ ихъ преемники: Эссенъ, Перовскій, Катенинъ, Покатиловъ, Кожевниковъ, Столыпинъ и Веревкинъ, заботясь о разныхъ преобразованіяхъ въ войску, не игнорируютъ и вопроса о расколѣ, стараясь ослабить онъ извѣстными мѣропріятіями. Эта двойственность мѣропріятій, по отношенію къ уральскому расколу, даже обнаруживалась иногда и въ дѣятельности одного и того

(1) Указъ 26 марта 1822 г.

(2) Успенская часовня въ Уральске.

же лица. Такъ, графъ Перовскій, въ первое время своего управлениі краемъ, дѣйствовалъ гораздо настойчивѣе и энергичнѣе противъ раскола, чѣмъ послѣ, когда онъ вторично былъ назначенъ на мѣсто оренбургскаго губернатора. Такая уступчивость и такое колебаніе со стороны правительства и властей, вызываемыя, можетъ быть, обстоятельствами времени и благоразумною осторожностью правительства, какъ бы приучили казаковъ къ тому ожесточенному и безразсудному упорству, которое останется чернымъ пятномъ въ исторіи уральского войска; подъ вліяніемъ снисходительности и долготерпѣнія правительства, уральцы какъ бы сроднились съ надеждою, что авось, какъ въ старые годы, опять уступятъ ихъ протесту и сдѣлаются по ихъ желанию. Волненіе 1874 года доказало, что и теперь между уральскими казаками есть такие несчастные ревнители старины, какіе были и раньше, какъ напримѣръ Павловъ, современникъ Кочкина пира, который говорилъ въ назиданіе потомству: „*пострадайте за впру,* а докажите начальству, что вы не ясачные татары, не пахатные солдаты, а вольные люди, славные яицкіе казаки, — *вспыхъ не перестрѣляютъ, вспыхъ не переказнятъ, сдѣлаютъ и по нашему!*“ — Уральцы дѣйствительно доказали и не разъ, что они „*славные казаки*“; но доказали это не протестами противъ правительства, а своею храбростью, ловкостью и расторопностью въ дѣлахъ съ непріятелемъ, — въ этомъ отношеніи они заслуженное мѣсто въ военной исторіи отечества. Геройскіе подвиги самоотверженія уральскихъ казаковъ во время войны извѣстны всей Россіи; но не тайна для многихъ — и ихъ безразсудное упорство правительству, ихъ открытые протесты. Что же касается вѣры, то уральцамъ никогда не приходилось за нее страдать: наказанныхъ и сосланныхъ въ разныя мѣста уральскихъ казаковъ *мучениками за впру* никто и никогда, кромѣ закоренѣлыхъ раскольниковъ изъ казаковъ же, не считалъ и не считаетъ;

это не мученики за впру, а несчастныя жертвы не-благоразумнаго упорства и крайне самообольщен-наго невѣжества. „Старая вѣра“, за которую скры-вались политическія тенденціи уральскаго раскола, никогда не одобряла неповиновенія властямъ, тѣмъ болѣе открытаго сопротивленія, дерзостей и убийствъ. Всѣ старообрядцы признаютъ богодохновенность уче-нія свв. апостоловъ и ученія евангельскаго, а св. апостолъ Петръ прямо говоритъ: „повинуйтесь царю, яко преобладающу; княземъ, яко отъ него посланнымъ. Повинуйтесь во всякомъ страсль владыкамъ не токмо благимъ и прокткимъ, но и строптивымъ; яко тако есть воля Божія, благотворящимъ обуздовати безум-ныхъ чловѣкъ невѣжество, яко свободни, а не яко прикованіе имуще злобы свободу, но яко раби Божіи. Всіхъ почитайте: братство возлюбите, Бога бойте-ся, царя чтите“⁽¹⁾.—То же самое внушаетъ намъ и богодохновенный сподвижникъ апостола Петра св. апостолъ Павелъ: „всяка душа властемъ придержа-щимъ да повинуется,—иначе бо властъ, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть; про-тивляяся власти, Божію повелѣнію противляется“.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Рѣчь Пимена Ерофеева, діакона австрійской лжеіерархіи, при его обращеніи къ Церкви.

Возлюбленная о Христѣ Братія!

Вступивъ нынѣ въ благодатный союзъ со св. Церковію, я за первый долгъ почитаю, съ чувствомъ неизъяснимой ду-шевной радости, принести благодареніе Господу, извѣдшему меня изъ тьмы невѣдѣнія, т. е. противленія св. Церкви, и

⁽¹⁾ 1 Петр. посл., гл. 2, ст. 13, 15—18.

приведшему къ сре́ту познанія истины, совокупившему ме-
ня избранному словесному стаду своея св. Церкви, чemu вы
и были нынѣ очевидцами. Благодарю Господа и за то, что
Онъ, по милосердію Своему, устроилъ день моего обраще-
нія,—день, въ который св. Церковь износить на поклоненіе
животворящій крестъ Христовъ, на которомъ Царь славы,
Господь Нашъ Іисусъ Христосъ волею руцѣ распростеръ,
собралъ расточенные языки. Отнынѣ я несмѣ раскольникъ
и раздорникъ, но сынъ единага, святага соборнага и апо-
стольскаго Церкви! — Помолитесь обо мнѣ, братія, да укрѣ-
пить меня Господь пребыть въ вѣрѣ сей твердымъ и посто-
яннымъ, и быть въ союзѣ со св. Церковью и въ послуша-
ніи ей до конца моей жизни, и да поможетъ мнѣ Богъ пре-
терпѣвать всѣ искушенія и огорченія отъ противниковъ св.
Церкви, которая отнынѣ неминуемо посыпается на меня со
всѣхъ сторонъ. Скажу вамъ теперь, не стѣсняясь, о себѣ:
я до сего времени, какъ вамъ известно, блуждалъ во тьмѣ
раскола; гналь Церковь Божію и разрушалъ ее; излиха
ревнителемъ быль неразумнымъ преданіямъ моихъ отцевъ и,
къ немалому сожалѣнію, много успѣвалъ въ дѣлѣ совраще-
нія съ пути истины простодушныхъ на путь заблужденія,
въ которомъ и самъ находился. Да проститъ мнѣ Господь
ревность эту, бывшую не по разуму! Искренно прошу хри-
стіанского прощенія и у всѣхъ тѣхъ, кого я совратилъ съ
пути истины. Сначала предки мои и я, для исправленія
духовныхъ нуждъ, принимали бѣглое священство, бѣжавшее
отъ православной Церкви и своихъ законныхъ епископовъ;
мы принимали ихъ и дѣлали имъ, по своему, исправленія,
по понятіямъ нашимъ, будто бы правильныя. Но свидѣтель-
ствуюсь вамъ Богомъ, братія, что ни одинъ изъ нихъ не
приходилъ къ намъ по сознанію, какъ бы для спасенія
душъ нашихъ. Нѣтъ! они укрывались у насъ или отъ за-
коннаго преслѣдованія за свои пороки, или, вѣрнѣе всего,
приходили къ намъ ради алчнаго корыстолюбія. Сознавши
это, мы весьма обрадовались было появлѣнію австрійскаго
священства, съ своими митрополитами и епископами, что
теперь будемъ уже имѣть своихъ законныхъ пастырей и
Церковь. Сознаюсь вамъ, братія, что я и самъ быль од-
нимъ изъ членовъ этой Буковинской лжеіерархіи; я быль
рукоположенъ, въ 1865 г. февраля 3 дня, въ діаконы лже-
епископомъ Софоніемъ, и въ званіи этомъ находился до

настоящаго времени; но и тутъ самолично, видѣвши несогласія, раздоры, раздѣленія на окружниковъ и противоокружниковъ, проijkstra однихъ другими и многія беззаконныя дѣйствія въ высшихъ духовныхъ властяхъ, то же корыстолюбіе и попраніе совѣсти,— я не имѣлъ покоя въ душѣ ни днемъ, ни ночью въ теченіе этого времени; мнѣ ясно представилось, что садъ, егоже не насадилъ Отець Небесный, искореняется. Я съ величайшою грустію въ душѣ отвернулся отъ всего; рѣшилъ навсегда оставить мнимое страобрядчество и, какъ видите, присоединился къ стаду св. соборной и апостольской Церкви, гдѣ едино стадо и единъ Пастырь. Паки умоляю васъ, братія, помолиться обо мнѣ грѣшномъ". Аминь.

№ 2.

Рѣчь бывшаго священника австрійской лжеіерархіи Павла Биряева, перешедшаго въ единовѣріе.

„Днесъ воздадимъ благодареніе Господу Богу, призвавшему насъ ко святой Его Церкви и сподобившему насъ причаститься святыхъ, пречистыхъ и животворящихъ Его Таинъ!"

Благодаримъ Господа Нашего Иисуса Христа, что сподобилъ насъ прийти ко св. Его Церкви, въ такой великолѣтственный праздникъ святаго боголѣпнаго Преображенія Его, ибо въ эготъ св. день возвель Иисусъ учениковъ своихъ: Петра, Иоанна и Иакова на гору Фаворскую и преобразился предъ ними: показалъ имъ славу свою, якоже можаху зрѣти. Такъ и насъ возвель во св. Его Церковь и сподобилъ насъ зрети Его боголѣпно, чрезъ таинство тѣла и крови Его. Нынѣ мы, присоединившіеся къ св. Его Церкви, не менѣе должны радоваться, какъ тогда радовались св. апостолы Петръ, Иоаннъ и Иаковъ, видѣвшіе славу Божію на горѣ. Нынѣ мы въ той самой Церкви, о которой Иисусъ Христосъ сказалъ св. апостолу Петру, что „на семъ камени созижду Церковь мою и врата адovы не одолѣютъ ее" (Мѳ. зач. 67).

Сія св. Церковь, по словеси Христову, есть гостинница, въ ню же приведе Иисусъ человѣка нѣкоего, избѣженнаю отъ разбойниковъ и оставленнаю едва жива. Всадивъ же его

(Иисусъ Христосъ) на свой скотъ, приведе *его въ гостиницу*, и прилежа ему. Наутрія изшедъ, иземъ два сребренника, даде гостиннику и рече ему: прилежи ему: и, еже аще прииждивши, азъ, егда возвращуся, *воздамъ ти*" (Лук., зач. 53).

Теперь, братіе, должны мы разумѣть человѣка, шедшаго отъ Иерусалима и впадшаго въ разбойники и избѣннаго отъ нихъ, и разбойниковъ, и гостинницу, и гостинника. "Человѣкъ нѣкій" есть человѣческое естество, т. е. каждый изъ насть долженъ понимать о себѣ, а шествіе наше отъ Иерусалима во Иерихонъ выражаетъ то наше положеніе, когда мы отъ добродѣтельнаго и высокаго житія низходимъ въ низкое, питаемъ пристрастіе къ земному и въ такомъ-то пристрастіи творимъ разныя преступленія, — преступаемъ Божія заповѣди, отступаемъ отъ православной вѣры и отторгаемся отъ св. соборной и апостольской Церкви. Вотъ въ такомъ-то случаѣ мы впадаемъ въ разбойники, т. е. въ бѣсы, какъ говорить св. Феофилактъ: "впадшаго же въ разбойники, т. е. въ бѣсы, они обнажаютъ всякаго благаго помысла и Божія покрова, и тако раны грѣха налагаются, еле жива оставляюще". Гостинница же есть св. Церковь, которая всѣхъ пріемлетъ: и грѣшника, и мытаря. Но какъ Иисусъ Христосъ заповѣдалъ гостиннику прилежати о избѣнномъ человѣкѣ и на иждивеніе даль ему два сребренника: "И сіе навыкни (говорить Феофилактъ), имать бо образъ гостинника всякъ апостоль, и учитель, и игуменъ, имъ же даде Господъ два сребренника, сирѣчь два завѣта — ветхій и новый, и сія убо сребренники Господъ, на небеса восхода, оставилъ апостоламъ, учителямъ и епископамъ, на времена (до пришествія своего) рече же: *аще прииждивши, азъ, егда возвращуся, воздамъ ти*".

Итакъ нынѣ возблагодаримъ, братіе, Господа Бога за столь великія Его милости, что Онъ, чрезъ вѣрныхъ рабовъ своихъ — пастырей церковныхъ, благоволилъ намъ исцѣлиться отъ ранъ грѣховыхъ покаяніемъ и молитвами священническими и св. муропомазаніемъ, и сподобилъ насть причаститися св. пречистыхъ и животверящихъ Таинъ, тѣла и крови Его. Благодаримъ Бога, что теперь мы получили исцѣленіе отъ ранъ, нанесенныхъ намъ духовными разбойниками, преступлениемъ заповѣдей и отторженіемъ отъ св. соборной и апостольской Церкви. Нынѣ припомнить

мы и скажемъ: до благословенаго сего дня въ какомъ мы были блужденіи, Господи Боже мой! Въ слѣдъ кого мы шли² Шли мы въ слѣдъ осужденныхъ праведно и изверженыхъ изъ священнаго сана протопопа Аввакума съ прочими, которые гордостю своею безъ вины оставили св. соборную апостольскую Церковь и всесвятая таинства охулиша и обругаша. 218 лѣтъ тому назадъ, какъ отторглись отъ восточныхъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ и пятаго российскаго Аввакумъ съ прочими. Чрезъ какія же причины сдѣлали они такое отступленіе? — Вотъ этого и доселѣ не доказано и не доказжутъ истинно наши старообрядцы. Если говориль Аввакумъ, говорили и послѣдующіе ему, въ числѣ которыхъ были и мы, что въ Греціи до конца изсякла вѣра, то сіе несправедливо. Аввакумъ съ прочими были спроводщиками на книгопечатномъ дворѣ, они сами напечатали, съ дозволенія Іосифа патріарха, книгу: „О правой вѣрѣ“ въ 1648 году. Въ этой книгѣ, во 2 главѣ, на листѣ 28 говорится о греческомъ благочестіи такъ: „святая восточная въ Грецѣхъ обрѣтенная Церковь — правымъ царевымъ путемъ отъ Иисуса Христа, Бога и Спаса нашего и истинныхъ Его наслѣдниковъ, углаженнымъ, ни на право, ни на лѣво съ пути не совращася, къ горнему Иерусалиму сыны своя препровождаеть и ни въ чёмъ установлениія Спасителя своего, блаженныхъ Его учениковъ, св. отецъ преданія и седьми вселенскихъ соборовъ, Духомъ Святымъ собранныхъ, уставы не нарушаетъ, не отмѣняетъ и въ малѣйшей части не отступаетъ, не прибавляя, не отымая ничего, но яко солнце одиваковою лучею правды всегда свѣтится правою вѣрою“. Еще тамъ же, во главѣ 25, на листу 232, повѣльваетъ слушати восточныхъ патріарховъ: „слушаемъ Александрийскаго, антіохійскаго, іерусалимскаго и Великой Россіи, яко единовѣрныхъ константинопольскому, архіереевъ, почитаемъ и пріимаемъ, къ нимъ-бо надлежать оны Христовы словеса: „слушай васъ, Мене слушаетъ, и отметаясь васъ, мене отметается“ (Лук., зач. 51). И истинно есть, кто слушаетъ патріарховъ и отъ нихъ освящаемыхъ и посылаемыхъ, тотъ Христа слушаетъ, а кто отметается ихъ, и самого Христа Бога отметается тотъ. Сіе свидѣтельство о греческомъ благочестіи есть свидѣтельство святѣшаго Іосифа, патріарха московскаго, и Аввакума.

Какъ же Аввакумъ черезъ 5 лѣтъ потомъ дерзнулъ злоказально поносить восточныхъ патріарховъ, будто тамъ—въ Грецѣхъ до конца изсякла вѣра?

Вотъ, когда мы были въ старообрядчествѣ, то спрашивали другъ друга: „когда же послѣ Іосифа патріарха погибла въ Греціи вѣра?“—Но сего изъ нашихъ старообрядцевъ никто не могъ доказать. Чрезъ какія же причины Аввакумъ протопопъ отторгся отъ восточныхъ патріарховъ и своего россійскаго!—Сіе, по изслѣдованію, оказалось, что Аввакумъ злобою мстилъ патріарху Никону за то, что онъ удалилъ его отъ книгопечатнаго двора, и въ злобѣ и мщеніи Аввакумъ износилъ разныя укоризны на церковные обряды и патріарховъ, оправдавшихъ Никона. И бысть Аввакумъ въ конецъ противникъ Церкви Христовой, а о таковыхъ противникахъ Иисусъ Христосъ сказалъ: „аще же Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь“ (Мѳ., зач. 75).

Вотъ въ такомъ-то жалкомъ положеніи и оставались наши старообрядцы, и слишкомъ 200 лѣтъ пребывали безъ епископа, а съ одними бѣглыми и запрещенными попами и самозванцами, и благословленными мірянами, которые отчасти и священнодѣйствуютъ,—и такими поступками подверглись они 31 правилу св. апостолъ и 5 и 6 правиламъ св. собора, иже въ Гангрѣхъ; о таковыхъ и преподобный Никонъ говоритъ: „егда вѣсть тамъ архіерея, таковыи не дается Духъ Святый, яко же вѣруемъ“ (Тактионъ, слово 23), и св. священномуученикъ Игнатій Богоносецъ говоритъ: „таковыи оскверняется совѣстю и невѣрна горшій есть“ (Посланіе 1 къ Тралліапомъ). Наконецъ, такое жалкое или, лучше сказать, гибельное положеніе наши старообрядцы хотѣли поправить пріобрѣтеніемъ себѣ епископа — и чѣмъ? Получили троихъ: Анфима, Анфиногена и Епифанія⁽¹⁾; но, на бѣду ихъ, Анфимъ и Анфиногенъ не суть еписконы, а самозванцы, и этимъ старообрядцы наши болѣе только себя посрамили. Впослѣдствіи же, въ 1847 году, получили они грека Амвросія, бывшаго митрополитомъ въ Боснії, но

⁽¹⁾ Епифанія обрѣли въ концѣ 1734 г., Анфиногенъ явился въ 1749 г., Анфимъ самъ себя рукоположилъ въ 1753 г. 11 апрѣля, въ великий четвергъ. См. «Истор. очерки поповщины», гл. 4, стр. 95; гл. 5 стр. 139; гл. 6, с. 204.

впослѣдствіи отстраненного отъ митрополіи. Сей митрополитъ, живя праздно, не получая никакихъ себѣ доходовъ, рѣшился оставить св. соборную, апостольскую Церковь и, безъ воли своего патріарха, бѣжалъ къ нашимъ старообрядцамъ, и посвятиль имъ епископовъ и священниковъ; но, къ ихъ несчастію, и сie только болѣе раздробило ихъ на разныя партіи, во-первыхъ потому, что возникла эта іерархія на ложномъ ученіи, составленномъ Павломъ австрійскимъ⁽¹⁾. Второе, въ 1866 г., ихъ митрополитъ Кирилль издалъ учение новое, совершенно еретическое, называя имя Господа нашего Иисуса Христа именемъ антихриста, хуляще честный крестъ Христовъ и невѣжествомъ своимъ хуляще и Пресвятую Владычицу нашу, Богородицу, опредѣляя ее быти матерью антихриста⁽²⁾. Это учение раздробило въ конецъ сию новую іерархію; къ сему же еще и послѣдній Антоній, архіепископъ московскій и владимирскій, началь издавать разныя неправославныя ученія, не повелѣвая приносити жертву на св. проскомидіи о богонаструженномъ Государѣ Императорѣ нашемъ, а сie мудрованіе причастно ереси галилейской. При семъ еще, излагая чинъ принятія переходящихъ отъ православія, и этимъ въ такой вовлекся грѣхъ, что новоизложенная клятва восходитъ (о ужасно!) на Творца закона, Творца всей чувственной и разумной твари, и на св. угодниковъ Божіихъ. О такомъ чинопріятіи замѣчаетъ Пафнутий казанскій: „таковыми чинопріятіемъ и издатель, и действующій по нему священникъ, и присоединяющійся неизбѣжно творятъ самопроклятыми“⁽³⁾. Вотъ въ такомъ положеніи остаются наши старообрядцы и съ своими епископами и попами; не только что погрѣшаютъ противу Христа Спасителя, свв. апостоловъ и свв. отецъ, но впадаютъ въ само-проклятие.

⁽¹⁾ Отвѣтъ на письмо старообрядца инока Филарета. Москва 1863 г., стр. 2.

⁽²⁾ Подробное изложеніе Прокопо-Кириллова ученія см. въ статьѣ: «Новый расколъ въ расколѣ» (Совр. Лѣт. 1867 г., № 16) и въ статьѣ: «Бѣлокриницкій соборъ» (Совр. Лѣт. раскола 1869 г., вып. 1, стр. 9 и 10).

⁽³⁾ Совр. Лѣт. раскола, вып. 2, въ прилож. стр. 6 и 7.

Теперь я скажу нѣчто о себѣ. Я отъ колыбели старообрядецъ, въ послѣдствій, въ средѣ своихъ, былъ удостоенъ, въ 1862 г., чина діакона, а въ 1864 г. рукоположенъ въ сань священника. Но благодаря милосердаго Бога, по рукоположеніи меня во священника, замѣчаль я нѣкоторыя неправды въ своемъ старообрядчествѣ и путемъ безпристрастія разсмотривалъ: на какомъ основаніи существуетъ наше старообрядчество, бывшее 200 лѣтъ безъ епископа, и чрезъ какія причины отдѣляемся мы, старообрядцы, отъ православной Церкви? Итакъ, желая душѣ своей спасенія, по прилежномъ разсмотрѣніи, нашелъ, что наше старообрядчество не есть св. соборная, апостольская Церковь; но есть звено, отторгшееся отъ нея. Что же касается до православной Церкви, то въ ней нѣть причинъ, могущихъ насъ съ нею раздѣлить. Посему нынѣ я обращаюсь къ св. Церкви съ чистою совѣстю и твердою вѣрою, чая спасенія своей душѣ. Что же касается до того, что иногда были отъ меня, отъ неразумія раскольническаго, злочулінія на св. Церковь; то прошу въ этомъ прощенія у всѣхъ православныхъ христіанъ: быть можетъ, что иногда соблазнялъ кого, представляя имъ укоризну на св. Церковь и на пастырей ея, и что могло послужить къ свораченію христіанъ отъ православной Церкви.

Простите меня, отцы, и братіе, и сестры, и помолитесь о мнѣ ко Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу, да за ваши святые молитвы сподобитъ меня Господь спасеніе получить". Аминь.

№ 3.

Списокъ лицъ, перешедшихъ изъ раскола въ единовѣріе въ апрѣль 1872 г., въ Уральскѣ.

- 1) Уральского раскольническаго Садовскаго скита иночки *Аполлинарія*, въ мірскомъ званіи—казачка Праксевья Хохлачева 80 лѣтъ.
- 2) Того же скита иночка *Павла*, въ мірскомъ званіи Праксевья Іосифова, дочь казака Севрюгина 58 —

Послушницы ихъ:

3) Дочь казака, дѣвица Варвара Хрисан- фова Копылева	40 лѣтъ.
4) Вдова-казачка Марья Петрова Шильнова.	60 —
5) Дочь крестьянина дѣвица Фекла Артемьевна Платонова	20 —

Раскольники ведосельевской секты:

6) Июкиня прусского раскольнического скита Варвара, дочь Ильичева	37 —
7) Оренбургский мѣщанинъ Иванъ Дмитрі- евъ Богдановъ	36 —
8) Жена его Марья Михайлова	32 —

Дѣти ихъ:

9) Алексѣй	9 —
10) Степанъ.	4 —
11) Кирилль	1 году.

Племянники Богданова:

12) Крестьянинъ Филиппъ Федоровъ Чеку- новъ.	21 —
13) Василій Петровъ Богдановъ	15 —
14) Симбирской губерніи села Ждамирова крестьянинъ Андрей Васильевичъ Мастеровъ	42 —
15) Жена его Дарья Иванова	42 —
16) Сынъ ихъ Кипріанъ	8 —
17) Самарскій мѣщанинъ Павелъ Дмитріевъ Тезиковъ	32 —
18) Жена его Агрипина Антонова	30 —

Дѣти ихъ:

19) Пелагея.	9 —
20) Васса	4 —

№ 4.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ обратившихся изъ раскола въ православіе житеlei въ землѣ Уральскаго казачьаго войска, войскова-го и иногороднаго сословія, за время съ 1860 по 1876 годъ включительно.

ГОДЪ.		Число лицъ обоего пола.
1860	Обратившихся было . . .	1368
1861	—	567
1862	—	517
1863	—	241
1864	—	284
1865	—	59
1866	—	7
1867	—	20
1868	—	12
1869	—	14
1870	—	25
1871	—	28
1872	—	9
1873	—	11
1874	—	3
1875	—	3
1876	—	81
Всего въ 17 лѣтъ . . .		3249

Вѣдомость эта доставлена намъ, чрезъ протоіерея А. П. Добровидова, дѣлопроизводителемъ Уральскаго хозяйственнаго правленія по статистическому столу А. И. Логиновыи. Настоящая вѣдомость, на сколько можно судить по другимъ даннымъ, оказывается не вполнѣ вѣрной, такъ

напр. въ 1872 г. обратившихся показано только 9 чел., тогда какъ ихъ даже по списку, приведенному нами подъ № 3, значится 20 человѣкъ⁽¹⁾). Не смотря, однако же, на неточность цыфръ этой вѣдомости, изъ нея можно видѣть, что число обратившихся изъ раскола въ православіе въ Уральской области, начиная съ 1860 г., постепенно уменьшалось до 1866 г., затѣмъ оно колеблется отъ 20 до 81 человѣкъ.

В. Витевскій.

⁽¹⁾ Въ отчетѣ Оберъ-прокурора Святѣшаго Синода эти 20 челов. отнесены къ 1873 г. См. извлеченіе изъ «Правит. Вѣстника» въ Ур. вѣд. 1874 г., № 1, стр. 4.